

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6
1986

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Недорезов А. И.</i> Выдающийся деятель Чехословакии, большой друг Советского Союза (К 90-летию со дня рождения К. Готвальда)	3
<i>Пушкаш А. И.</i> Строительство социализма в Венгрии. Разгром контрреволюционного путча в 1956 году	11
<i>Попов Г. Н., Страшнюк С. Ю.</i> Советско-болгарское сотрудничество в развитии кинематографии (1971—1985)	21
<i>Ким И. К.</i> Лагерь «санации» и парламентские выборы 1938 г. в Польше	31
<i>Андрюшин Е. Н.</i> К вопросу о формировании общественно-политических взглядов Д. Благоева и его отношении к русскому революционному народничеству (1879—1885 гг.)	43
<i>Рогов А. И.</i> Юрий Крижанич и русский раскол	55
<i>Флоря Б. Н.</i> К вопросу о датировке «Успения Кирилла»	63
<i>Мещеряков С. П.</i> Жанровое своеобразие романа Б. Петровича «Певец»	70
<i>Овчмян А. А.</i> Типологическое сходство в формировании армянской и сербской культур в эпоху национального возрождения	79
<i>Дмитриев П. А.</i> О некоторых вопросах истории сербохорватского/хорватосербского литературного языка	91
<i>Вендина Т. И.</i> О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского именного словообразования	99

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Мыльников А. С.</i> Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв.	108
<i>Риер Я. Г. R. Snažil. Změny sídlištní sítě a jejich příčiny v. 10.—19 století.—Uherskohradištsko</i>	112

6

1986

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Чепелевская Т. Ф.</i> Bernik. Tipologija Sankarjeve proze	114
<i>Волоцкая Э. М.</i> Ст. Стойкова. Български народни гатанки	116
<i>Беляев Д. Д., Журавлев В. К.</i> Л. Э. Калмынь, Л. И. Масленникова. Опыт изучения слога в славянских диалектах	118
<i>Дуличенко А. Д.</i> Rječnik hrvatskoga kaikavskoga književnog jezika. Urednik В. Finka. Knj, I, sv. 1. A — senina	122
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1986 г.	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

НЕДОРЕЗОВ А. И.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ ЧЕХОСЛОВАКИИ, БОЛЬШОЙ ДРУГ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (к 90-летию со дня рождения К. Готвальда)

Социалистическая революция в России оказала глубокое воздействие на теорию и практику освободительного движения народных масс всего мира. Набат Октябрьской революции вдохновил на борьбу всех людей, не желавших мириться с социальным угнетением и бесправием.

Среди тех, кого Октябрьская революция воодушевила на борьбу за социальную справедливость, был рабочий-столяр из г. Русинова Клемент Готвальд, ставший одним из крупных теоретиков и практиков чехословацкого и международного рабочего движения. Ему принадлежит большая роль в создании революционной партии рабочего класса — Коммунистической партии Чехословакии, в разработке стратегии и тактики народной революции в условиях освободительного движения против чужеземных захватчиков, развертывания ее в революцию социалистическую.

Для деятельности К. Готвальда была характерна непоколебимая вера в творческую революционную энергию рабочего класса своей страны, в его способность устранить капитализм и построить новое на принципах социальной справедливости общество. Эта его вера явилась результатом глубокого изучения теории марксизма-ленинизма и осмысливания опыта борьбы трудящихся за социальное освобождение. Он хорошо понимал значение советско-чехословацких связей для обеспечения независимости Чехословакии, освобождения ее от гитлеровской оккупации, развития революционного процесса в ней и ее последующего прогресса по пути социализма.

Находясь на посту редактора газеты словацких коммунистов «Глас люду» в г. Банска-Бистрица, К. Готвальд познал жизнь трудящихся Словакии. Он принимал активное участие в стачечном движении рабочих [1]. Тяжелое положение народных масс в национально поработанных районах буржуазной республики оставило глубокий след в его сознании. Но потребовалось теоретическое осмысление этой действительности, и К. Готвальд обратился к произведениям К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Особенно большое впечатление произвела на него работа В. И. Ленина «Государство и революция». «Эта книга, — писал он, — была для меня как открытие. У меня как бы открылись глаза. Мне сразу стало гораздо много яснее то, вокруг чего я ходил, как слепой, долгие годы. То же самое переживали и тысячи других рабочих. Мы говорили себе, если бы мы это знали раньше, перед войной, наши секретари и вожди нас бы так легко не провели» (цит. по: [2, с. 29]).

Работы В. И. Ленина указывали путь решения острых социально-экономических и национальных противоречий. Обогащенный теорией марксизма-ленинизма, хорошо зная положение в Словакии, К. Готвальд решительно выступил против шовинизма чешской буржуазии, концепции «чехословакизма», отрицавшей наличие словацкой нации. В отсталых аграрных районах Словакии он увидел большой резерв будущих классовых

бить, который составляли крестьянские массы и сельскохозяйственный пролетариат. Одной из задач партии являлось включение трудящихся масс деревни в освободительную борьбу промышленного пролетариата.

Можно полагать, что за время своей работы в Словакии К. Готвальд окончательно сформировался как революционер ленинского типа. Здесь в 1923 г. он стал членом областного комитета партии в г. Жилине и ведущим редактором газеты.

С великой скорбью воспринял К. Готвальд, как и все трудящиеся его страны, смерть В. И. Ленина. Он написал статью, где выражал твердую уверенность, что рабочий класс претворит в жизнь заветы В. И. Ленина во всем мире. «Над гробом Ленина, — говорилось в ней, — склоняется весь рабочий мир. Любовь трудящихся к своему вождю велика и чистосердечна. И выражая эту большую любовь к нашему дорогому Ильичу, мы торжественно обещаем, что выполним его заветы, будем идти по указанному им пути. Мы доведем борьбу до победного конца» (цит. по: [2, с. 47]).

В 1924 г., в связи с перемещением редакции газеты в Оставу, туда переехал и К. Готвальд. Он повел бескомпромиссную борьбу с оппортунистами, пытавшимися свернуть партию с революционного пути. Оппортунистам с помощью левой фразы удавалось дезориентировать значительную часть коммунистов и создавать в партии кризисные ситуации [3]. Так было, в частности, после II съезда партии, проходившего в конце октября — начале ноября 1924 г., когда оппортунистам во главе с Бубником удалось получить поддержку в некоторых областных и районных комитетах и партийных организациях. И хотя с помощью Коминтерна сторонники Бубника были изгнаны из партии, корни оппортунизма сохранялись. К. Готвальд в своих статьях и выступлениях, в написанном им обращении партии к трудящимся развивал идею создания партии ленинского типа, укрепления ее руководящей роли путем организации борьбы народных масс за осуществление их социальных требований, за установление власти трудящихся [4, sv. I, с. 16].

На III съезде КПЧ (сентябрь 1925 г.) К. Готвальд был избран членом ЦК, Политбюро и Оргбюро ЦК, что свидетельствовало о его активной политической деятельности и незаурядных организаторских способностях.

После съезда К. Готвальд возглавил Комиссию по агитации и пропаганде. На этом посту он уделял много внимания разработке новой стратегии и тактики партии и налаживанию агитационно-пропагандистской работы партии в массах. Его способность располагать к себе людей, убеждать их в необходимости таких, а не иных действий обеспечила то, что его единомышленниками стали видные деятели партии — Ян Шверма, Вацлав Копецкий, братья Ярослав и Владимир Прохазки, писатели-коммунисты Станислав Костка Нейман, Иван Ольбрахт, Мария Майерова и другие.

После IV съезда КПЧ (1927) преобладающее влияние в центральном секретариате получила группа Илека — Болена, которая пыталась решать все вопросы в обход Политбюро и ЦК партии. Эта группа, выступавшая прежде с ультралевых позиций, теперь стала практиковать пассивность, бездеятельность. Она отвергала ленинское учение о ведущей роли партии и диктатуре пролетариата, так как не верила в революционные возможности рабочего класса. В результате был сорван ряд выступлений рабочих, некоторые из крупных забастовок закончились поражением. В партии назревал новый кризис. Но в ней уже сформировались кадры, овладевшие марксистско-ленинским учением. Видное место среди них занимал К. Готвальд. Он возглавил революционное ядро в КПЧ, смело выступившее против оппортунистов. К. Готвальд подверг резкой критике несостоятельность оппортунистических взглядов по вопросам единого фронта, антирабочего закона о социальном страховании, выступлений рабочих в рамках так называемого Красного дня [5, т. I, с. 12—23].

Вместе со своими единомышленниками К. Готвальд добился проведения партийной дискуссии о причинах неудачи «Красного дня». В ходе ее оппортунистам был нанесен первый серьезный удар, возросла политическая активность революционных сил в партии [6].

В июле 1928 г. К. Готвальд выступил на VI конгрессе Коминтерна с речью о международном положении Чехословакии и опасности империалистической войны и положении в КПЧ [4, sv. I, s. 92 и сл.]. Он вскрыл полную неспособность группы Илека — Болена увязать борьбу за упрочение международного положения Чехословакии с решением социальных проблем в интересах народов страны.

Исполком Коминтерна рассмотрел вопрос о положении, сложившемся в КПЧ. На заседании Исполкома К. Готвальд выступил с речью, в основу которой легли подготовленные им «Материалы к дискуссии по чехословацкому вопросу» [4, sv. I, s. 49—84]. Он раскрыл сущность классовых противоречий буржуазного чехословацкого общества в период частичной стабилизации капитализма, показал неустойчивый временный ее характер, социальные корни оппортунизма в партии, вред, наносимый им в различных областях ее деятельности, и изложил программу перестройки работы партии [4, sv. I, s. 118—119]. Опираясь на помощь Коминтерна, К. Готвальд с группой поддерживавших его видных деятелей (Б. Шмераль, А. Запотоцкий, К. Крейбих) и областных организаций партии продолжил борьбу с оппортунизмом. В результате накануне и в ходе V съезда КПЧ оппортунизм был разгромлен идейно, и ряды партии были очищены от его проводников. Рабочий класс Чехословакии одержал победу огромной исторической значимости. Завершилось формирование партии ленинского типа, способной привести трудящиеся массы к победе над буржуазией.

После съезда КПЧ К. Готвальд уделил много внимания организации повседневной борьбы трудящихся за их насущные интересы. Он часто посещал города и села, выступал на митингах, участвовал в демонстрациях. Партия руководила всеми классовыми схватками пролетариата с буржуазией в годы мирового экономического кризиса.

Угроза фашистской агрессии и новой мировой войны выдвинула в середине 30-х годов новые острые политические проблемы. На карту был поставлен вопрос о чехословацкой государственности и свободе народов. Исходя из решений Исполкома Коминтерна о тактике создания народного фронта, руководство Компартии Чехословакии стало предпринимать меры к объединению всех антифашистских сил в стране. Однако его усилия натолкнулись на глухую стену отчужденности вождей социал-демократии и других реформистских партий. Лишь в отдельных низовых организациях социал-демократов призывы КПЧ получили положительный отклик. На VII конгрессе Коминтерна К. Готвальд изложил разработанную КПЧ революционную программу создания народного фронта в Чехословакии и защиты ее от угрозы фашистской агрессии. Предусматривалось образование правительства народного фронта и участие в нем представителей рабочего класса. Первоочередной задачей этого правительства стала бы защита независимости страны [4, sv. VI, s. 170—186]. Идея создания народного фронта была развита К. Готвальдом на VII съезде КПЧ в 1936 г. [4, sv. VII, s. 91—151]. Вследствие отрицательного отношения социал-демократической, национально-социалистической и других реформистских и буржуазных партий КПЧ не смогла тогда добиться осуществления этой программы. Разъединенность патриотических сил стала одной из причин капитуляции буржуазного правительства Чехословакии перед диктатом империалистических держав, подписавших в Мюнхене соглашение о расчленении страны, что явилось прологом к ее оккупации в марте 1939 г. и ликвидации Чехословацкой республики.

Авторитет, завоеванный КПЧ в предшествующие годы, ее четкая программа борьбы с оккупантами и их пособниками, тесная связь с широкими народными массами позволили партии выдержать натиск гитлеровского террора, сплотить вокруг себя тысячи патриотов и руководить их борьбой в условиях фашистской оккупации. Гитлеровские сатрапы не могли уничтожить партию, хотя и применяли против нее самые изощренные методы провокаций и репрессий. Но им удалось нанести ей ощутимые потери. Четыре состава подпольного Центрального руководства КПЧ были почти полностью уничтожены. Среди павших в борьбе были такие видные деятели партии, как Я. Шверма, Ю. Фучик, Я. Осога и др.

К. Готвальд с группой ведущих деятелей партии вынужден был покинуть страну. Находясь в СССР, он возглавил заграничное руководство КПЧ. Действуя в контакте с подпольным центральным руководством партии на родине, заграничное руководство сосредоточило внимание на выработке стратегии и тактики освободительного движения, в особенности на вопросах организации антифашистской борьбы, обеспечения помощи со стороны антифашистской коалиции, перерастания движения в социальную революцию, определения союзников и попутчиков пролетариата в этой революции, внешнеполитической ориентации будущего государства.

Глубоко проанализировав ход национально-освободительной борьбы в 1918—1920 гг., К. Готвальд пришел к выводу, что развернувшаяся в те годы национально-демократическая революция проходила при гегемонии чешской буржуазии, что и обусловило переход в ее руки политической власти. Теперь, в новых исторических условиях, считал он, необходимо добиться включения в освободительное движение всех патриотических сил, их сплочения в общенациональном фронте борьбы с фашизмом. Усилия партии должны были быть направлены на всемерное развитие антифашистского движения и обеспечение ведущего положения рабочего класса в союзе патриотических сил, на достижение определенного соглашения с кругами буржуазии, стоявшими на антифашистской позиции. Эти установки К. Готвальда получили воплощение в действиях как зарубежного руководства партии, так и ее органов и организаций на родине.

Ведущая роль рабочего класса в освободительном движении, полагал К. Готвальд, позволит добиться перерастания движения в национально-демократическую революцию, которая покончит с господством оккупантов и осуществит глубокие демократические преобразования. Дальнейшее развитие народно-демократической революции приведет к победе социалистической революции. Выработанная партией при активном участии К. Готвальда стратегия освободительного движения в стране предусматривала революционное преобразование общества, избавление трудящихся от социального гнета.

Важнейшую гарантию достижения партией и народом этих целей К. Готвальд усматривал в коренном изменении внешнеполитической ориентации чехословацкого государства путем установления дружественных отношений с Советским Союзом и отказа от пагубной для страны ориентации на западные империалистические державы. «К Чехословакии, — писал он в 1939 г., после захвата страны гитлеровцами, — еще в большей степени, чем ко всем другим малым народам, относится положение, что не только классовые интересы рабочего класса, но и национальные интересы всего народа неразрывно связаны с Советским Союзом. Поэтому это справедливое дело победит во что бы то ни стало» [5, т. II, с. 15]. Эту идею К. Готвальд развивал и отстаивал в выступлениях по радио на Чехословакию, в статьях, публичных заявлениях, а также во время переговоров с представителями буржуазной эмиграции, которые он вел как руководитель чехословацких коммунистов и депутат парламента. Выступая 14 марта 1944 г. на собрании чехословацких граждан в Москве, К. Готвальд указывал: «Чем больше Красная Армия, а в ее рядах и чехословацкие солдаты приближаются к границам нашей республики, тем неотложнее встает вопрос о крупном боевом выступлении нашего народа в Чехии, Моравии, в Словакии и на Закарпатской Украине» [2, с. 209]. Много внимания он уделял вопросам налаживания чехословацко-советского боевого сотрудничества, касалось ли это подготовки и участия в боях на фронте чехословацкой воинской части, созданной в СССР, или развертывания вооруженной борьбы против оккупантов на родине. При его участии было налажено обучение организаторов партизанского движения в специальных советских школах. Вскоре вместе с опытными советскими партизанами эти организаторы были высажены в тылу врага и сыграли большую роль в развертывании партизанского движения в стране, в подготовке и осуществлении Словацкого национального восстания.

2 сентября 1944 г. от имени ЦК КПЧ К. Готвальд обратился к Советскому правительству с письмом, в котором дал глубокий анализ обстанов-

ки в Словакии, причин и характера восстания и просил оказать помощь словацкому народу. «Помощь Красной Армии, — писал он, — предоставленная в любой форме, будет действовать как огромное моральное подкрепление в этой борьбе, которая в настоящее время является самым важным очагом борьбы за освобождение всей Чехословакии» [7, с. 134].

Советское правительство оказало большую помощь восставшему словацкому народу.

Вскоре К. Готвальд вместе с другими видными политическими деятелями Чехословакии обратился к чешскому народу с призывом активно помогать словацким повстанцам и наступающей на запад Красной Армии [7, с. 153—155].

Правительственная программа, разработанная К. Готвальдом, В. Копецким и З. Неedly, получившая наименование Кошицкой, предполагала осуществление глубоких экономических и политических преобразований: ликвидацию господства буржуазии, установление власти народа и переход в его руки ключевых экономических позиций. Ее выполнение вело к усилению ведущей роли рабочего класса в государстве в условиях мирного развития национальной и демократической революции. Вместе с тем предполагалось политическое соглашение между коммунистами и той частью буржуазии и реформистских партий, которые участвовали в антифашистской борьбе и имели определенное влияние в стране. Это позволяло довести революционный процесс до его завершения — победы социалистической революции. В Кошицкой программе подчеркивалось значение чехословацко-советского союза для страны. «Выражая безграничную благодарность чешского и словацкого народов Советскому Союзу, — говорилось в ней, — правительство будет считать незыблемой руководящей линией чехословацкой внешней политики самый тесный союз с победоносной славянской державой на Востоке. Чехословацко-советский договор от 12 декабря 1943 г. о взаимной помощи, дружбе и послевоенном сотрудничестве будет и в будущем определять внешнеполитическую позицию нашего государства» [8, с. 9].

В качестве руководящего деятеля антифашистского освободительного движения и лидера партии коммунистов К. Готвальд стал заместителем председателя правительства Национального фронта. Всего коммунисты в правительстве получили 8 постов. Это создало благоприятные условия для осуществления политики партии.

После освобождения страны усилия партии были направлены на коренную перестройку всей общественной жизни. В октябре 1945 г. началось осуществление национализации крупной промышленности и банков и проведение аграрной реформы. Изъятые у буржуазии средства производства перешли в руки народа. Нелегким делом была организация общественно-го производства и управления им. Положение осложнялось тем, что оккупанты и война нанесли народному хозяйству значительный ущерб и дезорганизовали его. Требовалось наладить отношения между чешским и словацким народами, между рабочим классом и крестьянством, улучшить снабжение населения продовольствием, социальное положение трудящихся, устранить последствия оккупации в области культуры и духовной жизни народа. Эта гигантская ломка старых и введение новых общественных отношений требовали развития революционной инициативы и энтузиазма масс и больших усилий со стороны коммунистической партии, стоявшей во главе развернувшегося революционного процесса.

И К. Готвальд все свои силы отдает великому делу революционного преобразования общества. С присущей ему глубиной анализа сложившейся ситуации и даром предвидения общественного развития уже в своих первых выступлениях на освобожденной родине он выдвинул перед рабочим классом и партией четкие задачи. Он предупреждал партию об опасности забегания вперед в деле осуществления социально-экономических и политических преобразований. Забегание, — говорил он, — игнорирующее характер национальной и демократической революции, необходимость поддержания и упрочения национального фронта, неизбежно поведет к отрыву авангарда от масс. Необходимо исчерпать все возможности нацио-

нальной и демократической революции, нужно, чтобы партия привлекла «на свою сторону большинство нации, большинство народа» [5, т. II, с. 107].

Отмечая, что большая часть народа поддерживает программу правительства Национального фронта, т. е. программу национальной и демократической революции, К. Готвальд вместе с тем указывал, что буржуазия еще не побеждена окончательно, напротив, только начинается борьба за руководство, за душу нации между коммунистами и предательской буржуазией. Это борьба идеологическая, политическая, административная, экономическая, борьба за власть, короче говоря — борьба на всех фронтах [5, т. II, с. 111].

Рабочий класс смог победить в этой сложной и острой схватке с буржуазией благодаря тому, что имел в качестве своего руководителя закаленную в боях с врагами партию коммунистов.

Важным залогом успешного строительства новой республики К. Готвальд считал незыблемость чехословацко-советской дружбы. Уже осенью 1945 г. он решительно клеймил попытки спекуляций по вопросу союзнических отношений между двумя странами, едко высмеял идею «чехословацкого моста» между Востоком и Западом. Выступая на массовом митинге трудящихся в г. Брно, он раскрыл решающую роль Октябрьской революции в России в образовании Чехословакии и обосновал жизненную необходимость для чехословацкого народа дружбы с СССР на вечные времена. «Сохранив на вечные времена нашу верную дружбу с Советским Союзом, — подчеркивал К. Готвальд, — мы сохраним тем самым на вечные времена нашу свободную независимую чехословацкую республику» [4, sv. XII, s. 192].

Рассматривая дружбу ЧСР и СССР как великое завоевание народов двух стран, коммунисты вели решительную и последовательную борьбу за ее упрочение. Народы Чехословакии единодушно поддержали позицию КПЧ по этому вопросу. Они высоко оценили помощь, которую оказывал им Советский Союз поставками сырья и продовольствия, в возвращении захваченного оккупантами имущества, поддержкой на международной арене справедливых требований чехословацкого правительства.

Особое значение приобрел вопрос о расширении социальной базы народно-демократического строя. Необходимо было укрепить и расширить Национальный фронт чехов и словаков, сложившийся в ходе национально-освободительного движения и являвшийся формой союза рабочего класса с крестьянством и средними слоями города, то есть ремесленниками, мелкими торговцами и интеллигенцией. Среди этих слоев, а также у крестьянства и части рабочего класса сохранились еще иллюзии буржуазной парламентской демократии. Поэтому партия проводила курс на воспитание масс в самом революционном процессе, в ходе классовой борьбы за утверждение народной демократии, за осуществление насущных интересов народных масс, в особенности мелкого и среднего крестьянства. Народная демократия создавала благоприятные возможности для перехода к решению задач социалистического характера. И эти возможности в полной мере были использованы чехословацкими коммунистами. Характеризуя развитие политической ситуации в стране в период после освобождения до февральских событий 1948 г., К. Готвальд отмечал: «Хотя мы, коммунисты, и не строили никаких иллюзий (в отношении позиции буржуазии. — А. Н.), однако в то время главным образом деревня и средние слои города не были еще настолько зрелыми, чтобы понять, на что способна буржуазия после всех тех изменений, которые она совершила перед войной, в период Мюнхена и во время войны. Наш народ после освобождения должен был пройти большую школу, для того чтобы раскусить, с кем он имеет дело» [5, т. II, с. 238].

Осуществляя такие глубокие социально-экономические преобразования, как национализация промышленности, банков и страховых обществ, как аграрная реформа, как устранение из общественной жизни фашистов и коллаборационистов, сотрудничавших с оккупантами, как замена прежнего бюрократического аппарата управления избираемыми народом на-

циональными комитетами, создание на предприятиях заводских комитетов, партия укрепляла позиции народной власти и ослабляла влияние буржуазии. В стране складывались объективные условия для перерастания демократической революции в социалистическую.

Предувствую свое поражение, буржуазия с лета 1947 г. стала готовиться к контрреволюционному перевороту. Ее кредо изложил на заседании руководства национально-социалистической партии, состоявшемся осенью 1947 г., представитель банковских кругов Энглин, являвшийся политическим советником тогдашнего президента Э. Бенеша: «Поскольку коммунисты работают хорошо, и у нас нет надежды, что политическая и экономическая ситуация изменится в нашу пользу, мы должны стремиться немедленно предпринять необходимые меры» [9].

Постоянные тайные встречи лидеров реформистских и буржуазных партий не могли не насторожить коммунистов. В октябре 1947 г. последовало открытое выступление лидеров Демократической партии Словакии, спровоцировавших отставку корпуса уполномоченных. На ноябрьском 1947 г. пленуме ЦК КПЧ К. Готвальд предупредил партию и народ о намерении реакции совершить антигосударственный переворот. Партия и народ были подготовлены к ответному контрудару, который и был нанесен реакции в феврале 1948 г.

В февральские дни К. Готвальд, выступая на грандиозных митингах, раскрыл замыслы реакционных министров, пытавшихся свергнуть правительство Национального фронта. Он подчеркивал, что правительственный кризис должен быть решен парламентскими методами, путем изменения состава правительства, указывал на большое значение для народов Чехословакии дружбы с Советским Союзом.

Победа рабочего класса в феврале 1948 г., знаменовавшая собой установление диктатуры пролетариата, ознаменовала не только поражение чехословацкой буржуазии, но была ударом по мировому империализму, активно поддерживавшему ее контрреволюционные замыслы.

Она свидетельствовала о высокой политической зрелости рабочего класса страны и стратегическом мастерстве его авангарда — партии чехословацких коммунистов, сумевшей развить политическую активность масс, укрепить союз рабочего класса с непролетарскими слоями и лишить буржуазию ее основных социальных резервов.

В мае 1949 г. в отчетном докладе ЦК КПЧ IX съезду партии, с которым выступил К. Готвальд, была определена программа строительства основ социализма. Она предусматривала перестройку всех отраслей народного хозяйства на социалистических основах. Одной из важных задач являлась социалистическая перестройка деревни путем производственного кооперирования крестьянских хозяйств. «Без перехода деревни к социализму, — указывал К. Готвальд, — у нас не будет социализма» [10]. Съезд единодушно одобрил программу развития чехословацкого общества по пути социализма, и в последующие годы она была осуществлена.

Большие достижения трудящихся Чехословакии уже в первые годы строительства социализма при помощи Советского Союза позволили К. Готвальду с полным основанием заявить при открытии музея В. И. Ленина в Праге в январе 1953 г., незадолго до своей кончины, что «лишь потому мы можем успешно строить социализм, что идем путем Ленина и что для нас надежной защитой является могучая страна Ленина — Советский Союз. Только на этом пути мы можем одерживать новые победы, сделать наше общество богатым и счастливым и сохранить мир для наших домов. Это обязывает нас всегда и при всех обстоятельствах оставаться верными ленинскому знамени» [5, т. II, с. 465—466]. Эти положения глубокого смысла и большого значения стали заветами, которым неуклонно следуют коммунисты и все трудящиеся Чехословакии. «В наших сердцах, — указывал Г. Гусак, — будет вечно жить память о Кlemente Готвальде, который в течение четверти века стоял во главе нашей партии и своей деятельностью внес существенный вклад в ее большевистское формирование, в развитие национально-демократической революции и в февральскую победу трудового народа. Под его руководством партия заложила прочные

основы союза между Чехословакией и СССР, разработала генеральную линию строительства социализма в нашей стране» [11].

Светлую память о К. Готвальде, выдающемся революционере-ленинце, великом сыне Чехословакии и неустанном борце за укрепление нерушимой чехословацко-советской дружбы хранят в своих сердцах и советские люди.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Holotiková Z.* Klement Gottwald na Slovensku v rokoch 1921—1924. Bratislava, 1953, s. 22.
2. *Matějka J.* Gottwald. Praha, 1971.
3. *Král V.* Cesta k leninismu. Prameny k dějním KSC v letech 1921—1929. Praha, 1971, s. 29.
4. *Gottwald Klement.* Spisy. Sv. I—XV. Praha, 1953—1961.
5. *Готвальд Клемент.* Избранные произведения в 2-х томах. М., 1957.
6. Очерк истории КПЧ. Прага, 1980, с. 134.
7. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4, кн. 2. М., 1985.
8. Program vlády Narodní fronty Čechů a Slováků. Praha, 1945.
9. Cestou k unoru. Dokumenty. Sestavil V. Král. Praha, 1963, s. 57.
10. Protokol IX řadného sjezdu Komunistické strany Československa v Praze 25—29. května 1949. Praha, 1949, s. 102.
11. *Гусак Густав.* Отчетный доклад о деятельности партии и развитии общества после XIII съезда КПЧ и дальнейшие задачи партии. 25 мая 1971 г. М., 1971, с. 17.

ПУШКАШ А. И.

СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В ВЕНГРИИ. РАЗГРОМ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ПУТЧА В 1956 ГОДУ

В 1945—1948 гг. в Венгрии народно-демократическая революция перерастала в социалистическую. Буржуазия была отстранена от власти. Создавалась новая политическая система, которая соответствовала целям построения нового общества. Трудящиеся приступили к построению материально-технической базы социализма.

Ведущей партией страны после объединения Венгерской коммунистической партии (ВКП) и Социал-демократической партии (СДП) стала Венгерская партия трудящихся (ВПТ). К руководству Партии мелких сельских хозяйств (ПМСХ) и Национальной крестьянской партии (НКП) пришли представители левого крыла, поддерживавшие курс ВПТ на строительство социализма. Оппозиционные буржуазные партии были распущены или самораспустились.

В 1949 г. Венгерский фронт национальной независимости был преобразован в Венгерский народный фронт. Он был расширен за счет массовых общественных организаций, таких как единые молодежные, женские и другие организации. Выборы в Государственное собрание в 1949 г. состоялись на основе единых списков Народного фронта. В соответствии с принятой конституцией, Венгрия стала Народной Республикой, государством рабочих и трудящихся крестьян, местными органами государственной власти и самоуправления являлись Советы.

Опираясь на завоевания рабочего класса в политической области, партия и правительство в декабре 1949 г. осуществили национализацию предприятий, на которых было занято свыше 10 рабочих [1, 201.old.]. В результате в руках государства сосредоточивалась крупная, средняя и частично мелкая промышленность, кредитная система, транспорт, внешняя торговля, большая часть внутренней торговли; социалистический сектор стал господствующим в экономике страны, за исключением сельского хозяйства.

1949 год принес значительные перемены и в жизни венгерского села. К концу года имелось уже 1456 производственных кооперативов, в которых было объединено 36 тыс. крестьян, сообща обрабатывавших 320 тыс. гектаров земли, что составляло вместе с землями госхозов 7,3% пахотных земель страны. В конце 1949 г. насчитывалось 200 МТС, которые обслуживали производственные кооперативы [2, с. 253; 3, 489.old.].

В результате самоотверженного труда рабочих и крестьян, выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства к середине 50-х годов была ликвидирована экономическая отсталость Венгрии. Были построены 65 новых крупных промышленных предприятий, а 84 — реконструированы и расширены [4, 359.old.]. Возникли новые отрасли промышленности — приборостроение, автомобилестроение и другие, получившие широкое развитие в последующие годы. Промышленность удовле-

гворяла внутренние потребности, значительная часть ее продукции экспортировалась. Венгрия превратилась из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную страну. Четверть всего самостоятельного населения (в 1949 г. — 19,4%) была занята в промышленности. Продукция фабрично-заводской промышленности увеличилась в 2,3 раза (тяжелой промышленности — в 3 раза, а машиностроения — в 3,5 раза). Значительно возрос удельный вес промышленности в народном хозяйстве. Она давала 53,8% национального дохода (1949 г. — 41,9%). Значительные сдвиги произошли в сельском хозяйстве. Число занятых в нем лиц уменьшилось с 54,5 до 43% [5].

К концу 1955 г. было создано 5110 производственных кооперативов трех типов, имевших в своем распоряжении 2 608 тыс. гектаров земли и объединивших 282 847 семей. Социалистический сектор охватывал 33% пахотной земли и одну треть поголовья скота [6, с. 71]. Однако в процессе кооперирования были допущены серьезные просчеты. Социалистическая перестройка сельского хозяйства не могла быть завершена в намеченные сроки, так как не было для этого необходимых условий. Стремление во что бы то ни стало выполнить план приводило нередко к нарушению принципа добровольности объединения единоличных крестьян в кооперативы. Положение в деревне осложнилось несовершенной системой госзаготовок продовольствия, низкими заготовительными ценами, недостатками в системе налогообложения.

В результате план производства сельскохозяйственной продукции не был выполнен. Одной из важнейших причин этого были погодно-климатические условия, засушливые годы. Кроме этого, в силу ряда обстоятельств оставалась необработанной значительная часть пахотного клина, хотя потребление населения за пятилетку возросло на 30% [7, с. 637], часть спроса оставалась неудовлетворенной. Не были в полной мере использованы возможности экономического развития, сложившиеся в результате образования в 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи.

Трудности в создании нового общества усугублялись волюнтаристскими действиями группы партийного и государственного руководства, возглавлявшейся М. Ракоши [8, 15—24, 457—472.old.]. Сыграв важную роль в борьбе за победу социалистической революции и восстановление экономики страны, М. Ракоши, начиная с 1949 г. мирился со складывавшимся вокруг него культом личности, а затем стал и поощрять это явление. «Его деятельность, — отмечал ЦК ВСРП, — подорвала единство партии, серьезно ослабила связи партии с массами и причинила тяжелый ущерб делу социализма» [9, с. 167]. При этом имели место нарушения партийной демократии и социалистической законности.

В этих условиях активизировалась деятельность ревизионистской группы И. Надя, выступавшей против курса партии на социалистическое преобразование сельского хозяйства [10, 119—170.old.]. В связи с назревающим общественным кризисом летом 1953 г. была предпринята попытка исправить допущенные просчеты, ввести коррективы в политическую линию партии. Секретариат ЦК ВПТ признал необходимым пересмотреть напряженные планы развития экономики, провести сокращение госаппарата и осуществить другие меры для стабилизации положения в стране [4, 370.old.] 27—28 июня 1953 г. состоялся пленум ЦК ВПТ, он принял решения, направленные на ликвидацию просчетов и перегибов, допущенных в ходе строительства социализма. Особое значение придавалось расширению связи партии с массами, упрочению союза рабочего класса и трудящихся крестьян, повышению руководящей роли рабочего класса в этом союзе. Предусматривалось некоторое снижение темпов развития тяжелой индустрии, указывалось на необходимость увеличения продукции легкой и пищевой промышленности и сельского хозяйства. Пленум рекомендовал не форсировать численный рост производственных сельскохозяйственных кооперативов и большее внимание уделить организационно-хозяйственному укреплению уже действовавших социалистических хозяйств. Вся хозяйственная деятельность должна была быть подчинена повышению жизненного уровня населения [11, 894—901.old.]. Эти решения партии, от-

вечашивые интересам трудящихся, встретились противодействие со стороны ревизионистов, позиции которых в связи с назначением И. Надя премьер-министром, значительно усилились. Под предлогом исправления допущенных ошибок, ревизионисты пытались разложить партию. В ВПТ развернулась борьба между сектантско-догматической группой М. Ракоши и ревизионистами — сторонниками И. Надя.

Якобы для устранения диспропорций между различными отраслями народного хозяйства И. Надь распорядился прекратить строительство десятков промышленных предприятий, в том числе 232 таких, которые более чем наполовину были построены или находились уже на стадии завершения. Вместе с тем последовали открытые нападки на сельскохозяйственные кооперативы [10, 349—376.old.]. В результате производственное кооперирование крестьян пошло на спад. Были распущены или распались 779 сельскохозяйственных кооперативов [12, 1205.old.]. В целом из кооперативов вышла почти половина их членов.

Действия ревизионистов вдохновляли буржуазные элементы города и села. Распространялись националистические и антисоциалистические взгляды. Ревизионисты искали и находили поддержку со стороны реакционных сил за рубежом.

На III съезде ВПТ, состоявшемся в мае 1954 г., была подчеркнута необходимость исправления недостатков, обнаружившихся в промышленности и сельском хозяйстве [13]. Внутрипартийные проблемы, однако, не были рассмотрены. И. Надь пытался посредством преобразования Венгерского народного фронта в Отечественный (точнее — патриотический) народный фронт свести на нет роль ВПТ. Его сторонники разжигали национализм и шовинизм, сеяли мелкобуржуазные иллюзии, очерняли достижения народной власти. С конца 1954 г. ревизионисты начали открытую фракционную борьбу. За антиправительственную деятельность ЦК ВПТ вывел И. Надя из своего состава, отозвал со всех постов, которые он занимал, а позднее исключил и из партии [4, 383—385.old.].

Однако большинство его сторонников осталось в рядах партии. Вскоре ревизионистам удалось сделать некоторые органы печати своим рупором, заручиться поддержкой в руководстве Союза писателей, распространить свое влияние на Союз трудящейся молодежи (СТМ), насаждать среди студенчества антимарксистские и антиправительственные взгляды.

Активизация ревизионистов внутри партии и за ее пределами создавала благоприятные условия для оживления деятельности остатков и сторонников прежних господствующих классов и усиления подрывных акций империалистическими кругами Запада. Так, бывшие хортисты, жандармы, полицейские и чиновники создали ряд тайных контрреволюционных групп, часть из которых носила военный характер [14]. «Белые партизаны», «Движение национального сопротивления» со своими штурмовыми отрядами, «Объединение юнкеров», молодежная организация «Люкс» и другие составляли подпольную сеть контрреволюционеров [15, с. 31—36]. Была создана даже контрреволюционная партия «Христианский фронт» [16, 65—66 old.]. Все они стремились к свержению социалистического строя и восстановлению капиталистических порядков в Венгрии.

Эти организации поддерживали тесную связь с разведывательными службами США, ФРГ и Англии. Они принимали в стране засылаемых ЦРУ и службой Гелена шпионов и агентов, завербованных, как правило, среди реакционной венгерской эмиграции, попавшей на Запад в обзоре гитлеровских войск [15, с. 64; 17, с. 180]. Радиостанция «Свободная Европа» вместе с «Голосом Америки» активизировала антивенгерскую деятельность и фактически взяла на себя роль координатора действий антисоциалистических сил и подстрекателя к выступлению против народно-демократического строя в Венгрии.

Ревизионисты, группировавшиеся вокруг И. Надя, в конце 1955 г. создали подпольную группу, ставившую целью захват государственной власти [17]. Они вели широкую пропагандистскую деятельность, прикрываясь лозунгами национального единства и особого пути развития страны; в унисон с идеологическими радиодиверсантами выступали против

основных принципов марксизма-ленинизма, пытались подорвать сотрудничество и дружбу Венгрии и СССР.

В 1956 г. ревизионисты, развернув широкую пропаганду, устраивали дискуссии и собрания, стремились заручиться поддержкой прежде всего еще идейно незакаленной и неустойчивой молодежи, что в значительной степени и удалось им. Летом 1956 г. дискуссии велись в клубе им. Петёфи, принадлежавшем ЦК СТМ, на собраниях ряда творческих союзов, на промышленных предприятиях, на крестьянских сходках, на студенческих собраниях.

В связи с нависшей угрозой для социализма в стране революционные силы предпринимали меры с целью оздоровления обстановки и обеспечения благоприятных условий для социалистического строительства. Состоявшийся 18—21 июля 1956 г. пленум ЦК ВПТ сосредоточил внимание трудящихся на выполнении задач второго пятилетнего плана (1956—1960), указал на необходимость укрепления партийной дисциплины и единства рядов партии, призвал вести борьбу на два фронта — против сектантства и оппортунизма, в особенности против правого уклона. М. Ракоши был освобожден от должности первого секретаря ЦК ВПТ и выведен из состава Политбюро. В ЦК ВПТ были кооптированы Я. Кадар и другие товарищи. Решения июльского пленума открывали перспективу пресечения деятельности контрреволюционного подполья и защиты власти трудящихся [18]. Но борьба за достижение этих целей была нелегким делом.

Как отмечалось позже в партийных документах, летом 1956 г. внутренним контрреволюционным силам удалось сколотить широкий политический блок против диктатуры пролетариата, простиравшийся от группы ревизионистских заговорщиков до хортистов и нилашистов. «Они разлагали ряды партии, вызвав замешательство в правительственных органах, раскололи лагерь сторонников народной власти и таким образом подготовили почву для вооруженного мятежа против народной власти» [19, с. 195].

Однако главную роль в организации контрреволюционной вылазки против народно-демократического строя в Венгрии сыграл американский империализм. Реакционные круги США, попирая суверенитет Венгрии, активно участвовали в подготовке заговора против народной власти. К осуществлению своих замыслов они привлекли реакционную часть венгерских эмигрантов, подвизавшихся в западных странах [20, с. 223—227].

В начале октября И. Надь обратился с письмом в ЦК с просьбой восстановить его в партии, давая обязательство подчиняться ее решениям [4, 39.old.]. 13 октября его просьба была удовлетворена. Одновременно он тайно встречался со своими единомышленниками и разрабатывал планы захвата власти [17, 12.old.; 15, с. 45]. Добиваясь намеченной цели, сторонники И. Нады на собраниях в вузах страны в открытую сформулировали «14 пунктов», требуя от партии и правительства замены всех звеньев центральных органов государственной власти и образования правительства И. Нады. Под этими лозунгами прошли демонстрации студентов 23 октября. В этот же день объединенные силы внутренней и внешней контрреволюции подвигали вооруженный мятеж против власти трудящихся.

Демонстрация, намеченная ревизионистами на 15 часов «в знак симпатии к польским коммунистам», началась у памятника Ш. Петёфи. Оттуда ее участники двинулись к памятнику польского революционера Ю. Бема, а затем часть их направилась на площадь Д. Дожи, а другая — на площадь перед зданием парламента. Участвовавшие в демонстрации ревизионисты и подключившиеся к ним организованные и вооруженные правые буржуазные группы выкрикивали националистические и антисоветские лозунги, вырезали гербы с национальных знамен, сбивали пятиконечные красные звезды с домов и учреждений [14, ч. 2, с. 22—29].

В вечерние часы состоялся митинг на площади им. Кошута, на котором выступил И. Надь. В то же время вооруженные контрреволюционные группы штурмовали Радиоцентр, здание газеты «Szabad Nép», центральную телефонную станцию, воинские казармы. Начальник столичной полиции, участник заговора, передал контрреволюционерам 20 тыс. единиц огнестрельного оружия [17, 12.old.].

В ночь на 24 октября состоялось заседание ЦК ВПТ и правительства. Кабинет министров обратился с просьбой к Советскому правительству оказать помощь в восстановлении порядка. Просьба была удовлетворена. Части советских войск, находившихся в Венгрии согласно Парижскому мирному договору, вошли в Будапешт и взяли под охрану важные стратегические пункты и общественные здания. В тот же день были очищены от мятежников здания радиостанции и редакции «Szabad Nép», а также большинство объектов, захваченных контрреволюционерами.

Одновременно были произведены значительные изменения в ЦК, Политбюро и правительстве. Премьер-министром стал И. Надь. Заняв руководящие посты, ревизионисты укрепили связи со сторонниками буржуазной реставрации, способствовали дезорганизации в руководстве вооруженных сил и не только не оказывали противодействия контрреволюционным бандам, но фактически парализовали борьбу с ними. Рабочие многих будапештских предприятий под руководством коммунистов отбили попытки мятежников проникнуть на фабрики и заводы, организовали заводскую охрану, но, несмотря на просьбу выдать им оружие, как и членам союза партизан, они его не получили [15, с. 67—68; 21, с. 16; 22, 97.old.]. Постановление правительства о введении чрезвычайного положения не выполнялось.

25 октября на заседании ЦК ВПТ И. Надь предложил вступить в переговоры с главарями контрреволюционных банд и открыто выступил против тех, кто защищал власть трудящихся. Армии было дано указание не применять оружие против мятежников. Избранный в тот день первым секретарем ЦК ВПТ Я. Кадар рекомендовал отразить вооруженное выступление и восстановить порядок. Но правительство на это не реагировало [4, 404.old.]. Создавались различного рода «революционные комитеты», «советы», «рабочие советы», руководство которыми контрреволюционеры взяли в свои руки [23, 118—153.old.]. 26 октября мятежные группы в столице и ряде периферийных городов нападали на здания райкомов партии, правления производственных кооперативов и совершали там погромы. Вооруженные банды освобождали из тюрем политических заключенных и уголовников, за счет которых пополняли свои ряды. И. Надь предложил квалифицировать контрреволюционный путч как «национально-демократическую революцию» и создать узкий кабинет в составе пяти человек. Но ЦК ВПТ отклонил эту рекомендацию [4, 405.old.].

На следующий день орган ЦК ВПТ «Szabad Nép», находившийся в руках ревизионистов, уже открыто пропагандировал эту идею И. Надя. С целью облегчения восстановления буржуазного режима И. Надь включил в программу своего правительства выход Венгрии из Варшавского Договора и образование многопартийного правительства. Он тайно вступил в контакт с реакционной частью венгерской эмиграции на Западе. Началось восстановление партий и организаций, в том числе трех партий бывшей в 1944—1948 гг. коалиции [17, с. 13; 15, с. 72].

Вооруженным силам, органам госбезопасности было дано указание прекратить огонь, а «отряды повстанцев» влить в вооруженные силы страны. Теперь контрреволюционеры без сопротивления захватывали предприятия, полицейские участки. На улицах столицы они линчевали и вешали коммунистов и других патриотов.

В разгар кровавых контрреволюционных событий в Венгрию с помощью западных держав было заброшено более 20 тыс. эмигрантов, в том числе бывших хортистских офицеров, жандармов, нилашистов, бежавших в свое время от гнева народа. Вблизи от венгерской границы был создан экспедиционный корпус в составе 11 тыс. человек, ждавший приказа двинуться в Венгрию [16, 79.old.; 14, ч. 4, с. 25]. Империалисты перебрасывали в Венгрию оружие — американские автоматы (Томсон), пистолеты-пулеметы производства ФРГ и другие виды — и боеприпасы для снабжения контрреволюционеров на автомашинах и самолетах Красного Креста под видом доставки медикаментов.

Радиостанция «Свободная Европа», управляемая ЦРУ, фактически играла роль политического и военного руководителя мятежа. Она дейст-

вовала по заранее разработанному плану. На первом этапе призывала к разгрому органов государственной безопасности, запрещению партии коммунистов, подталкивала правительство к заявлению о нейтралитете. На втором этапе намечалось свержение социалистического общественного строя и реставрация капитализма [24, с. 10, 12].

30 октября Президиум ЦК ВПТ заявил о роспуске партии и принял решение взамен ее создать новую партию — Венгерскую социалистическую рабочую партию (ВСРП), для руководства которой был образован Временный исполком. Сторонники И. Надя рассчитывали превратить новую партию в рупор ревизионистов [4, 407. old.].

По просьбе венгерского правительства 29 октября советские войска были выведены из Будапешта. На следующий день в столице начался неслыханный разгул контрреволюционных банд. С применением артиллерии и танков было разгромлено здание будапештского горкома партии. В штурме участвовали объединенные силы контрреволюционеров. После нескольких часов упорных боев на площади Республики были зверски убиты 25 защитников здания горкома [25].

30 октября И. Надь объявил по радио о восстановлении многопартийной системы власти и о создании внутри правительства узкого кабинета из представителей партий коалиции 1944—1948 гг. Это должно было открыть путь для перехода власти в руки бывших эксплуататоров. В тот же день руководителем вооруженных сил был назначен предатель, перешедший на сторону контрреволюционеров.

Реабилитированный новым правительством примас католической церкви кардинал Й. Миндсенти был доставлен в ночь на 31 октября в Будапешт. С тех пор он вел себя как человек, претендующий на пост главы государства [20, с. 267—268; 14, ч. 1, с. 62, ч. 2, с. 132—133]. В последующие дни террор в столице и на периферии продолжался. На местах власть захватывали созданные контрреволюционерами организации, носившие различные наименования, в основном маскировавшиеся под революционные. В Задунайском крае был создан так называемый Национальный совет, рассчитывавший на роль контрправительства [15, с. 80—81]. В те дни лихорадочно восстанавливались партии буржуазной реставрации. Кроме вошедших в правительство ПМСХ, СДП, Партии им. Петёфи создавались десятки правых партий — Партия венгерских революционеров, Венгерская партия независимости, Демократическая народная партия, Христианский фронт и др. В провинции воссоздали даже партию нилашистов. В сельских местностях реакционеры выступали более открыто и нагло, чем в городе, но без особого успеха, так как ратовали и за отмену аграрной реформы. Некоторые из мятежников были недовольны действиями реформистов и торопили развитие событий. Й. Миндсенти в выступлении по радио заявил о своем несогласии с политикой правительства И. Надя и требовал привлечь его к ответственности, восстановить частную собственность на средства производства и бывшую роль католической церкви [17; 20, с. 267—268].

Правительство И. Надя, рассчитывая на открытую поддержку правящих кругов империалистических государств Запада, 1 ноября заявило о выходе Венгрии из Варшавского Договора, провозгласило страну «нейтральной» и обратилось в ООН с просьбой «защитить» ее, поставив на повестку дня обсуждение «венгерского вопроса» [15, с. 85; 30]. Дипломаты западных империалистических государств в Будапеште активно помогали контрреволюционерам, но столь поспешные действия правительства они не одобряли. 3 ноября было образовано правительство, которое состояло в основном из правых лидеров трех партий коалиции и реформистов.

В эти тяжелые дни, когда верные социализму силы остались в стране без руководства, был создан новый революционный центр во главе с Я. Кадаром. В ночь на 4 ноября по инициативе этого центра было сформировано Революционное рабоче-крестьянское правительство. Премьер-министром стал Я. Кадар.

Янош Кадар — выдающийся руководитель Венгерской Народной Республики, видный деятель международного коммунистического и рабочего

движения, верный друг Советского Союза. Он прошел трудный и славный путь революционера — борца за интересы рабочего класса, всех трудящихся, за торжество идеалов марксизма-ленинизма, путь от рабочего по найму до руководителя партии и главы правительства.

На всех занимаемых партийных и государственных постах после освобождения страны, в годы перерастания демократической революции в социалистическую и строительства основ социализма Я. Кадар вносил большой вклад в проведение партией глубоких демократических преобразований, в дело ликвидации эксплуатации человека человеком.

В обращении к венгерскому народу Революционное рабоче-крестьянское правительство обосновало необходимость своих действий в интересах защиты народной власти и национальной независимости [26]. Одновременно новое правительство обратилось к Советскому правительству с просьбой оказать всемерную помощь, в том числе и военную, и призвало венгерский народ к активной поддержке его политики и программы консолидации общества на принципах социализма, пролетарского интернационализма [15, с. 98—99]. Это была политика последовательного применения ленинских принципов управления, социалистических отношений и прочного единства нации.

Приглашенные венгерским правительством советские воинские части оказали помощь в разгроме путчистов. Контрреволюционное правительство И. Надя распалось. Часть предателей скрылась в иностранных посольствах в Будапеште, а другие активные контрреволюционеры предпочли бежать на Запад. За ними последовали и их приверженцы (около 150 тыс. человек) [4, 410. old.].

Однако разгромленная и побежденная контрреволюция не желала уступать захваченные ею места в органах государственного управления и в особенности в области экономической и культурной жизни. Они все еще надеялись при помощи империалистических кругов сохранить свои позиции. США подняли «венгерский вопрос» в Совете безопасности ООН и проявили инициативу в созыве чрезвычайного заседания сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Империалисты США пытались через этот международный орган вмешиваться во внутренние дела Венгрии [27]. Они навязывали этот несуществующий «венгерский вопрос» еще долгие годы на очередных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, но позиция социалистических стран способствовала улучшению международного положения Венгрии. Советскому Союзу и другим социалистическим странам удалось сорвать намерения империалистических держав под флагом ООН вмешиваться во внутренние дела ВНР.

Революционное рабоче-крестьянское правительство и возрождавшаяся партия шаг за шагом восстанавливали нормальную жизнь. Они с самого начала своего функционирования попытались отделить сознательных врагов народной власти и социализма от временно обманутых и заблуждавшихся людей, которых следовало путем убеждения вернуть к мирному созидательному труду.

В первые дни правительству удалось восстановить работу государственного аппарата, административных органов по всей стране. Особое внимание оно уделяло восстановлению вооруженных сил и их боеспособности. Эту работу возглавил Ф. Мюнних — опытный революционер, прошедший большую школу борьбы за власть трудящихся. Он защищал Советскую власть в России в годы гражданской войны, Советскую власть в Венгрии в 1919 г., воевал на стороне республиканцев в Испании, занимал разные государственные посты в Венгрии после ее освобождения от фашизма, став заместителем премьер-министра и министром вооруженных сил и общественной безопасности революционного рабоче-крестьянского правительства. Уже 7 ноября 1956 г. Мюнних дал указание о создании специальных частей по охране общественного порядка в стране, воссозданию полиции и армии и распорядился упразднить деятельность воинских «революционных советов» и «революционных комитетов» — опоры контрреволюционеров.

Восстановлению нормального производственного процесса мешали

и созданные в дни контрреволюции так называемые «рабочие советы» на предприятиях. Как правило, в их составе преобладали контрреволюционеры, заявившие о создании Будапештского рабочего совета, вскоре переименованного во Всевенгерский. Этот орган пытался организовать борьбу против революционного рабоче-крестьянского правительства путем забастовок и другими методами. Устраивая вооруженные провокации, он, по сути, выдвигал требования передачи государственной власти в его руки [28]. В первой половине декабря деятельность этих «советов» и «комитетов» на предприятиях и в учреждениях была запрещена, как и их центрального органа. В январе 1957 г. правительство вынуждено былопустить Союз писателей и Союз журналистов, руководство которых продолжало открыто поддерживать контрреволюционеров.

Контрреволюционные события нанесли экономике страны ущерб, исчислявшийся в десятках миллиардов форинтов. В ноябре промышленное производство составило лишь 10% среднемесячных данных начала года [20, с. 286]. На помощь венгерскому народу пришли социалистические страны, немедленно направившие ему товары на сотни миллионов рублей, предоставили кредиты, превысившие 1 млрд рублей.

Революционный центр предпринял радикальные шаги и на идейно-политическом фронте. Ему предстояло отстаивать марксистско-ленинскую политическую линию, укрепить народную власть, создать условия для продолжения строительства основ социализма.

Для политической консолидации большое значение имело решение Временного ЦК ВСРП. Состоявшийся в начале декабря пленум ЦК обсудил положение в стране и задачи партии. Он глубоко проанализировал предпосылки и причины контрреволюционного мятежа. В решении ЦК ВСРП были сформулированы теоретические и политические основы и организационные методы дальнейшей деятельности партии [8, 13—27. old.]

ВСРП, выражая свою верность пролетарскому интернационализму, заявила, что основой внешней политики страны является тесная дружба и сотрудничество с Советским Союзом и социалистическими странами на принципах национальной независимости, самостоятельности и суверенитета.

После декабрьского пленума партия перешла в наступление против контрреволюции по всем направлениям. Активизировалась поддержка трудящихся массами революционного правительства. Жизнь в стране постепенно нормализовалась.

Индустриализация страны в ходе строительства основ социализма привела к увеличению промышленной продукции в пять раз. ВНР стала выпускать различные типы сложнейших станков, грузовые автомобили, автобусы, точную аппаратуру, приборы, башенные краны и др. Заметными были достижения и в добывающей промышленности [7, с. 738].

В 1957—1962 гг. произошли значительные перемены в венгерском селе. Победа там социалистических производственных отношений открыла перед венгерским крестьянством широкие возможности для развития сельскохозяйственного производства. Увеличение промышленного и сельскохозяйственного производства обеспечило рост национального дохода страны, превысившего в 1962 г. уровень 1949 г. в 2,5 раза. На его базе повышался жизненный уровень трудящихся масс. Почти на 60% увеличилась за это время заработная плата рабочих и служащих [29, 36. old.]

С построением основ социализма коренным образом изменилась и классовая структура венгерского общества. Были ликвидированы эксплуататорские классы. Значительно вырос рабочий класс. Численность его в 1961 г. (во всех отраслях народного хозяйства) приблизилась к 2 млн человек. Численность крестьян за это время сократилась на 1 млн и доля их в составе всего населения уменьшилась с 50 до 30% [30, 18—36. old.]. Рабочий класс стал руководящей силой общества, основой национального единства. Он объединил вокруг себя крестьянство, интеллигенцию, все слои общества. Ведущая роль его усиливается повышением его политической сознательности, более активным участием в социалистическом строительстве.

В ноябре 1962 г. VIII съезд ВСРП торжественно объявил о завершении строительства основ социализма в ВНР. К этому съезду партия пришла сплоченной, насчитывавшей в своих рядах 511 тыс. членов [31]. «К крупнейшим завоеваниям революционных сил Венгрии в первую очередь относится построение основ социализма, создание в стране социалистического общества» [32, с. 126].

С тех пор прошло более двух десятилетий, в течение которых в стране строится развитое социалистическое общество. На этом пути венгерский народ под руководством ВСРП достиг значительных успехов в политической, экономической и культурной областях. Население страны с 1950 по 1980 г. увеличилось на 15%. В 1981 г. насчитывалось в стране 10 713 тыс., а в 1985 г. — 10 658 тыс. человек. В целом активное самодеятельное население страны за годы строительства социализма возросло на 20% [33, с. 9]. С 1950 по 1985 г. национальный доход увеличился в 5 раз, реальные доходы населения — в 3,5 раза, суммарное потребление населения на душу — в 3,3 раза, промышленная продукция — в 9,3 раза, а сельского хозяйства — в 2,3 раза [33, с. 9]. В результате социалистического развития изменилась структура народного хозяйства. Венгрия сократила отставание от передовых стран Европы. Если в 1949 г. еще 56% активного самодеятельного населения было занято в сельском хозяйстве, то в 1985 г. — лишь 13% [34, 24. old.].

Рабочий класс увеличился в составе активного самодеятельного населения с 38,8% в 1949 до 55,7% в 1984 г. [33, с. 41]. И сейчас промышленность дает большую часть (50—60%) национального дохода.

В последние два-три десятилетия, по мнению венгерских экономистов, создана в ВНР гармония развития промышленности и сельского хозяйства [34, 28 old.]. По выращиванию ряда сельскохозяйственных культур Венгрия вышла в ряды первых в Европе и мире. Производство зерновых в два раза превышает средний уровень мирового урожая. Так, в прошлой пятилетке в ВНР собрали со всего посевного клина в среднем по 4,6 т пшеницы и 6 т кукурузы с га [33, с. 17]. Хотя поголовье крупного рогатого скота колеблется на уровне любого десятилетия XX в. (1,9—2,2 млн), ВНР путем увеличения разведения свиней и домашней птицы (более 9 млн и соответственно 40 млн) добилась хороших успехов в производстве мяса (140 кг на душу населения), что позволяет ей вывозить около половины его в зарубежные страны [33, с. 17].

В настоящее время в ВНР происходит переход от экстенсивного к интенсивному развитию на базе достижений научного прогресса. С этой целью идет поиск путей совершенствования экономической системы. В этом плане изучается и опыт братских социалистических стран. Генеральный секретарь ВСРП Я. Кадар, выступая на XXVII съезде КПСС, отметил, что цель ускорения социально-экономического развития Советского Союза «вдохновляет сторонников социального прогресса, социализма во всем мире» [35].

Венгрия достигла в ходе строительства социализма значительных успехов в развитии науки и культуры.

Начавшаяся в ходе строительства основ социализма изменение социально-классовой структуры продолжается. Идет процесс сближения всех классов и слоев общества, особенно в области характера труда занятых в промышленности и в сельском хозяйстве. Активно руководит этим процессом ВСРП, насчитывавшая в дни работы своего XIII съезда (1985) более 870 тыс. членов [36, с. 9]. Партия коммунистов является ядром политической системы социализма. В настоящее время происходит совершенствование всех звеньев государственной власти, их функционирования.

Во внешней политике ВНР придерживается выверенной линии. Она является прочным звеном Организации Варшавского Договора, активно сотрудничает в СЭВ, следует курсом мира и тесного сотрудничества с Советским Союзом и другими странами социализма, борется за предотвращение новой мировой войны.

Сформировавшиеся после 1948 г. отношения нового типа между Советским Союзом и Венгрией стали подлинно равноправными и взаимовыгод-

ными. Дружба Венгрии с Советским Союзом базируется на Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, являясь гарантией венгерскому народу от внешних посягательств империалистических государств, обеспечивает благоприятные условия для строительства нового общественного строя.

Сотрудничество между двумя братскими партиями КПСС и ВСРП, советским и венгерским правительствами, общественными организациями и предприятиями сегодня приобрело такой характер, что стало действительно общенародным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ránki G.* Magyarország gazdasága az első 3. éves terv időszakában (1947—1949). Budapest, 1963.
2. *Пушкаш А. И.* Борьба за аграрные преобразования в Венгрии (1944—1948 гг.). М., 1959.
3. *Fehér L.* A szövetségi fejlődés kiszélesedése 1949. őszén és ennek okai.— *Társadalmi Szemle*, 1949, 11—12. sz.
4. *Balogh S., Gergely J., Izsák L., Jakab S., Pritz P., Romsics T.* Magyarország a XX. században. Budapest, 1985.
5. *Szabad Nép*, 1955, 6 V.
6. *Пушкаш А. И.* Социалистические преобразования в сельском хозяйстве Венгрии (1948—1960 гг.) — *Вопросы истории*, 1962, № 1.
7. *История Венгрии*. Т. 3. М., 1972.
8. *A Magyar Szocialista Munkáspárt határozatai és dokumentumai 1956—1962.* Budapest, 1979.
9. К 40-й годовщине образования Коммунистической партии Венгрии (Тезисы).— *Новая и новейшая история*, 1959, № 1.
10. *Nagy I.* Egy Evtized. Válogatott beszédek és írások (1948—1954). Budapest, 1954, 2. k.
11. *Társadalmi Szemle*, 1949, 11—12. sz.
12. *Statisztikai Szemle*. Budapest, 1958, 12. sz.
13. *A MDP III. kongresszusának rövidített jegyzőkönyve*. Budapest, 1954.
14. *Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях*. М., 1956—1957, ч. 1—3. Будапешт (б. г.), ч. 4.
15. *Безушко П. П.* Консолидация революционных сил и строительство социализма в Венгрии (1956—1958). М., 1971.
16. *Ellenforradalom Magyarországon 1956.* Budapest, 1958, I. k.
17. *Nagy Imre és büntérsai ellenforradalmi összeesküvése*. Budapest, é. n.
18. *A MDP KV 1956 július 18—21—i ülésének határozata.*— *Szabad Nép*, 1956, 19, 23 VII.
19. VII съезд Венгерской социалистической рабочей партии. М., 1960.
20. *Нежинский Л. Н.* Очерк истории народной Венгрии 1948—1962. М., 1969.
21. *Келли Д.* Венгерская контрреволюция в освещении марксизма—ленинизма. Будапешт, (б. г.).
22. *Berecz J.* Ellenforradalom tollal és fegyverrel. Budapest, 1969.
23. *Molnár J.* Ellenforradalom Magyarországon 1956 — ban. Budapest, 1967.
24. *Здесь «Голос Европы»*. Будапешт, 1957.
25. *Hollós E., Lajtai V.* Köztársasági tér 1956. Budapest, 1974.
26. *Правда*, 1956 5 XI.
27. *Hollós E., Lajtai V.* Hidegháború Magyarországe llen 1956. Budapest, 1982.
28. *Molnár J.* A Nagybudapest Központi Munkástanács. Budapest, 1969.
29. *Magyar Statisztikai Zsebkönyv*. Budapest, 1964.
30. *Nemes D.* Az osztálybarc fejlődésünk jelenlegi szakaszán.— *Társadalmi Szemle*, Budapest, 1961, 6. sz.
31. *A Magyar Szocialista Munkáspárt*. VIII. kongresszus. Budapest, 1962.
32. *Федосеев П. И.* Следуя твердым марксистским принципам.— *Коммунист*, 1986 № 10.
33. *Венгерский статистический справочник 1984*. Будапешт, 1985.
34. *Az új Magyarország 40 éve. Társadalom — politika — gazdaság — kultura*. Budapest, 1985.
35. *Правда*, 1986, 27 II.
36. *A Magyar Szocialista Munkáspárt XIII. kongresszusának jegyzőkönyve*. Budapest 1985.

ПОПОВ Г. Н., СТРАШНЮК С. Ю.

СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАЗВИТИИ КИНЕМАТОГРАФИИ (1971—1985)

Кинематография — одна из самых молодых отраслей культуры. Синтезировав в себе черты литературы, театра, музыки и других видов художественного творчества, кино менее чем за сто лет своего существования приобрело широкую популярность, превратилось в наиболее массовый вид искусства. Сбылось предвидение В. И. Ленина: «Когда массы овладеют кино и когда оно будет в руках настоящих деятелей социалистической культуры, то оно явится одним из могущественнейших средств просвещения масс» [1, с. 116]. После победы Великого Октября В. И. Ленин вновь подчеркнул величайшую роль кино в жизни и развитии советского общества: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» [1, с. 164].

Взросшее значение киноискусства в деле совершенствования социалистического общества, формирования мировоззрения, нравственных убеждений и эстетических вкусов советских людей, отмечено в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» (1972), постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем повышении идейно-художественного уровня кинофильмов и укреплении материально-технической базы советской кинематографии» (1984) [2, с. 408—412; 3, 1984, 6 V]. КПСС и Советское государство рассматривают киноискусство также в качестве важной сферы международного сотрудничества, призывают советских кинематографистов постоянно крепить творческие связи с киноорганизациями социалистических и развивающихся государств, прогрессивными деятелями мирового кино, совершенствовать практику совместных постановок и оказания производственно-технических услуг, содействовать координации усилий мастеров экрана в борьбе за мир и социальный прогресс [3, 1984, 6 V]. «Честный, смелый кинематограф, чутко откликающийся на тревоги и заботы времени, — отмечает Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, — много может сделать во имя утверждения социального прогресса, национальной независимости, международного сотрудничества» [4, 1985, 29 VI].

Весьма высоко оценивает общественное значение прогрессивной кинематографии и БКП. «Кино, — подчеркивал Г. Димитров, — лучшее средство воспитания нашего народа и повышения его культурного и политического уровня» [5, с. 161]. Эта мысль, высказанная в начале 1946 г., получила развитие в постановлении ЦК БКП «О состоянии и дальнейшем развитии болгарской кинематографии» (1958), решениях Политбюро ЦК БКП «О дальнейшем развитии болгарского киноискусства» от 17 II 1970 г. и 1 IV 1975 г. [6, с. 815—825, 850, 884—894]. Наряду с художественным отражением глубоких изменений в жизни трудящихся в процессе строительства социалистического общества «одним из главных направлений в развитии болгарского киноискусства продолжает быть воспроизведение нового этапа сотрудничества между болгарским и советским народами, между БКП и КПСС, между НРБ и СССР» [6, с. 888]. Политбюро рекомендовало дея-

телям кино глубже осваивать опыт советского киноискусства, шире практиковать совместное производство фильмов и участие в международных кинофестивалях, симпозиумах и конференциях [6, с. 884—894].

Под руководством коммунистических партий советские и болгарские кинематографисты добились впечатляющих успехов. Их совместная деятельность приобрела особенно широкий размах с начала 70-х годов, когда была принята Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ, начал осуществляться переход к долгосрочному планированию и прогнозированию сотрудничества на всех участках социалистического строительства, активизировался поиск путей духовного сближения советского и болгарского народов.

Прочной основой советско-болгарских связей в области кинематографии служат заключенные в 1948 и 1967 гг. между СССР и НРБ договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи [7, с. 261—263; 8, с. 378—382], в соответствии с которыми в 1956, 1966 и 1976 гг. были подписаны межправительственные соглашения о культурном сотрудничестве, предусматривавшие активное использование средств «кино для идейно-политического, трудового и нравственного воспитания граждан обеих стран, пропаганды достижений и опыта коммунистического и социалистического строительства» [9, с. 525]. Основные положения межправительственных соглашений конкретизированы в ежегодных, а с 1976 г. и пятилетних планах сотрудничества между Союзом советских кинематографистов и Союзом болгарских деятелей кино, а также между Государственным комитетом СССР по кинематографии (Госкино СССР) и Государственным объединением «Болгарская кинематография».

Развитие кинематографии НРБ как отрасли художественной культуры тесно связано с советским киноискусством. После национализации в 1948 г. производства и проката фильмов по просьбе болгарской стороны в Софию прибыла группа советских специалистов. Они совместно с болгарскими коллегами создали проекты национального киноцентра и кинофабрики [10, с. 319—320, 329], строительство которой велось при содействии СССР и полностью завершилось в 1963 г. [11, 1963, I, 4 IX]. Укрепление материально-технической базы кинопроизводства позволило Болгарии значительно увеличить выпуск кинокартин и расширить сотрудничество в их создании с другими государствами. В 70-е — начале 80-х годов киностудии НРБ ежегодно выпускали 20—25 художественных, 30—35 телевизионных и свыше 500 короткометражных фильмов [12, с. 109]. Занимая 64-е место в мире по населению и 98-е — по территории, народная Болгария, согласно классификации ЮНЕСКО, находится ныне на 20-м месте среди 86 стран-фильмопроизводителей, получив известность своим гармонично развитым киноискусством [13, 1983, 6 III].

В годы становления болгарская социалистическая кинематография испытала большое идейно-художественное воздействие советского кино. Школой профессионального мастерства для многих болгарских кинематографистов явилось участие в совместном производстве первых фильмов, осуществленных под руководством видных советских режиссеров С. Васильева («Герои Шипки», 1954), Л. Арнштама («Урок истории», 1957), В. Петрова («Накануне», 1958). В картинах 50-х годов можно обнаружить эпизоды, образы, сюжетные линии, перекликающиеся с классическими образцами советского кино. С годами это сотрудничество крепло, эстетическое влияние углублялось. Место прежней подражательности заняло типологическое единство советской и болгарской кинематографий, основанное на общности социальной практики и художественного метода — социалистического реализма.

Особенно важную роль в освоении советского опыта играл расширяющийся обмен кадрами, стажировка и учеба болгарских специалистов в СССР, где их наставниками стали такие признанные мастера, как Г. Александров, Г. Васильев, С. Герасимов, А. Довженко, Л. Кулешов, В. Пудовкин, М. Ромм, С. Эйзенштейн, С. Юткевич и др. [14, с. 5; 15, с. 11]. По Всесоюзном государственном институте кинематографии (ВГИК), на-

чаяя с 1946 г. [7, с. 124, 127, 129—130], получили профессиональное образование свыше ста болгарских сценаристов, режиссеров, операторов, художников, киноведов, монтажеров и других специалистов, режиссеры-вспомогатели до конца 1980 г. создали 70 из 320 художественных фильмов и столько же короткометражных (хроникально-документальных, научно-популярных, мультипликационных) лент. Питомцам ВГИКа принадлежит 52 из 160 болгарских фильмов, удостоенных национальных и международных премий. Операторами-вспомогателями снято около 160 художественных и 100 короткометражных фильмов; киноведы-дипломанты и аспиранты являются авторами 26 книг, нескольких тысяч статей и других публикаций в печати; художники создали декорации к 32 фильмам; сценаристы написали сценарии 38 художественных и большого числа короткометражных фильмов [16, 1982, № 60, с. 58—59].

Непрерывное продолжение и обновление творческой традиции ВГИКа в болгарском киноискусстве благотворно отразилось на содержании и результатах сотрудничества творческих организаций мастеров экрана — Союза кинематографистов СССР и Союза болгарских деятелей кино, объединяющих в своих рядах соответственно 5200 и свыше 550 человек [17, с. 383; 18, с. 1985, № 2, с. 18]. Единство идеологических позиций, глубокая заинтересованность в делах друг друга придают их связям прочный характер. Ежегодно в среднем 30 членов Союза кинематографистов СССР посещали Болгарию и 29 болгарских коллег бывали в нашей стране [19], что говорит о стабильности творческих связей. Анализ двусторонних связей кинематографических союзов СССР и НРБ показывает, что наибольший удельный вес в них занимают творческие встречи (42% взаимных визитов)¹.

Традиционной и одной из наиболее эффективных форм сотрудничества является проведение двусторонних симпозиумов и конференций по актуальным вопросам киноискусства. В исследуемый период состоялось около 20 двусторонних тематических встреч: «Образы и проблемы в новейших советских и болгарских фильмах» (1972), «Военно-патриотическая тема в советском и болгарском кино» (1975), «Образ современника в болгарском и советском художественном кино» (1978), «Роль киноискусства в духовном сближении советского и болгарского народов» (1981) и др. [20, 1972, № 5, с. 15; 19]. На симпозиумах анализировались состояние и перспективы развития отдельных жанров: детского фильма (1973, 1976), теле- и кинодокументалистики (1974, 1976), многосерийного приключенческого фильма (1978), мультипликации (1979), научно-популярного кино (1984), а также вопросы актерского мастерства (1980) и кинодраматургии (1982) [19; 21, 1982, № 11, с. 11]. Обобщая явления и процессы, происходящие в советском и болгарском киноискусстве, эти встречи способствовали критическому осмыслению и освоению накопленного художественного опыта, включению его в коллективный опыт художественной культуры мирового социализма.

70-е годы обогатили практику двустороннего сотрудничества и такой новой формой, как проведение совместных заседаний секретариатов Союзов. На первом из них (Москва, 1975 г.) были рассмотрены и одобрены предложения о совместной подготовке сценариев и фильмов, посвященных достижениям социалистических стран, об обмене делегациями и взаимном ознакомлении с трудовыми свершениями народов СССР и НРБ. В рамках заседания проходил colloquium по советским и болгарским художественным фильмам последних лет, в котором приняли участие первые секретари Союзов Л. А. Кулиджанов и Х. Христов, представители творческих секций, видные режиссеры и критики [22, 1975, 16 XII; 23, 1976, № 5, с. 8].

На втором совместном заседании секретариатов (София, 1979 г.) обсуждались вопросы повышения роли кино в эстетическом воспитании молодежи, были сформулированы конкретные предложения по улучшению

¹ На участие в кинофестивалях приходится 38%, на другие формы сотрудничества — 20% [19].

работы с молодежью, укреплению существующих связей; подчеркивалась необходимость установления прямого сотрудничества и обмена опытом работы между созданным в соответствии с постановлением ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» (1976) молодежным творческим объединением «Дебют» при «Мосфильме» и болгарской «Экспериментальной студией» [21, 1979, № 12, с. 5].

Вскоре такие связи нашли выражение в обмене рабочими группами, совместном обсуждении молодежного кино братских стран, чему способствовали традиционные фестивали в Минске и Смолене. Молодые болгарские режиссеры с начала 80-х годов начали проходить специализацию в «Дебюте». В результате совместной работы болгарский режиссер И. Кавалджиев дебютировал снятым в СССР фильмом «Дом окнами в поле» (1981). Эта экранизация одноименного произведения А. Вампилова, по мнению специалистов, более удачная, чем советская [24, 1982, № 6, с. 148—149].

На очередных совместных заседаниях секретариатов первой половины 80-х годов обсуждались ключевые вопросы теории и практики искусства социалистического реализма: «Проблемы отражения современной действительности в советском и болгарском кино» (1982), «Проблемы и критерии качества социалистического киноискусства» (1983) [23, 1982, № 11, с. 46; 18, 1984, № 1, с. 3—6, № 2, с. 3—47].

Планы двустороннего сотрудничества предусматривают согласование и координацию деятельности киносоезов братских стран в международных киноорганизациях, участие в кинофестивалях, организуемых в СССР и НРБ. Для консолидации сил прогрессивных деятелей кино особенно большое значение имеет Московский международный кинофестиваль, в конкурсных программах которого более четверти века постоянно участвуют болгарские кинематографисты. Фестиваль в Москве во многом способствовал становлению и стремительному подъему болгарского киноискусства, росту его популярности за рубежом. В 1971—1985 гг. 19 болгарских фильмов удостоились здесь 28 наград жюри и советских общественных организаций, причем 9 из них — отмечены серебряными призами, а картина «Любовь» Л. Стайкова — золотым [25, 1971, № 10, с. 7, 1973, № 10, вкладыш, 1975, № 11, с. 14—16, 1983, № 12, с. 26; 22, 1981, 24 VII; 23, 1977, № 18, с. 15, 1979, № 20, с. 4—5, 1985, № 18, с. 4]. «Успехи болгарского кино не случайны, — писала в этой связи газета «Правда». — Как не случайна золотая награда, завоеванная фильмом „Любовь“ на Московском кинофестивале. Основа этих успехов — целенаправленные организационные усилия, четкая идейная программа социалистического искусства» [3, 1973, 27 X].

Со своей стороны советские кинематографисты активно участвуют в международных фестивалях медико-санитарных, мультипликационных, комедийных и сатирических фильмов, регулярно проводимых в Болгарии, а также в качестве гостей и членов жюри присутствуют на ежегодных республиканских смотрах художественных фильмов в Варне, короткометражных — в Пловдиве, мультипликационных — в Толбухине, студенческого и молодежного кино — в Софии и Смолене [26, 1983, № 4, с. 1].

Важнейшим направлением кинематографического сотрудничества является создание советско-болгарских фильмов. В 1971—1985 гг. кинематографисты СССР и НРБ совместно поставили 17 художественных, около 30 документальных, научно-популярных и мультипликационных картин. С советской стороны в них принимали участие киностудии им. М. Горького и А. Довженко, «Мосфильм», «Ленфильм», «Центрнаучфильм», Украинская студия хроникально-документальных фильмов, киностудии Белоруссии, Грузии, Казахстана, Узбекистана, Эстонии, с болгарской — практически все творческие объединения. В центре внимания деятелей кино находится тема дружбы между советским и болгарским народами, получившая наиболее яркое воплощение в художественных картинах совместного производства «Украденный поезд» (1971), «Братушка» (1975), «Повесть о двух солдатах» (1977), «Юлия Вревская» (1977), «Путь к Софии» (1978), «С любовью пополам» (1979), «Под одним небом» (1981), «Карастояновы» (1983),

«Берега в тумане» (1985). Каждая постановочная группа по-своему подошла к ее осмыслению. Основная сюжетная линия двухсерийного художественного фильма «Юлия Вревская», поставленного выпускником ВГИКа болгарским режиссером Н. Коробовым — эпизоды русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Однако боевые действия служат здесь лишь фоном для раскрытия духовного мира человека — одного из 200 000 наших соотечественников, погибших за свободу Болгарии [20, 1977, № 7, с. 6—7; 27, 1978, № 3, с. 35—38; 21, 1978, № 2, с. 4]. В другой творческой манере решает тему этой освободительной войны советский режиссер Н. П. Мащенко. «Снимая в Болгарии телевизионную многосерийную картину „Путь к Софии“, — пишет он, — мы стремились показать не только те исторические события, но и истоки нашего сегодняшнего братства с болгарским народом. Мы стремились создать фильм актуального политического звучания» [3, 1978, 28 X]. Многочисленные отзывы зрителей и прессы [28, 1978, 30 III; 29, 1978, № 9, с. 11; 30, 1978, 1 V; 31, 1978, 30 VI; 21, 1978, № 3, с. 4 и др.] свидетельствуют, что авторы успешно справились с поставленной задачей. Из всех передач болгарского радио и телевидения, посвященных столетию освобождения страны от османского ига, «Путь к Софии» получил наивысшую оценку². Вручая Н. П. Мащенко диплом почетного гражданина Софии, первый секретарь Софийского горкома БКП Г. Йорданов подсказал ему мысль снять фильм о легендарном болгарском революционном роде Карастояновых [24, 1983, № 6, с. 132]. Родившийся тогда замысел был реализован в 1983 г. В четырехсерийной телевизионной ленте «Карастояновы» показан героизм рабочих и крестьян, поднявших первое в мире антифашистское восстание, раскрыты образы революционеров, приблизивших приход новой жизни. Результатом труда советско-болгарского коллектива кинематографистов, в котором дружно работали операторы Ф. Гилевич и Ц. Цанчев, художники А. Левченко и Ц. Янкова, композитор К. Цибулка, актеры С. Бондарчук, Б. Брондуков, И. Малышева, О. Харитонов, И. Гайдаржиев, И. Караиванов, П. Костов, П. Слабаков, получил высокую оценку в обеих странах [24, 1983, № 8, с. 4—5; 29, 1983, № 9, с. 1—2; 33, 1983, 30 VII].

Одна из центральных в творчестве народного артиста УССР Н. П. Мащенко тема дружбы народов СССР и НРБ получила дальнейшее развитие в последней его работе — телевизионном фильме «Накануне», премьера которого состоялась в украинском республиканском Доме кино в июле 1985 г. [33, 1985, 20 VII]. «Следует отметить, — писала „Правда“ после демонстрации его по центральному советскому телевидению, — что картина, созданная украинскими и болгарскими кинематографистами по классическому русскому роману, отмечена чертами общеславянскими и патристическими. Возвышенность чувств, потребность служить большому делу, способность к самоотверженной любви и дружбе, неизбежная тяга к гармонии и справедливости — без них немислима нравственная, духовная культура наших народов» [4, 1985, 27 X].

Почти одновременно с повой экранизацией романа И. С. Тургенева в кинотеатрах Советского Союза и Болгарии появилась двухсерийная художественная картина «Берега в тумане», поставленная по сценарию А. Вагенштайна и Б. Метальникова³ на киностудиях «Мосфильм» и «Бояна» [23, 1985, № 21, с. 12—13]. В ней нашли отражение реальные события начала 20-х годов, когда советские и болгарские коммунисты раскрыли и пресекли контрреволюционные планы бежавшей в Болгарию армии Врангеля. «Главное, что мы хотели довести до сознания и чувств зрителей, — говорит режиссер фильма Ю. Карасик, — это интернационализм болгарских трудящихся, их духовное родство с революционной Россией» [21, 1985, № 3, с. 7].

Важное место в совместной кинопродукции принадлежит произведениям, которые подчеркивают единство наших народов в борьбе с фашизм-

² 78,7% телезрителей оценили его на «отлично» [32, с. 8].

³ Сценарий фильма опубликован на страницах журналов «Искусство кино» (1985, № 7, с. 161—191; № 8, с. 158—191) и «Киноискусство» (1985, № 4, с. 87—120, № 5, с. 87—120).

мом. К ним относятся «Украденный поезд», «Братушка» (в болгарском прокате — «Солдат из обоза»), удостоенный в Советском Союзе серебряной медали им. А. П. Довженко как лучший фильм на героико-патриотическую тему, «Повесть о двух солдатах» [20, 1976, № 6, с. 20; 25, 1976, № 5, с. 119; 28, 1971, № 1, с. 15], а также фильмы киноэпопеи «Солдаты свободы». Появление именно этих фильмов, повествующих об интернациональной миссии Советской Армии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, о руководящей роли марксистско-ленинских партий в антифашистской борьбе, созданных усилиями кинематографистов семи социалистических стран, в том числе СССР и НРБ, очень своевременно и актуально. В обстановке острой идеологической борьбы, когда буржуазная историография с помощью средств массовой информации пытается извратить факты недавнего прошлого, фильмы режиссера Ю. Озерова несут зрителям правду о важнейших политических и социальных явлениях тех лет, без ясного понимания которых нельзя представить сути многих современных процессов. Болгарское участие в создании фильма «Солдаты свободы» выразилось и в работе над сценарием (Д. Методиев и А. Семерджиев), и в съемках на болгарской земле (режиссер И. Маринов), и в участии группы ведущих актеров (С. Гецов в роли Георгия Димитрова, Л. Кабакчиев — Пальмиро Тольятти, П. Стефанов — Тодора Живкова) [21, 1978, № 4, с. 13]. Всего же в съемках были заняты 250 актеров социалистических стран Европы, в массовых сценах участвовали десятки тысяч людей [23, 1977, № 17, с. 10].

Руководствуясь постановлениями ЦК КПСС и решениями Политбюро ЦК БКП по вопросам кинематографии, ориентировавших мастеров экрана братских стран на яркое художественное отражение процессов создания нового общества и воспитания нового человека, кинематографисты СССР и НРБ в последние годы сосредоточили усилия на разработке современной тематики. К ней обращены картины «С любовью пополам» и «Под одним небом». В первой речь идет о совместном труде советской и болгарской бригад на одном из участков строительства газопровода «Дружба» [23, 1979, № 6, с. 18], во второй — о трудовых буднях советских и болгарских рабочих на лесозаготовках в Коми АССР [20, 1981, № 6, с. 3]. Фильмы режиссеров С. Микаэляна и И. Хамраева показывают новое отношение человека к труду, характерные черты рабочего, формирующиеся в процессе совместной работы и являющиеся общими для двух братских народов. Обсуждение фильма «Под одним небом» в поселке Благоево, городах Междуреченск и Усогорск Коми АССР вылилось в заинтересованный разговор о каждодневных проблемах, которые сегодня особенно волнуют болгарских рабочих и специалистов [34, 1982, 25 III]. Подобные картины важны еще и тем, что своим содержанием начисто опровергают домыслы западной пропаганды о якобы имеющей место «эксплуатации» болгарских рабочих в СССР [35, с. 176—177], являясь аргументом в идеологическом противоборстве двух социальных систем.

В этом смысле большие возможности предоставляет документальный экран, располагающий доказательной силой факта. Среди наиболее значительных лент 70-х годов, созданных в содружестве советскими и болгарскими документалистами, — «Братья по духу» — волнующая летопись дружбы и сотрудничества КПСС и БКП [22, 1971, 11 II], «Самый прочный сплав» — рассказ о плодотворном сотрудничестве СССР и НРБ в области черной и цветной металлургии [20, 1976, № 3, с. 16], «Диалог Днепра и Дуная», повествующий о дружественных связях трудящихся Полтавской области УССР и Велико-Тырновского округа НРБ [22, 1973, 30 XI]. Одна из сюжетных линий последнего фильма — основание в 20-х годах болгарскими революционерами-политэмигрантами сельскохозяйственной коммуны им. Д. Благоева на Полтавщине — получила дальнейшее развитие в «Первой борозде» режиссера К. Костова по сценарию В. Костенко и Л. Мужука. В дальнейшем болгарский режиссер вместе с кинопублицистами украинской студии хроникально-документальных фильмов снял ленту «Тайна степного кургана» — о сотрудничестве советских и болгарских ученых в исследовании исторических корней славянских народов [24,

1978, № 5, с. 150], а В. Костенко поставил фильм «Дневник доктора Веры», где рассказал о героической судьбе дочери выдающегося болгарского ученого-коммуниста Т. Павлова, которая в годы Великой Отечественной войны сражалась с фашистами на украинской земле в партизанском отряде Д. М. Медведева [28, 1978, 7 IX].

К теме исторических и революционных связей, интернациональной солидарности народов СССР и НРБ обращены и другие документальные фильмы совместного производства: «Легенда о бессмертии» (1975), «Братство» (1978), «София, Русский бульвар» (1981), «Борис Стомоняков из Стомоняците» (1982), «След человеческий» (1984) [11, 1975, 31 XII; 23, 1975, № 17, с. 18, 1981, № 20, с. 20; 36, 1984, 12 VIII; 37, 1978, № 12, с. 12], а также два фильма о Г. Димитрове — «Жизнь для будущего» (1972), раскрывающий его многогранную деятельность как депутата Верховного Совета СССР [20, 1972, № 4, с. 3; 23, 1972, № 11, с. 7] и «Гость из застенка» (1984) — о его пребывании на гостеприимной грузинской земле [22, 1984, 11 IX].

Димитровская тема прочно вошла в творчество мастеров художественного кино. Первый совместный фильм о выдающемся революционере — «Урок истории» снят еще в 1957 г. Опираясь на богатый документальный материал и художественные традиции советского киноискусства в области революционной темы, советско-болгарской съемочной группе во главе с режиссером Л. Арнштамом удалось раскрыть образ коммуниста-трибуна, нанесшего первое серьезное поражение фашизму на знаменитом Лейпцигском процессе.

Вторично кинематографисты СССР и НРБ обратились к биографии Г. Димитрова в кинофильме «Наковальня или молот» (1972). Как и «Урок истории», картина построена на основе материала Лейпцигского процесса. Однако авторы пошли не путем публицистического освещения фактов и деталей исторических событий, а сосредоточили внимание на противоборстве двух непримиримых мировоззрений: поединок Димитрова с Герингом предстает как символ борьбы жизнеутверждающей идеологии марксизма-ленинизма и человеконенавистнической идеологии нацизма. Примечательно, что во время съемок режиссер Х. Христов ознакомился с картинами, статьями и воспоминаниями советских режиссеров и актеров, работавших над экранным воплощением образа В. И. Ленина. Это помогло ему в поиске постановочных решений, служащих отображению средствами кино личности руководителя болгарских коммунистов, генерального секретаря Коминтерна [25, 1976, № 5, с. 39]. «Картина, — говорил видный советский режиссер С. А. Герасимов, — основана на историческом материале, но она заставляет задуматься и о том, как складывается сегодня мировой революционный процесс, что есть главное в характере революционера» [25, 1973, № 5, с. 123].

Спустя десять лет, усилиями киностудий «Бояна» (НРБ), ДЕФА (ГДР), им. А. Довженко при участии Всесоюзного объединения «Совинфильм» (СССР) был поставлен новый двухсерийный фильм о Г. Димитрове — «Предупреждение», значительно обогативший экранный образ этого пламенного революционера [20, 1981, № 7, с. 2—3; 29, 1981, № 11, с. 3]. Постановщик картины известный испанский режиссер-коммунист Х. А. Бардем справедливо отметил, что не существует одинаковых, но есть схожие исторические ситуации. У событий 1932—1933 гг. много общего с нынешним международным положением, характеризующимся возрастанием угрозы новой мировой войны [18, 1982, № 5, с. 11—12]. Поэтому фильм воспринимается не только как художественно-документальное освещение политических событий начала 30-х годов, но и как напоминание об опасности, исходящей от сил фашизма и реакции, как грозное предупреждение современным поджигателям ядерной войны, упорно игнорирующим уроки истории. Государственный Совет НРБ высоко оценил идейно-художественный уровень этого произведения, присвоив его создателям звания лауреатов Димитровской премии за 1984 г. [11, 1984, 20 VI].

Возможно, в недалеком будущем димитровская тема получит дальнейшую разработку: в начале 1984 г. советский драматург М. Шатров при-

ступил к работе над сценарием фильма для болгарских кинематографистов о связях Г. Димитрова и болгарского революционного движения с В. И. Лениным [4, 1984, 2 I].

Упомянутые произведения не охватывают всех лент совместного производства, созданных в 70-е — первой половине 80-х годов. В творческом арсенале кинематографистов Советского Союза и Болгарии — экранизация оперы С. Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» (1971), кинокомедия «Ну-ка, дедушки» (1975), фильм-сказка «Русалочка» (1976), документальная лента «Будущее планеты» (1978), остросюжетный политический детектив «Похищение „Савойи“» (1979, совместно с ПНР), многосерийные телевизионные картины «Никколо Паганини» (1981) и «В поисках капитана Гранта» (1985), научно-популярные фильмы «Парниковое овощеводство», «Наступление на рак», «Энергетика», «Химия», «Содружество», «Природа в белом халате», «Суггестология», «Частицы космоса», «Войдите в этот храм», «Секреты природы» (2 выпуска), «Космический полет „Болгария—1300“» и др. [24, 1979, № 3, с. 144; 3, 1975, 25 II; 22, 1971, 2 III, 1981, 19 V; 23, 1979, № 19, с. 10—11; 29, 1984, № 6, с. 12—13; 20, 1976, № 5, с. 14—15; 38]. В 1982 г. был снят первый мультипликационный фильм совместного производства — «Все для аиста» [39, 1983, № 3, с. 4]. Большинство советско-болгарских фильмов явились крупными победами социалистического киноискусства, поднялись до уровня высших достижений национальных кинематографий.

Широкое распространение при создании фильмов получила такая форма сотрудничества, как оказание взаимной производственно-технической и творческой помощи. В первой половине 70-х годов СССР оказал услуги в производстве 43 болгарских фильмов, а НРБ — в постановке 15 советских [18, 1974, № 8, с. 28]. В 1976—1980 гг. общее число взаимных услуг достигло 136 [40, с. 133]. Они выражались в предоставлении павильонов, аппаратуры, реквизита, костюмов, лабораторий по обработке пленки, наконец, организации натуральных съемок.

Важное значение имеет обмен творческими кадрами. Эта форма сотрудничества не только повышает художественный уровень создаваемых произведений, но и способствует их зрительскому успеху. Социологический опрос в связи с фильмом «Барьер» показал, что для четверти болгарских зрителей (25,9%) главным мотивом просмотра картины явилось участие в ней народного артиста СССР И. Смоктуновского [41]. Несомненной творческой удачей народного артиста СССР А. Джигарханяна критика сочла исполнение им роли профессора Радева в фильме И. Акташевой и Х. Пискова «Солнечный удар» [23, 1979, № 16, с. 14—15]. В 70—80-е годы советские артисты снимались и в ряде других лент болгарского производства: «Поэзия» (Н. Бурляев), «Четверо из вагона» (С. Никоненко, Р. Панков, Л. Прыгунов, Ю. Саранцев), «Заледенелый мост» (Е. Жариков, Ж. Прохоренко, В. Сафонова), «Третий после Солнца» (И. Миколайчук), «Зарево над Дравой» (И. Глебов, В. Сафонов), «Гори, чтобы светить» (А. Баталов), «Бой последний» (Л. Прыгунов), «Ралли» (Ш. Бурханов), «Большое ночное купание» (Ю. Будрайтис), «Лука блаженный» (А. Петренко) и др. [4, 1985, 8 XII; 31, 1973, № 11, с. 150; 42, 1984, № 8, с. 17; 22, 1976, 19 III; 23, 1971, № 14, с. 17; 33, 1973, 27 I; 27, 1972, № 6, с. 12; 31, 1977, 11 XII].

В свою очередь, участие болгарских артистов усилило эмоциональное воздействие советских фильмов «Гойя» (Т. Лолова и П. Слабаков), «Дикая охота короля Стаха» (Е. Димитрова), «Овод» (С. Добрев, П. Слабаков, К. Цонев), «Где-то плачет иволга...» (Т. Колев, И. Господинов), «Парижская драма» (К. Цонев) [23, 1983, № 2, с. 19; 29, 1984, № 4, с. 16; 20, 1971, № 6, с. 15; 26, 1980, № 2, с. 21; 30, 1980, 14 III]. За исполнение роли Френка Гаррета в «Парижской драме» народный артист НРБ К. Цонев удостоен приза жюри XVII всесоюзного кинофестиваля в Киеве [29, 1984, № 7, с. 1].

Особенно глубоко затронула умы и сердца миллионов зрителей яркая игра болгарских артистов В. Кисева и Р. Христова в телевизионном сериале Л. А. Кулиджанова «Карл Маркс. Молодые годы». В рецензии на

премьеру газета «Правда» писала, что одна из причин ее успеха — безупречное исполнение главной роли В. Кисевым, которому «удалось тонко передать душевные качества своего героя» [4, 1980, 13 VI]. «Человек сам яркий — талантливый актер, работающий в театре, кино, на телевидении, автор рассказов, интересный поэт-переводчик, человек широкой и глубокой эрудиции, он тонко воссоздал образ Гения, придав ему „некнижное“ человеческое обаяние, каким, как мы знаем, в высшей степени отличался Маркс», — отзывался об артисте и его работе журнал «Молодой коммунист» [43, с. 83]. По достоинству оценила блестящую игру исполнителя главной роли и широкая советская общественность, о чем красноречиво свидетельствуют сотни откликов, поступивших в адрес Центрального телевидения, редакции газет и журналов [23, 1981, № 21, с. 8—9]. В 1981 г. этот фильм, созданный Центральной киностудией детских и юношеских фильмов им. М. Горького (СССР) и ДЕФА (ГДР) при участии актеров из НРБ, ПНР и ЧССР, удостоился главной награды на Всесоюзном фестивале телевизионных фильмов в Ереване [29, 1982, № 1, с. 11], а его создатели — драматурги А. Гребнев и Б. Добродеев, режиссер Л. Кулиджанов и оператор В. Юсов, актриса из ГДР Р. Блюм и В. Кисев стали лауреатами Ленинской премии [4, 1982, 22 IV]. Высокая оценка фильма еще раз подтверждает, как это было с эпопеями Ю. Н. Озерова «Освобождение» и «Солдаты свободы», что масштабные замыслы можно и нужно решать общими усилиями кинематографистов социалистических государств.

Важнейшим показателем крепнущего идейно-эстетического единства социалистических кинематографий являются различные формы совместного фильмопроизводства, которые способствуют обогащению кинорепертуара обоих государств и облегчают решение ряда экономических и производственных проблем. Объединенными усилиями кинематографистов СССР и НРБ в исследуемый период создано более 45 короткометражных, полнометражных и многосерийных фильмов. С убедительной художественной силой отражающие важнейшие стороны жизни народов, их общую борьбу за независимость в прошлом и вклад в строительство социалистического общества в настоящем, они дают возможность активнее утверждать интернационалистские идеалы, повышать профессиональный уровень мастеров экрана, обогащать творческий потенциал братских кинематографий. Отметим также достаточно широкое жанрово-видовое разнообразие совместной кинопродукции: от лирических комедий и экранизации литературных произведений до монументальных политических фильмов.

«Дружба советских и болгарских мастеров экрана, — подчеркивает генеральный директор „Болгарской кинематографии“ Н. Ненов, — это яркий пример подлинно братских отношений мастеров искусств социалистических стран, объединенных общностью целей и задач в области культурного строительства» [3, 1978, 21 I]. Общность целей и задач предопределяет высокую эффективность и разнообразие связей кинематографистов СССР и НРБ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самое важное из искусств. Ленин о кино. Сборник документов. Изд. 2-е, доп. М., 1973.
2. Об идеологической работе КПСС. Сборник документов. Изд. 2-е, доп. М., 1983.
3. Известия Советов народных депутатов СССР.
4. Правда.
5. Георгий Димитров о литературе, искусстве, культуре. М., 1972.
6. Въпроси на идеологическата работа на ВКП. Сборник документи. 1944 — май 1975. София, 1975.
7. Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. II. Сентябрь 1944 — декабрь 1958. М., 1981.
8. Советско-болгарские отношения. 1948—1970. Документы и материалы. М., 1974.
9. Советско-болгарские отношения. 1971—1976. Документы и материалы. М., 1977.
10. Видас В. Българо-съветските взаимоотношения в областта на художествената култура (1944—1958). — В кн.: Летопис на дружбата. Т. 9. София, 1984, с. 311—339.
11. Работническо дело.
12. Народная Республика Болгария. Справочник. Изд. 3-е, доп. М., 1984.
13. Народна младеж.

14. Кияо Болгарии. Сборник статей. М., 1984.
15. Утилов В. П. Кино Народной Республики Болгарии.— В кн.: *Комаров С., Трут-ко И., Утилов В.* История зарубежного кино. Т. 3. М., 1984.
16. Обзор.
17. Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М., 1977.
18. Киноизкуство.
19. Текущий архив правления Союза кинематографистов СССР. Справка о зарубежных связях за 1972—1984 гг.
20. Болгарские фильмы.
21. Филмови новини.
22. Советская культура.
23. Советский экран.
24. Дружба.
25. Искусство кино.
26. Болгарские фильмы.
27. Българо-съветска дружба.
28. Култура і життя.
29. Новини кіноекрана.
30. Екран і життя.
31. Народна култура.
32. *Бакалова Н.* Мнението на зрителите и слушателите за предаванията на телевизията и радио поветени на 100-та от освобождението на България от османското шго.— В сб.: *Култура. Съвременност. Личност.* Серия I. София, 1978, № 2, с. 6—12.
33. На екранах України.
34. Труд.
35. *Иванченко И. Г.* Идеологические диверсии империализма: система, содержание, направленность. Киев, 1980.
36. Советская Эстония.
37. Днес и утре.
38. Текущий архив Государственного Комитета СССР по кинематографии. Справка о сотрудничестве между СССР и НРБ в области кинематографии с 1973 по 1982 г.
39. Огни Болгарии.
40. *Лившиц С. Ю.* Советско-болгарское сотрудничество в области народного образования и художественной культуры (1976--1980). Дис. на соискание уч. степени канд. пст. наук. Минск, 1982.
41. *Лозев Е.* «Барьерата» през погледа на публиката.— *Филмови новини*, 1980, № 2, с. 7.
42. Култура и жизнь.
43. *Миронов Г.* Семь дней с молодым Марксом. Размышления после просмотра телевизионного художественного фильма «Карл Маркс. Молодые годы».— *Молодой коммунист*, 1981, № 4, с. 78—83.

КИМ И. К.

ЛАГЕРЬ «САНАЦИИ» И ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1938 г. В ПОЛЬШЕ

1938 год отчетливо показал серьезную внешнюю угрозу национальной независимости Польши со стороны фашистской Германии. Реализацию этой угрозы можно было предотвратить, лишь переориентировав польскую внешнюю политику на систему многосторонних международных союзов с государствами, заинтересованными в сохранении безопасности в Европе, и в первую очередь с СССР. Такой внешнеполитический курс мог быть поддержан широкими кругами общества, ибо к тому времени четко проявилось негативное отношение большинства политических сил, прежде всего трудящихся, к прогерманской политике правящей группировки, которая считала возможным использовать патриотические настроения масс для укрепления своих позиций.

Ведущие деятели реакционного режима «санации», установленного в Польше в 1926 г. в результате государственного переворота Ю. Пилсудского, режима, опиравшегося на армию и использовавшего, наряду с традиционными бюрократическими, фашистские методы управления, осознавали нависшую над Польшей опасность, но считали возможным избежать ее путем соглашения с Германией. Составлявший основу режима лагерь пилсудчиков — одна из политических группировок буржуазии и помещиков — переживал в конце 30-х годов серьезные трудности. В этом лагере произошло размежевание на три основных направления: Лагерь национального объединения (ОЗН), консервативно-националистическое и на так называемых левых пилсудчиков, сторонников либеральных методов управления. Но и эти направления не были внутренне едиными, в них были группы, организации, конкурировавшие между собой, что ослабляло и лагерь «санации» в целом, и каждое направление в отдельности. В ОЗН конкурировали между собой «генеральская» группа (во главе с Э. Рыдз-Смиглым, преемником Ю. Пилсудского, генерального инспектора вооруженных сил) и «замковая» группа (возглавлявшаяся президентом И. Мосьцицким), которую поддерживала и вошедшая в ОЗН часть «левых» пилсудчиков — так называемая «Направа». Представители «генеральской» группы стремились к дальнейшей и полной фашизации политической жизни страны, представители «замковой» группы считали возможным сохранение некоторых элементов буржуазной демократии для лавирования. Эти различия не были принципиальными, так как касались методов управления, а не политики «санации», защищавшей интересы эксплуататоров. Консервативно-националистическое направление объединяло «полковничью» группу, находившуюся у власти в 1926—1935 гг., «Ютропруды» и некоторые другие группировки. Большая часть «левых» пилсудчиков была противником эволюции режима «санации» вправо. В конце 30-х годов они начали открыто противопоставлять себя правящим кругам, создав самостоятельные организации, в частности клубы, выступавшие за возврат к нормам буржуазной демократии.

Основные столкновения в лагере «санации» в борьбе за власть в конце 30-х годов происходили между ОЗН и консервативно-националистическим направлением, что привело к усилению ОЗН, а внутри него — «генеральской» группы. В июне 1938 г. оппозиции внутри правящего лагеря удалось добиться избрания маршалом (председателем) сейма В. Славека, ведущего представителя некогда могущественной «полковничьей» группы, личного соперника Э. Рыдз-Смиглого и И. Мосьцицкого в борьбе за власть, противника ОЗН.

Серьезную угрозу для правящей группировки в конце 30-х годов представляли легальные оппозиционные партии: правонационалистическая партия крупной буржуазии Стронництво народово (СН); буржуазно-демократические — центристское Стронництво працы (СП), представлявшее среднюю буржуазию и либерально-буржуазную интеллигенцию, и мелкобуржуазное Стронництво людове (СЛ), выражавшее интересы зажиточных крестьян; реформистская Польская социалистическая партия (ППС), под влиянием которой находилась большая часть рабочего класса. Руководство этих партий не выступало против основ существовавшего буржуазного строя, но считало необходимым его совершенствовать. СН стремилась к изменению формы государственного устройства на открыто фашистскую по итальянскому образцу. СП, СЛ, ППС выступали за возвращение к буржуазно-демократическим принципам управления страной, причем, стремились достичь этого легальными методами, путем отмены конституции 1935 г. и изменения положений о выборах в парламент 1935 г. Позиции революционной части рабочего класса в результате роспуска в первой половине 1938 г. нелегальной Коммунистической партии Польши были серьезно ослаблены.

В условиях нарастания агрессивных устремлений Германии, продолжавшегося давления противников «санации» и соперников из ее лагеря правящая верхушка видела путь укрепления режима на основе классового солидаризма. Она также считала необходимым во имя своего понимания национально-государственных интересов продемонстрировать на международной арене поддержку ее политики со стороны широких масс трудящихся. Для решения этих задач было намечено провести новые выборы в парламент.

13 сентября 1938 г. было опубликовано распоряжение президента И. Мосьцицкого о досрочном роспуске парламента и назначении новых выборов в сейм и сенат соответственно на 6 и 13 ноября [1, 14 IX, roz. 431]. В обоснование этого шага указывалось на существенные перемены во внутривнутриполитической жизни страны — усиление консолидационных тенденций в польском обществе, что должно было отразиться в новом составе сейма и сената. Президент подчеркивал: «От новых законодательных Палат буду ожидать, что они определят свою позицию в отношении положений о выборах в сейм и сенат» [1, 14 IX, roz. 431]. Ссылаясь на это, правящая группировка стремилась с самого начала предвыборной кампании захватить инициативу в свои руки, а также отмежеваться от крайне непопулярного парламента, избранного в результате бойкотировавшихся оппозиционными партиями и большей частью общества выборов 1935 г., и одновременно не допустить бойкота предстоявших выборов.

Парламентские выборы должны были состояться на основе конституции и положений о выборах в сейм и сенат 1935 г. Советский историк Э. А. Багинский считает, что характерными особенностями «апрельской» конституции 1935 г. [2, 1935, № 30, roz. 227] были: крайняя централизация и неограниченность компетенции политической власти, правление «элиты», подчинение контроля политической власти всех сфер жизни общества, ограничение или ликвидация большинства прав и свобод трудящихся во имя всеобщего блага, юридическая незащищенность перед государством. Все это позволило исследователю сделать вывод, что польская конституция 1935 г. была конституцией государства фашистского типа [3]. Выборы в сейм были всеобщими, тайными, равными, прямыми, но не пропорциональными. Активное избирательное право предоставлялось гражданам с 24 лет, пассивное — с 30 лет. Сенат должен был на 1/3 состоять из се-

наторов, назначенных президентом, и на 2/3 — избранных на основе элитарной системы.

В соответствии с положением о выборах число депутатов в сейм с 444 сократилось до 208. Увеличивалось число лиц, лишенных избирательного права. Страна делилась на 104 избирательных округа с неравным количеством граждан, имевших право голоса, причем большее количество избирателей приходилось на округа с преобладанием национальных меньшинств. Кандидатов в депутаты можно было выдвигать только на окружных избирательных собраниях, которые формировались из представителей местных органов самоуправления, а возглавлялись назначенными министром внутренних дел избирательными комиссарами. Каждое окружное собрание утверждало общий список кандидатов, которыми могли стать лица, получившие не менее 1/4 голосов участников. От каждого округа в сейм избиралось по два депутата [2, 1935, № 47, poz. 319].

Особенно антидемократическими были принципы выборов в сенат, который должен был состоять из 96 сенаторов. Избирательным правом пользовался лишь узкий круг лиц (имевших высокие правительственные награды, высшее образование или офицерское звание, занимавших выборные должности в органах самоуправления и некоторых других), причем из них активное избирательное право имели лица с 30 лет, пассивное — с 40 лет. Окружные собрания, состоявшие из вышеназванных категорий лиц, направляли делегатов в воеводские избирательные коллегии, которые и выбирали 64 сенатора [2, 1935, № 47, poz. 320].

В развернутой правящими кругами избирательной кампании можно выделить два этапа. На первом этапе (13 сентября — 9 октября) правящая группировка стремилась повлиять на оппозиционные партии таким образом, чтобы они призвали своих членов и сторонников к участию в выборах, для чего умело эксплуатировались патриотические настроения в обществе в условиях осложнившегося международного положения, использовались демагогия и угрозы насилия против агитировавших за бойкот выборов.

В опубликованном 14 сентября обращении ОЗН указывались основные направления и лозунги предвыборной кампании правящей группировки: «У нас должны быть мир и порядок. Нам необходимо соглашение об объединении всех наших сил. Этого требует от нас исторический момент». Далее говорилось о стремлении ОЗН «к согласию и искреннему примирению со всеми, кто хочет отдать свои силы служению Республике, ... кто вместе с нами, как равный с равным хочет выступить против враждебных действий коммуны, против всяческой анархии и деструкции, всяческих иностранных агентур, независимо от того, под какой маской они скрываются». Особый упор делался на лозунг национальной консолидации: «В объединении нации таится ее мощь...». В обращении подчеркивалось, что законодательные палаты должны участвовать в определении путей развития Польши на принципах позитивного национализма, христианской этики, социальной справедливости, но основная забота палат — укрепление обороноспособности Польши [4, 1938, 14 IX]. Принятый ОЗН незадолго до выборов 1938 г. лозунг христианской этики был выдвинут для привлечения широких масс верующих, а также либерально-буржуазного СП. Как заигрывание с оппозицией в целом можно расценивать слова о равноправном сотрудничестве. В то же время в обращении ничего не говорилось о главном требовании СП, СЛ и ППС — изменить положение о выборах в сейм в буржуазно-демократическом духе, что, по мнению этой части оппозиции, было необходимо для восстановления парламентской формы управления. Очень расплывчато трактовались в обращении силы, которые ОЗН причислял к враждебным. К ним можно было отнести и все основные оппозиционные партии, если основываться на обвинениях, постоянно предъявлявшихся им правящей группировкой (в анархии и деструкции — СН, СЛ, ППС, в защите иностранных интересов и подверженности мasonicким влияниям — СП, в принадлежности к Социалистическому интернационалу — ППС).

На основе предвыборного обращения ОЗН буржуазная пресса разво-

рачивала агитацию за участие партий оппозиции и населения в выборах. Директивы для этой прессы были даны в циркуляре Избирательного бюро министерства внутренних дел (МВД) воеводам от 22 сентября 1938 г. Циркуляр рекомендовал пропагандировать распоряжения от 13 сентября, прежде всего содержащееся там указание на необходимость представительства «новых сил» в парламенте (в частности оппозиционных партий — группировок «молодых» эндеков, деятелей крестьянского и рабочего движения), доказывать, что новый парламент необходим для изменения положения о выборах в сейм. Прессе предлагалось подчеркивать важность провозглашения «национального объединения и национальной солидарности ввиду серьезной международной ситуации и ответственного периода во внутренней жизни государства», актуальность борьбы против «любой пассивности и апатии» в отношении выборов. Оппозиционные партии надо было убедить, что после распоряжений президента у них якобы «имеется возможность позитивного отношения к избирательному акту и принятию непосредственного участия в определении принципов положения о выборах, которое будет предметом обсуждения новых парламентских палат». Следовало разъяснять оппозиции и обществу в целом нежелание старого парламента изменять избирательное право, вследствие чего правительство было вынуждено проводить выборы на основе существующего положения. Политическим партиям надо было доказывать, что «отрицание или бойкот выборов — это уже занятие позиции и не только антиправительственной, но прежде всего антигосударственной» [5, ф. I, оп. 58, д. 1548, л. 12—13].

Редакционная статья под названием «Разрушение стен» в центральном органе ОЗН («Gazeta Polska») может служить примером тактического приема правящей группировки — временного смягчения тона в отношении оппозиции. Там доказывалось, что именно ОЗН должен возглавлять национальную консолидацию, поскольку его идеи, по мнению автора статьи, утверждаются не только в рядах этой организации, но и во всем обществе, из чего делался вывод, что разногласия оппозиции с ОЗН не носят идейного и программного, то есть принципиального, характера, а вызваны неприязнью, подозрениями или амбициями. Обращаясь к находящимся вне рядов ОЗН, но поддерживающим идею консолидации, «Gazeta Polska» лицемерно заверяла, что различия их с ОЗН «не больше, не существеннее тех, которые мы видим, понимаем и терпим внутри своих рядов». И поэтому все усилия ОЗН якобы направлены «на разрушение стен, предубеждений и подозрительности, отделяющих нас от тех, кто вместе с нами верит в возможность победы идеи национального объединения». Доказывая, что одним из важнейших препятствий на пути этого объединения является действующее положение о выборах в сейм, которое нельзя отменить из-за сопротивления парламента, руководство ОЗН призывало к изменению избирательного права: «Проблему положения о выборах мы всегда считали открытой», надо, чтобы это положение «упрощало, а не усложняло дело объединения и успливалось Польшу, что так необходимо в настоящий исторический момент» [4, 1938, 17 IX].

В предвыборную кампанию включались ведущие деятели режима. Первым с речью, обращенной к оппозиционным партиям и обществу в целом, выступил глава ОЗН С. Скварчиньский. Кратко упомянув о возможности изменения положения о выборах в сейм (что потребует долгой работы нового парламента), он призвал избирателей исполнить свой долг — принять участие в голосовании. Это, говорил оратор, «гражданская обязанность, которую налагает на нас конституция. Не может быть и речи об уклонении от обязанности по тем или иным причинам». С. Скварчиньский призывал нацию к сплочению [4, 1938, 21 IX].

В конце сентября — начале октября 1938 г. правящая группировка стремилась с максимальной выгодой для себя использовать события мюнхенского кризиса. Выступая в союзе с фашистской Германией, она развязала мощную античехословацкую кампанию, требуя передачи Польше части территории Чехословакии — Тешинскую Силезию (пограничный с Польшей высокоразвитый промышленный район). Шовинистическая

кампания достигла своего пика в конце сентября в период мюнхенской конференции и пошла на спад после того как Чехословакия была вынуждена принять польские требования. Этот временный, ставший впоследствии гибельным для Польши внешнеполитический «успех» и связанный с ним подъем националистических настроений (главным образом среди буржуазных и мелкобуржуазных слоев общества) правящая группировка стремилась использовать для решения своих внутренних проблем. Сразу же после согласия Чехословакии удовлетворить польские территориальные притязания Э. Рыдз-Смиглы призвал общество к единству, решительности, верному служению родине и вере в будущее [4, 1938, 2 X]. Участие же Польши в ревизии международных соглашений, заключенных после первой мировой войны, в значительной мере дискредитировало ее на международной арене, способствовало охлаждению отношений с Великобританией и Францией, обострению отношений с СССР.

С этого времени правящая группировка более интенсивно и решительно повела предвыборную агитацию. «Gazeta Polska» в эти дни писала, что, несмотря на единую и сильную государственную власть, польское общество по-прежнему остается политически раздробленным. Активное участие избирателей в выборах, считала газета, будет способствовать изменению такого положения [4, 1938, 3 X].

Наряду с предвыборной агитацией правящие круги все больше использовали насильственные методы в отношении оппозиции и общества в целом. Ужесточилась цензура для оппозиционной прессы, о чем свидетельствовал циркуляр Избирательного бюро МВД воеводам. В нем предписывалось прежде всего «ограждать во время избирательной акции Лагерь национального объединения от выпадов, осмеивающих или принижающих роль этой организации». Властям на местах вменялось в обязанность не допускать в прессе «лозунгов бойкота или неявики на парламентские выборы» и материалов, которые могут «отрицательно влиять на участие в выборах» [5, ф. I, оп. 58, д. 1548, л. 13—13 об.].

Последовало указание о том, что циркуляр премьер-министра о выборах в органы самоуправления [6], которые «должны быть чистыми, без нажима», не касается парламентских выборов. Для их успешного проведения разрешалось «использовать любые средства и способы... Никто не будет привлечен к ответственности за выполнение этих распоряжений...». Подчеркивалось, что кандидаты от ОЗН «в повятах должны иметь поддержку со стороны центра и администрации, сотрудничество должно быть тесным и плодотворным». Обязанности между ОЗН и государственной администрацией распределялись следующим образом: ОЗН подбирает кандидатов в депутаты, а администрация заботится о том, чтобы «все эти кандидаты прошли». Были сформулированы и «технические задачи» для достижения цели: добиться как можно более широкого участия избирателей в выборах (чтобы достичь 70% участия в общепольском масштабе), должны быть избраны выдвинутые кандидаты, а не случайные люди. «Задача трудная, но ее надо выполнить, она возможна для реализации при сотрудничестве с ОЗН», — считал львовский воевода А. Билык [5, ф. I, оп. 58, д. 1531, л. 3а—5].

24 сентября агентством «Искра» было опубликовано решение Верховного суда от 22 мая 1936 г., в котором говорилось: «Право гражданина участвовать в выборах является одновременно его гражданской обязанностью», поэтому призывы не участвовать в выборах — это «противодействие конституции». За публичные призывы не участвовать в голосовании на выборах в парламент предусматривалось наказание по ст. 156 уголовного кодекса в виде тюремного заключения на срок до двух лет [7]. О том, что эта публикация не была случайной, свидетельствует циркуляр Избирательного бюро МВД воеводским управлениям от 26 сентября (с ним пересылался текст решения Верховного суда), в котором предлагалось проследить, чтобы «местная пресса опубликовала это решение целиком и в ближайшее время» [5, ф. I, оп. 58, д. 1547, л. 14].

Генеральным избирательным комиссаром был назначен судья Верховного суда С. Гижиджий [1, 14 IX, роз. 432]. Избирательное бюро было уполно-

мочено издавать «распоряжения по вопросам, связанным с проведением выборов в законодательные палаты» и осуществлять «надзор за деятельностью избирательных отделов», которые предписывалось организовать в воеводствах и старостах [5, ф. I, оп. 58, д. 1528, л. 6—7]. На воеводском уровне также назначались избирательные комиссары, о широких полномочиях которых свидетельствует инструкция министра внутренних дел: комиссары имели право вмешиваться в деятельность избирательных комиссий и являлись председателями окружных избирательных собраний [5, ф. I, оп. 58, д. 1532, л. 35 об.]. В сопровождавшем эту инструкцию циркуляре министр пояснял, что избирательные комиссары будут действовать на основе «полного доверия государственных властей к их личности» и что «в выполнении своих обязанностей избирательный комиссар должен руководствоваться интересами Государства, представленного Правительством» [5, ф. I, оп. 58, д. 1532, л. 32].

К 3 октября был сформирован состав окружных избирательных собраний. В результате действия положения о выборах в сейм 1935 г., господства пилсудчиков в органах самоуправления и негативного отношения партий оппозиции к выборам большинство в этих собраниях получили члены или сторонники ОЗН. Лишь в трех воеводствах и Варшаве оппозиция имела более 25% своих представителей в собраниях [4, 1938, 14 X], что было необходимо для утверждения выдвинутых кандидатов. Но и здесь рассчитывать на это вряд ли было можно, учитывая существенные разногласия между правонационалистической и буржуазно-демократической оппозицией, а в рядах последней — соперничество отдельных партий и их лидеров.

18 сентября руководство СН заявило об отказе партии участвовать в выборах [8, 20 IX; 9], все больше ориентируя ее на внепарламентские формы деятельности в связи с возрастающей фашизацией верхушки «санации». Буржуазно-демократические партии сходились во мнении, что роспуск парламента был явлением положительным, но внутри этих партий не было единства по вопросу участия в выборах. В каждой из них имелись влиятельные сторонники соглашения с правящей группировкой или ее частью. Надеждами на уступки обуславливались колебания партий буржуазно-демократической оппозиции в вопросе участия в выборах, что было следствием тактических маневров верхушки «санации», соглашательских настроений в руководстве этих партий, особенно в условиях осложнения международного положения. Такая классово ограниченная позиция вела к дезориентации значительного числа избирателей, что правящая группировка могла использовать в своих интересах.

22 сентября было опубликовано решение СП о его неучастии в выборах [10; 11, 5 X]. Непоследовательность проявило руководство ППС, приняв 24 сентября резолюцию об отказе участвовать в выборах, но оговорив возможность изменить свою позицию [12, s. 321; 13, 1938, 18, 19, 27 IX]. Решение руководства СП от 16 сентября о неучастии в выборах [14] утвердил 9 октября чрезвычайный конгресс партии [15, s. 392]. Свои действия буржуазно-демократическая оппозиция обосновывала положением о выборах в сейм 1935 г., которое не позволяло ей иметь представительство в парламенте и влиять на государственную политику. Таким образом, попытки правящей группировки добиться поддержки выборов хотя бы частью оппозиционных партий провалились. Как и в 1935 г., правящая клика стояла перед возможностью общего бойкота выборов.

После завершения мюнхенского кризиса и принятия оппозицией решений о бойкоте выборов предвыборная кампания правящей группировки вступила в новый этап (10 X — 9 XI). Его особенность заключалась в том, что теперь верхушка «санации» главное внимание уделяла привлечению к выборам широких масс избирателей. На этом этапе резким нападкам стала подвергаться оппозиция за пренебрежение (в понимании правящей верхушки) национальными интересами Польши.

На первый план выдвигался лозунг национального объединения. С. Скварчинский указывал, что необходимо объединение во всех сферах для создания «всеобщего блага общими усилиями граждан, ... действи-

тельной мощи Польской Республики» [4, 1938, I XI]. Министр М. Зындрам-Косьцялковский говорил, что национальное объединение необходимо для успешного развития Польши [4, 1938, I XI].

Наиболее активно пропагандировал лозунг национального объединения вице-премьер Э. Квятковский. Его речь в Катовицах была единственным в втором этапе кампании выступлением, в котором продемонстрировалось стремление сближения с оппозицией. Обращаясь к людовцам, различным группам эндеков, оратор заявлял: «Мы стремимся к искреннему соглашению с людьми, которые хотят величия Польши и которые это соглашение не трактуют как политический торг...». Выдвигалось условие для сотрудничества — замена «оппозиции законспирированной, лицемерной, желчной на оппозицию открытую, честную, искреннюю, борющуюся за мировоззрения, а не за персоналии» [4, 1938, 17 X]. Э. Квятковский обещал оппозиционным партиям: «Мы неоднократно заявляли представителям теперешней оппозиции, что если бы они решились уже сейчас войти в парламент и заняли резко оппозиционную позицию по отношению к нашему Правительству, мы не имели бы к ним ни малейших претензий, помимо искренних и открытых усилий ничем не осложнить им избирательную акцию». Многообещающими были слова вице-преьера об изменении положений о выборах в сейм и сенат. Признавалось, что действующие положения нанесли «много вреда, мы желаем исправления этой ошибки». Распоряжение президента от 13 сентября трактовалось как «возможность скорого изменения положений о выборах в парламент». Оратор указывал на пути для достижения этого: расширение права отдельных граждан и партий выдвигать кандидатуры, чтобы «человек популярный и политически активный мог быть выбран депутатом или сенатором» независимо от его симпатий и принадлежности к ОЗН, СЛ, эндецким группировкам или ППС, независимо от отношения к нему избирательной коллегии; распространение всеобщего избирательного права на выборы в сенат [4, 1938, 19 X].

Примечательно, что речь вице-преьера была напечатана центральным органом ОЗН в сокращении, причем опускались наиболее важные, по мнению оппозиции, проблемы: изменение избирательного права и переговоры правящей группировки с политическими партиями. Лишь после поднятия оппозицией вопроса о сокращении речи «Gazeta Polska» объяснила его техническими причинами и поместила сокращенные абзацы, где сообщалось, что ОЗН были начаты «переговоры с представителями людовского и национального (эндецкого. — *И. К.*) движения, которые устранили много недоразумений и являются хорошим почином на будущее».

Речь Э. Квятковского в Катовицах и ее освещение в газете показывают, что в верхушке «санации» все еще не было единства по вопросу отношения к оппозиции между «генеральской» («Gazeta Polska») и ее главный редактор Б. Медзиньский) и «замковой» (Э. Квятковский) группами. Вместе с тем, ничем не обоснованные обещания Э. Квятковского оппозиционным партиям правящая группировка могла использовать для дезориентации партий и раскола в них накануне выборов.

В познанской речи Э. Квятковского, по сравнению с катовицкой, изменились общий тон и акценты, что свидетельствует об уступках «замковой» группы «генеральской». Необходимость национального объединения вице-премьер обосновывал тем, что «нации ссорящиеся и вооруженные во внутренней борьбе оружием инсинуации, клеветы и злой воли... не могут рассчитывать ни на что иное, кроме только как на сокрушительное поражение...». Оратор назвал силы, с которыми правящая группировка пыталась наладить отношения для расширения социальной базы режима: СЛ и эндецкие группировки. В то же время Э. Квятковский резко выступил против ППС и СН. В полемике с эндецией Э. Квятковский пояснял: «Произошло и продолжается по-прежнему сближение понятий нации и государства. Содержание и форма органически сливаются. Отсюда — актуальность идеи национального объединения», которое было, по мнению оратора, неизбежным. Отвергая тоталитаризм, он высказывался и против «партийной суверенности», предупредив лидеров политических партий:

«Польша не будет договариваться с собственными гражданами и собственными политическими партиями, не будет терпеть анархии...» [4, 1938, 31 X].

Среди демагогических лозунгов правящей верхушки важное место занимал лозунг своеобразно толкуемой демократии, о которой тот же Э. Квятковский говорил: «Мы стремимся к организованной и дисциплинированной демократии. Выступаем же против демократии масонско-либеральной», демократия в Польше должна основываться на конституции [4, 1938, 17 X]. В то же время М. Зындрам-Косьцялковский утверждал, что под этим лозунгом объединяются бойкотировавшие выборы, им пользовались представители крайней реакции, его используют «крайне левые элементы — коммунисты» [4, 1938, 1 XI].

О том, как действительно представлялась правящей группировке демократия, писал, например, орган «генеральской» группы и стоявших за ней военных кругов «Polska Zbrojna»: «От государства требуется прежде всего, чтобы оно было сильным. Это самое важное и к выполнению этой задачи должно быть подчинено все остальное» [16]. В связи с постановкой такой задачи по разному рассматривалась проблема тоталитаризма в Польше. Представитель «замковой» группы Э. Квятковский заявлял: «Мы не стремимся — пока это не стало бы крайней необходимостью — к созданию государства тоталитарного, одноидейного и однопартийного» [4, 1938, 17 X]. Представитель же «генеральской» группы С. Скварчинский, односторонне толкуя понятие «тоталитаризм», был даже согласен с его существованием в Польше: «...Если кто-то считает, что культ верховного вождя (Э. Рызд-Смиглого. — *И. К.*) — это тоталитаризм, тот пусть помнит, что такого тоталитаризма Польше не нужно стыдиться» [4, 1938, 1 XI].

Определенное внимание правящей группировкой в предвыборной кампании уделялось лозунгу христианской этики, особенно после того, как глава католической церкви Польши кардинал А. Хлонд призвал верующих принять участие в голосовании, считая это их долгом по отношению к государству [17].

Как только стало известно о бойкоте выборов со стороны оппозиции, правящая группировка показала свое действительное отношение к политическим партиям. Ведущий идеолог режима Б. Медзиньский в своей предвыборной речи обрушился на них, обвиняя в том, что они не приняли предложенного сотрудничества, и утверждал, что Польша и «без старых партийных штабов достаточно сильна» [4, 1938, 11 X]. Антиоппозиционная агитация, сдерживавшаяся ранее в тактических целях правящей верхушкой для привлечения партий к выборам, развернулась на страницах проправительственного «Kurjera Poglannego» [18, 1938, 9, 21, 23, 29 X]. Резко антиоппозиционные взгляды находили выражение на страницах «Gazety Polskiej», писавшей за день до выборов: «Негативизм в сегодняшней польской жизни проповедуют старые оппозиционные партии» либерально-парламентской демократии и предвоенного национализма, которые потерпели поражение в период конфликта с Чехословакией, в результате чего польское общество отвернулось от них, поэтому «оппозиция не может существенно повлиять на выборы» [4, 1938, 5 XI].

Взяв на втором этапе предвыборной кампании курс на резкую конфронтацию с оппозиционными партиями, большинство представителей правящей группировки, особенно сторонники тоталитарных методов правления, почти не касались проблемы положения о выборах в сейм, вспоминая об этом лишь в связи с необходимостью привлечь широкие массы избирателей к выборам. Б. Медзиньский лишь упомянул в своем выступлении, что президент поставил перед будущим парламентом задачу «ревизии теперешнего положения о выборах. Воля главы государства обязательна и будет выполнена» [4, 1938, 11 X]. Премьер-министр Ф. Славой-Складковский говорил в предвыборном выступлении: президент «отчетливо указал будущим законодательным органам — как главную работу — изменение положения о выборах», а поскольку по конституции «изменить положение о выборах могут лишь парламентские палаты сейм и сенат, поэтому выборы имеют особое значение» [4, 1938, 24 X]. Очень неопределенно

говорилось о путях изменения положения о выборах в сейм [4, 1938, 14, 31 X]. Такая нечеткость обещаний свидетельствовала о том, что правящая группировка не собиралась их выполнять, а использовала лишь для привлечения избирателей.

Это было главной задачей правящей верхушки в ее предвыборной агитации. Обращаясь к избирателям, Ф. Славой-Складковский подчеркивал, что голосование — это и обязанность, и «индивидуальное право каждого гражданина и никто в Польше этого права его лишить не сумеет». Выражалось убеждение, что бойкот «трех штабов: эндецкого, социалистического, людовского... не удастся» [4, 1938, 24 X]. На право и обязанность голосовать указывал и Б. Медзиньский [4, 1938, 11 X]. Накануне выборов «Gazeta Polska» писала, что неявка на выборы становится формой негативизма и «аргументом, которым пользуются круги, враждебные польскому государству», выборы должны стать «экзаменом гражданской зрелости» [4, 1938, 5 XI].

13 октября проходило выдвижение и утверждение кандидатов в депутаты сейма в округах. Преобладание в избирательных собраниях сторонников ОЗН обеспечило в большинстве случаев избрание кандидатами лиц, угодных правящей верхушке. Преимущественно это были люди, мало известные в стране. Из депутатов предыдущего сейма кандидатами стали лишь 69 человек, главным образом сторонники ОЗН [19, 15 X]. Часть бывших депутатов сейма даже не выставляли свои кандидатуры на избирательных собраниях, заранее считая такой шаг проигрышной акцией. Кандидатуры многих противников ОЗН в лагере «санации» были провалены проправительственным большинством избирательных собраний. Однако в списках утвержденных кандидатов в депутаты сейма все же оказались В. Славек (его кандидатура была выдвинута в двух округах, но в одном провалена [19, 14 X]), представители националистической группы «Ютро-праць» Я. Хоше и Ю. Дудзиньский, редактор консервативного «Słowa» С. Мацкевич, сторонник буржуазно-демократических методов управления Л. Желиговский и ксендз Ю. Любельский, связанный с людовскими кругами. Среди утвержденных кандидатов были видные представители правящей группировки: члены пратвительства — Ф. Славой-Складковский, Э. Квятковский, Ю. Ульрих и М. Зындрам-Косьцялковский, руководящие деятели ОЗН — С. Скварчиньский, З. Венда и др. [19, 14 X].

23 октября состоялись выборы делегатов в воеводские избирательные коллегии, которым предстояло избрать сенаторов. Из 3034 делегатов было 1812 членов ОЗН и 1108 проправительственно настроенных лиц. Лишь 81 делегат (3%) представлял польские оппозиционные силы [4, 1938, 25 X]. Утвержденные списки кандидатов в депутаты сейма и состав избирательных коллегий свидетельствовали о консолидации националистических сил, в результате чего правящая группировка смогла не только не допустить в парламент оппозиционные партии, но и в значительной мере ограничить доступ туда своим соперникам по лагерю «санации».

На втором этапе предвыборной кампании правящая группировка для того, чтобы не допустить своих политических противников в парламент, использовала механизм избирательной системы, административное давление и прямые репрессии. Используя свое большинство в избирательных собраниях, ОЗН проваливал неудобных ему кандидатов, в том числе и бывших депутатов сейма [19, 15 X]. В процессе утверждения списков кандидатов в депутаты сейма избирательные собрания, где заправляли сторонники ОЗН, шли на прямую фальсификацию, например, в округах 31 (Коньске) [20, 19 X] и 48 (Глембоке) [8, 25 X]. Беззакония творились и на избирательных собраниях в других округах [20, 19 X]. Для протаскивания своих ставленников, не имевших широкой поддержки в обществе, в парламент правящая группировка использовала выборы в сенат и право президента назначать треть сенаторов.

Учитывая национальные противоречия, правящая верхушка заключала закулисные предвыборные соглашения с буржуазными партиями национальных меньшинств. В округах с преобладанием украинского населения ОЗН фактически поделил мандаты (по одному в каждом округе) с основной

партией украинской буржуазии — Украинским национально-демократическим объединением (УНДО), которое вследствие этого приняло участие в выборах. Начальник Львовского воеводского избирательного отдела в соответствии с полученными директивами сверху должен был «обеспечить избрание украинских кандидатов в депутаты, а также сенатора-украинца...» [5, ф. 1, оп. 58, д. 1542, л. 86]. По свидетельству С. Мацкевича, в округе 46 (Вильно) глава ОЗН С. Скварчинский был избран только потому, что «виленский воевода обещал евреям, что их кандидата раввина Рубинштейна президент назначит сенатором» [21].

В отношении противников ОЗН, успешно прошедших избирательные собрания, проправительственный лагерь по-прежнему чинил препятствия в их предвыборной кампании, например, Л. Желиговскому и С. Мацкевичу [8, 24 X]. Была организована травля ближайшего соратника Ю. Пилсудского В. Славека в округе 5 (Варшава), при выдвижении кандидатов в депутаты проправительственный лагерь использовал и прямые провокации [19, 1938, 15, 16, 19 X; 8, 16 X]. Депутат Ю. Дудзиньский на заседании нового сейма в декабре 1938 г. отметил: «...Вместо аргументации был террор и лживая информация, вместо соблюдения права и порядка — охрана, даваемая бесправью» [22].

Участились случаи конфискации оппозиционной прессы. Фактически полностью был конфискован в период избирательной кампании центральный орган СЛ «Zielony Sztandar». 1 октября по указанию властей прекратилось издание центрального органа СП «Nowej Rzeczypospolitej» [23]. На втором этапе предвыборной кампании с 9 октября по 6 ноября постоянным конфискациям подвергались номера центральных органов ППС «Robotnik» (9 номеров), СН «Warszawski Dziennik Narodowy» (4 номера), СП «Polonia» (6 номеров), консерваторов «Czas» (7 номеров) и «Słowo» (10 номеров). Это резко затрудняло правонационалистической и буржуазно-демократической оппозиции проведение даже завуалированной агитации против участия в выборах.

Используя ст. 156 уголовного кодекса, власти усиливали репрессии против деятелей оппозиционных партий, призывавших к бойкоту выборов. Агентство «Искра» в середине октября сообщило, что все прокуроры получили указание преследовать всякие акции, направленные на бойкот выборов, и в каждом подобном случае «проводить расследование со всей строгостью закона и дела немедленно отправлять в суд с актом обвинения» [24]. Об усилении судебных репрессий свидетельствуют и циркуляры прокурора Апелляционного суда города Львова. В одном из них, от 10 октября, указывалось на рост «преступлений» по политическим мотивам (прежде всего это относилось к актам сопротивления в связи с избирательной кампанией) и на необходимость преследовать их «беспощадно и немедленно» [25].

Активизировалась и государственная администрация. Например, Львовское воеводское управление разослало 15 октября старостам циркуляр, в котором подчеркивалось, что акции, направленные против выборов, должны «встречать решительную реакцию со стороны административных властей» на основании ст. 156 уголовного кодекса. Предлагалось в таких случаях немедленно закрывать собрания оппозиционных партий (если на них начиналась агитация против выборов), решительно бороться против сопротивления выборам и уничтожения правительственных объявлений о выборах вплоть до возбуждения уголовных дел против активистов [5, ф. 1, оп. 51, д. 1149, л. 108—108 об.]. Эти директивы вызвали усиление полицейских репрессий. Например, для недопущения деятельности против выборов со стороны членов СН и СЛ во львовском повяте комендантура полиции приказывала задерживать агитаторов под любыми предлогами, использовать временный арест и возбуждать против них уголовные дела [5, ф. 7, оп. 3, д. 603, л. 2]. Репрессии продолжались вплоть до последнего дня избирательной кампании и в ходе выборов [20, 7 XI; 8 XII; 13, 8 XI; 15, s. 146].

По сообщению окружного правления СЛ в Малой Польше среди методов, применявшихся «санацией» для увеличения процента избирателей,

были: прямое насилие или угрозы его применения (репрессии против членов СЛ с использованием армии и полиции, составление списков отказывающихся голосовать, увольнение с государственной службы), использование механизма избирательной системы и прямые фальсификации (подбор членов избирательных комиссий, голосование за неучаствовавших в выборах, «чудеса над урной», т. е. фальсификации результатов выборов) [26, s. 184—190]. На некоторые «чудеса над урной» указывала оппозиционная печать, например, в Варшаве и в округе 63 (Бережаны) [27].

Под мощным нажимом административного аппарата, при усилившейся демагогии ОЗН оппозиционные партии не могли, а точнее и не всегда хотели вести активную деятельность против участия своих членов и сторонников в выборах. Приветствуя внешнеполитические шаги режима, оппозиционные партии не могли противопоставить никакой позитивной программы национализму и антисоветизму правящей группировки, наоборот, легальная оппозиция поддерживала в этом верхушку «санации». Поэтому политические партии, особенно СП и ППС, пассивно бойкотировали выборы [26, s. 182; 28; 12, s. 325—326]. И так, плетясь в хвосте правящей группировки, оппозиционные партии не могли перехватить у нее инициативы в предвыборной кампании и были обречены на поражение.

По официальным данным, в состоявшихся 6 ноября выборах в сейм приняли участие 67,1% избирателей [29]. Из предыдущего состава сейма в новом оказались лишь 56 депутатов (27%), только 71 депутат ранее вообще избирался в парламент (34%), 137 депутатов вошли в него впервые [4, 1939, 3 III]. В сейм прошли все баллотировавшиеся министры, ведущие деятели ОЗН. Однако, несмотря на все усилия проправительственного лагеря, ряд его кандидатов потерпели поражение. Усилиями правящей группировки были провалены большинство противников ОЗН в лагере «санации» — В. Славек, Я. Хоппе, С. Мацкевич и другие. Только немногим противникам ОЗН удалось стать депутатами сейма: Л. Желиговскому (в своем округе он получил больше голосов, чем избранный по этому же округу глава ОЗН С. Скварчинский), Ю. Дудзиньскому, Ю. Любельскому. На выборах в сенат, проходивших 13 ноября, в воеводских избирательных коллегиях голосовало 99,2% делегатов [29]. Лишь 44 сенатора ранее избиралось в парламент, а 52 стали ими впервые [4, 1939, 3 III]. Сенаторами были избраны министр Ю. Бек, деятели ОЗН — председатель его парламентской фракции С. Домбковский, президент Варшавы С. Стажинский, бывший глава ОЗН А. Коц и другие, в том числе три кандидата, провалившиеся при выборах в сейм. Среди назначенных президентом сенаторов были министры В. Грабовский, А. Роман, Э. Калинский, В. Свентославский, а также идеолог режима Б. Медзиньский. Депутаты сейма и сенаторы [1, 18 XI, роз. 619, 620, 23 XI, роз. 625] были в подавляющем большинстве членами ОЗН. В сейме из 208 депутатов 166 представляли эту организацию [30]. Кроме ОЗН, там имели свое представительство украинское УНДО (19 депутатов), сионисты (5 депутатов); президент назначил сенаторами двух немцев, имевших явные прогитлеровские настроения [31, s. 150].

Проправительственная пресса открыто выражала восторг итогами выборов. Утверждалось, что своим активным участием в голосовании избиратели одобрили политику «санации». В отношении оппозиционных партий говорилось, что из-за их отказа сотрудничать с ОЗН они не могут рассчитывать на участие в политической жизни страны [4, 1938, 9 XI; 18, 8, 9 XI].

Таким образом, парламентские выборы 1938 г. в Польше стали важным политическим событием, продемонстрировавшим приоритет в общественных настроениях внешнеполитических проблем, оказывавших определяющее влияние на формирование внутривнутриполитической обстановки. Осложнение внешнеполитической ситуации Польши вело к росту патриотических настроений в польском обществе (хотя в значительной его части отсутствовало понимание жизненной необходимости союза с СССР), что в спекулятивных целях использовала правящая группировка для укрепления своего внутривнутриполитического положения, раздувая национализм, по-

винизм, антикоммунизм и антисоветизм, возвеличивая роль верховного вождя и армии, как гарантов позиций Польши на международной арене. Относительный успех правящей группировки на выборах был достигнут и вследствие изменений, произошедших в лагере «санации» в конце 30-х годов: некоторой консолидации правящего лагеря как результата усиления в нем тоталитарной «генеральской» группы и создания по ее инициативе новой политической организации — ОЗН. В предвыборной кампании правящая группировка широко использовала основные лозунги как правонационалистической (национализм), так и буржуазно-демократической (демократия, социальная справедливость) оппозиции, заявляла о своем стремлении изменить положение о выборах в сейм 1935 г. В ходе кампании оказывалась действенная поддержка ОЗН со стороны государственного аппарата, с чем были связаны многочисленные злоупотребления, беззакония, репрессии. Сложность международного положения Польши, буржуазная и мелкобуржуазная ограниченность способствовали проведению буржуазно-демократическими партиями непоследовательной соглашательской политики. Руководство части оппозиции совершило существенный поворот от резкой оппозиционности в 1935—1937 гг. к установлению некоторых контактов с правящей группировкой в 1938 г. Поэтому СП, СЛ и ППС оказались неспособными отстаивать программу возврата к буржуазно-демократическому строю в противовес антидемократической программе правящей группировки. Этим и объясняется нейтрализация «санацией» оппозиционных партий и неэффективность их политики бойкота выборов, национализм и антисоветизм, принесшие относительный успех «санации» в парламентских выборах 1938 г., в ближайшей исторической перспективе показали объективную неспособность правящей группировки и всего буржуазно-помещичьего и мелкобуржуазного лагеря в целом обеспечить независимость Польши.

ЛИТЕРАТУРА

1. Monitor Polski, 1938.
2. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej.
3. *Базинский Э. А.* Политические концепции «санации» и польская конституция 1935 года.— Советское славяноведение, 1978, № 1, с. 76.
4. Gazeta Polska.
5. Львовский областной государственный архив.
6. Dziennik Ustaw Ministerstwa Spraw Wewnętrznych. 1938, № 27, poz. 218.
7. Iskra. Agencja Prasowa i Publicystyczna. 1938, № 43.
8. Słowo, 1938.
9. Myśl Narodowa, 1938, № 43.
10. Nowa Rzeczpospolita, 1938, 22 IX.
11. Polonia, 1938.
12. *Zarnowski J.* Polska Partia Socjalistyczna. 1935—1939. Warszawa, 1965.
13. Robotnik, 1938.
14. Sprawy Polityczne. Biuletyn Specjalny, 1938, № 26/534, s. 327.
15. Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego. Т. III. 1931—1939. Warszawa, 1965.
16. Polska Zbrojna, 1938, 19 X.
17. Mały Dziennik, 1938, 9 X.
18. Kurjer Poranny, 1938.
19. Czas, 1938.
20. Warszawski Dziennik Narodowy, 1938.
21. *Mackiewicz (Cat) S.* Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r. Łódź, 1941, s. 318.
22. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Kadencja V. 1938—1939, 3 XII. Warszawa, 1939, I. 34—35.
23. *Majchrowski J. M.* Stronnictwo Pracy. Działalność polityczna i koncepcje programowe. 1937—1945. Warszawa, 1979, s. 135.
24. Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф. 4459, оп. 12, ч. 1, д. 68, л. 78.
25. Центральный государственный исторический архив УССР г. Львов, ф. 205, оп. 1, д. 1140, л. 6.
26. Archiwum polityczny Ignacego Paderewskiego. Т. IV. 1935—1940. Wrocław s. a. 1974.
27. Czarno na Białem, 1939, № 48.
28. *Przybylski H.* Front Morges w okresie II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1972, s. 279—280.
29. Mały Rocznik Statystyczny. 1939. Warszawa, 1939, s. 355.
30. *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski. 1864—1945. Т. 2. cz. 1. Londyn, 1956, s. 662.
31. *Turlejska M.* Rok przed klęską. Warszawa, 1969.

АНДРЮШИН Е. Н.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Д. БЛАГОЕВА И ЕГО ОТНОШЕНИИ К РУССКОМУ РЕВОЛЮЦИОННОМУ НАРОДНИЧЕСТВУ (1879—1885 гг.)

Около семи лет (1878—1885) Димитр Благоев прожил в России. Здесь начиналась его активная и целенаправленная политическая деятельность, формировались научные, марксистские взгляды. В те годы русское революционное народничество переживало кризис. Под воздействием нараставшей борьбы рабочих Петербурга и других индустриально развитых городов России, под влиянием проникавших в страну идей научного социализма Димитр Благоев пришел к мысли о необходимости критического пересмотра не оправдавших себя на практике народнических доктрин и замены их новым, социал-демократическим мировоззрением.

По его инициативе в Петербурге была создана первая социал-демократическая группа, оставившая заметный след в истории русского освободительного движения. Ее более чем трехлетняя деятельность, как и деятельность возникшей одновременно за границей плехановской группы «Освобождение труда», свидетельствовала о зарождении нового, марксистского, направления в развитии общественно-политической мысли страны. «Петербургские социал-демократы одновременно с группой „Освобождение труда“, — подчеркивается в многотомной „Истории Коммунистической партии Советского Союза“, — подняли знамя революционного марксизма в освободительном движении России. Несмотря на значительное влияние утопического социализма, они решительно порвали с народничеством и первыми повели пропаганду социал-демократических взглядов среди революционной интеллигенции и рабочих» [1, с. 146].

Переход передовой разночинной молодежи к социал-демократизму совершался, однако, не без трудностей и противоречий. Сказывались прежде всего социально-экономические условия страны: отсутствие широкого рабочего движения, мелкокрестьянский в своей основе характер хозяйственного развития. Даже в среде революционеров, начавших осваивать основы научного социализма, цепко держались утопические идеи Чернышевского и Герцена, Лаврова и Бакунина, а также рано проникшие в страну идеи Лассаля, Прудона и других мелкобуржуазных социалистов. Само собой разумеется, в этих условиях воспринять сразу новое мировоззрение члены первой социал-демократической группы не могли. Их взгляды, как впоследствии признавал сам Благоев, «сильно отличались» от марксистских взглядов, представляя собой «смесь научного социализма с лассальянством, а если хотите, и лавризмом» [2, с. 77].

В исторической литературе нет единого мнения по вопросу о влиянии народнической идеологии на формирование общественно-политических взглядов Благоева, об отношении болгарского революционера к народническим организациям и группам в период его пребывания в России. Труд-

ность изучения указанной проблемы связана главным образом с исключительной скудностью источников. Тем не менее в последние десятилетия в этой области были достигнуты значительные успехи. Среди исследователей прочно установилось мнение, что Благоев, вопреки известному влиянию лассальянства и лавризма, уже в 1883 г. твердо и без колебаний определил себя как сторонник учения К. Маркса [3, с. 323; 4, с. 15, 25, 28; 5, с. 32; 6, с. 29]. А это означает, что не подтвердилось выраженное в 20-х годах мнение Н. Л. Сергиевского о том, будто Благоев был и долгое время — вплоть до высылки из России — оставался народником [7, с. 51; 8, с. 15, 17].

Некоторые исследователи, например, склонны преувеличивать влияние на Д. Благоева народнической идеологии. Так, болгарский историк Е. Бужашки утверждает, что Благоев, изучая народническую литературу, воспринял и некоторые положения идеологии народничества. Более того, из рассуждений автора следует, будто до знакомства Д. Благоева с первым томом «Капитала» К. Маркса ему были свойственны «основные народнические взгляды». «Народником в полном смысле слова Благоев, однако, не стал, — уточняет Е. Бужашки, — поскольку познакомился с народничеством тогда, когда оно уже находилось в процессе разложения» [9, с. 71, 73]. Отсюда следует вывод спорного характера: в полном или неполном смысле слова, но до перехода на позиции социал-демократизма Благоев находился в плену народнической идеологии.

Противоположной точки зрения по вопросу о влиянии народничества на Д. Благоева придерживался, хотя и не всегда последовательно, советский историк А. М. Шнитман. Он утверждал, что «Д. Н. Благоев с первых же своих шагов в революционном движении отрицательно относился к народникам, а, восприняв марксизм, вступил в борьбу с их ошибочными взглядами» [10, с. 68]. Впрочем, тут же А. М. Шнитман, противореча самому себе, отмечал, что влияние народничества на формирование революционных взглядов Благоева нельзя сбрасывать со счетов. Точка зрения А. М. Шнитмана с этой последней поправкой близка точке зрения А. И. Соболева. «...Благоев с его ищущим умом и революционно-демократическим устремлением не хотел идти по пути народничества, — писал он. — Но полностью избежать его влияния ему не удалось. На какой-то отрезок времени Благоев разделял некоторые взгляды Лаврова, в интерпретации которого он впервые познакомился с положениями К. Маркса» [6, с. 28].

Сам Д. Благоев нигде не упоминает о влиянии на него народнической идеологии. В этой связи оценка им собственного формировавшегося в 80-х годах мировоззрения как смеси научного социализма с лассальянством и лавризмом заставляет предполагать, что идеи П. Л. Лаврова коснулись его лишь той стороной, которая не имела или почти не имела отношения к фундаментальным положениям революционного народничества. Сам П. Л. Лавров, как свидетельствуют данные последнего времени, хотя и сочувствовал революционерам-разночинцам, хотя и причислял себя к «народникам», однако, очень часто выступал с довольно резкой критикой идейно-теоретических и тактических позиций действовавших в России народнических организаций и групп [11, с. 87—90]. Было бы, видимо, не совсем правильно объявлять так называемый лавризм, не представлявший собой цельной теории, главной или даже пусть одной из главных идейных основ народничества и делать отсюда вывод о влиянии идеологии народничества на Д. Благоева. Известно высказывание на этот счет Г. В. Плеханова: «П. Л. Лавров был горячим и убежденным приверженцем современного международного социализма. И в этом смысле он был нашим товарищем» [12, с. 149—150]. Данная оценка, высказанная в день похорон П. Л. Лаврова с учетом идейной эволюции последнего, может быть спорной, но ее нельзя не учитывать, говоря о влиянии лавризма на взгляды Д. Благоева.

В задачу данной статьи не входит рассмотрение всего круга проблем, связанных с отношением Д. Благоева к русскому революционному народничеству и с воздействием последнего на формирование идейного облика

болгарского революционера и интернационалиста. Мы попытаемся выяснить лишь следующее: во-первых, какую роль сыграла народническая среда в формировании революционных взглядов Д. Благоева; во-вторых, насколько тесными и прочными были связи Благоева с народническими организациями и каков характер этих связей; в-третьих, принимал ли Благоев основополагающие доктрины народнической идеологии, сущность которой В. И. Ленин видел в протесте против крепостничества и буржуазности с точки зрения крестьянина, «в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя» [13, т. 1, с. 355, 422]. Выяснение этих вопросов имеет важное значение для более точного определения уровня идейно-политической зрелости болгарского революционера к моменту создания им социал-демократической группы, правильной оценки его роли в русском революционном освободительном движении.

Данная проблема представляется нам интересной еще и по таким соображениям. Большинство членов группы Благоева в прошлом симпатизировали народникам или разделяли их взгляды. Факты свидетельствуют о том, что благоевцы на протяжении всей своей революционной деятельности не теряли связей с «Народной волей», помогали друг другу, распространяли среди рабочих не только социал-демократическую, но и народническую литературу, пытались установить контакты с заграничным центром организации «Народная воля» с целью объединения усилий в борьбе с самодержавием.

Каким образом и на какой основе поддерживалась эта связь, как вели себя петербургские социал-демократы во взаимоотношениях с народническими организациями, какие принципы отстаивали в общих дискуссиях о путях борьбы с самодержавием, в чем не соглашались с народовольцами, — все это важно знать для оценки характера деятельности и взглядов Д. Благоева, членов «Партии русских социал-демократов» в целом. Необходимо учесть при этом, что каждый из членов группы Благоева был по-своему первопроходцем в поиске новой революционной теории, нового пути освободительной борьбы. А потому малейшие разногласия и различия во взглядах при их дальнейшей эволюции таили в себе опасность уклона в сторону от научного социализма и могли вылиться в идейное течение, не только далекое от марксизма, но и враждебное ему.

Впервые Д. Благоев столкнулся с русским революционным движением в Одессе, куда прибыл в мае 1878 г. с целью получения высшего образования. Вне поля зрения Благоева не могли остаться участвовавшие сообщения в печати о борьбе царского правительства с «крамолой», о покушениях народников на высокопоставленных лиц и царя Александра II, о студенческих волнениях в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве и других городах России. Летом 1879 г. за создание рабочей организации в Одессе взялся чернопеределец П. Б. Аксельрод, впоследствии один из активных участников группы «Освобождение труда» [14, с. 194]. Одесса становилась одним из важных революционных центров на юге страны.

Передовая одесская молодежь горячо обсуждала положение дел в стране, высказывая свою солидарность с актами протеста против произвола и насилия. «Отзывчивый, общительный и живо интересующийся общественной жизнью Благоев, — отмечает в одной из своих работ советский историк А. С. Бланк, — несомненно был в курсе развивавшихся в Одессе событий» [15, с. 78]. Вольно или невольно болгарский юноша становился участником или свидетелем бесед и споров, пытался самостоятельно разобраться в том, что происходило тогда в городе, в стране. «Еще в Одессе в реальном училище, — вспоминал он в 1903 г., — я познакомился, хотя и поверхностно, с революционным движением в России. Еще там сочувствовал борьбе народовольцев. Однако не мог себе объяснить, почему только с помощью террористической деятельности можно прийти к перевороту в России»¹.

¹ Письмо Д. Благоева Д. Кольцову о создании и деятельности первой марксистской группы в России «Партии русских социал-демократов» от 23 января 1903 г. [16, с. 50].

В начале сентября 1880 г. Д. Благоев встретился в Одессе со студентом Петербургской военно-медицинской академии П. Вадзинским, приехавшим на побывку к родным. Его рассказы о революционных волнениях в столице глубоко взволновали болгарского юношу. «Он рассказал столько интересных вещей о жизни петербургских студентов, — писал впоследствии Благоев в своих воспоминаниях, — что постепенно у меня начала созревать мысль поехать учиться в одно из петербургских высших учебных заведений. Павлу Вадзинскому было чем привлечь и заинтересовать меня, потому что это было как раз время больших и бурных студенческих волнений в Петербурге. Рассказы о них волновали и привлекали меня. Мною уже всецело овладела мысль о бурных днях Петербурга, и в начале октября 1880 года я очутился в этом городе» [2, с. 42].

Вышеприведенный материал не оставляет сомнений в том, что в русскую столицу Д. Благоева привело не столько стремление «изучать естественные и математические науки», как он писал тогда в автобиографии [17, с. 29—30], сколько страстное желание войти в революционную жизнь Петербурга. «Это и заставило меня отправиться туда почти без средств», — скажет потом Благоев [18, с. 7]. Немаловажное значение для определения его дальнейшего жизненного пути имело то обстоятельство, что с первых дней своего пребывания в Петербурге он попал в революционную среду. Его память на десятки лет сохранила картину, которую он застал, войдя в аудиторию Петербургского университета, куда он записался сначала вольнослушателем: на одной из скамеек стоял студент и резкими пламенными словами бичевал полицейский произвол и русский реакционный режим, призывая молодежь на борьбу с этим злом [2, с. 45]. Именно этот факт приводил Благоев в своем письме к Д. Кольцову 23 января 1903 г.: «Когда я в первый раз явился в университет, застал всех студентов на сходке. С этого момента я вошел в революционное движение. Однако первый год университетской жизни прошел для меня в подготовке к экзамену и в знакомстве с товарищами и с движением» [16, с. 50].

Невыносимо трудными оказались для болгарского юноши первые месяцы его пребывания в Петербурге. Деньги, заработанные в Одессе репетиторством, были быстро израсходованы. Нужда, голод, безденежье постоянно преследовали его.

Преодолеть трудности и невзгоды помогла Д. Благоеву студенческая товарищеская коммуна, в которую он вступил по совету своего университетского товарища, а впоследствии одного из ближайших соратников по революционной деятельности в Петербурге Василия Харитонова [19, с. 173—174]. В революционном воспитании студенчества большую роль играли в то время легальные объединения учащейся молодежи — землячества, кружки самообразования, товарищеские коммуны, о чем много писал и Благоев в своих воспоминаниях. В кружках самообразования и студенческих коммунах молодежь знакомилась с революционной литературой, обсуждала актуальные вопросы политической жизни, выдвигала определенные идеи и намечала пути их практической реализации. Такого рода объединением была студенческая коммуна, куда попал Благоев. Но участники коммуны помогли ему познакомиться и со многими членами студенческих землячеств. «Благодаря этому, — писал он, — уже в первые годы моей жизни в Петербурге я смог приобрести много знакомств среди их членов; с некоторыми из них позже мы стали очень близки, составив особую группу, которая положила начало социал-демократической деятельности» [18, с. 10].

В студенческой группе-коммуне, несомненно пропитанной духом и стремлениями народничества (иного, более прогрессивного направления революционной борьбы еще не существовало в стране), Благоев прежде всего искал поддержки в своем безвыходном материальном положении. И можно прямо утверждать: группа-коммуна оказала ему такую поддержку. Но она дала ему и нечто большее. Она помогла ему найти правильный ответ на вопрос, который волновал революционную молодежь и который давно, еще со времени учебы в Габровской гимназии, не давал ему покоя: в чем смысл жизни человека и зачем ему нужны знания? [2, с. 48].

Поскольку этот вопрос, по словам Благоева, стал для него ясен лишь в России, в Петербурге, то и ответ на него он мог найти только в самих условиях российской действительности, в практике освободительного движения России. Пытаясь самостоятельно разобраться в сути народнической идеологии и деятельности, Благоев приступил тогда к глубокому изучению имевшейся в его распоряжении общественно-политической литературы. Все свое свободное время зимой 1880 г., весь 1881 и 1882 гг. он посвятил всестороннему знакомству с русским революционным движением. Читал подпольные издания идеологов русского революционного народничества, знакомился с идейно-теоретическими установками отдельных народнических организаций, анализировал и сопоставлял их точки зрения, тактику революционной борьбы. Члены группы-коммуны помогали болгарскому революционеру лучше овладеть русским языком, сложной философской и политикоэкономической терминологией. Они же главным образом снабжали его журналами «Земля и воля», «Народная воля», «Черный передел», «Вперед!» и другими подпольными материалами [18, с. 32—33].

Постепенно в сознании Благоева складывалась довольно четкая и достоверная картина освободительной борьбы русского народа первых пореформенных десятилетий. Судя по детальному изложению фактов в книге «Из истории русской революции», написанной много позднее, Благоев основательно изучил русское революционное движение. Особенно интересны страницы, посвященные русскому революционному народничеству. С самого начала народническое движение, писал он, ставило своей задачей утверждение социализма в России — свершение социалистической крестьянской революции и введение так называемого крестьянского социализма. На цели и задачи народничества, по его утверждению, оказали значительное влияние социалистическое движение в Западной Европе, конгрессы Первого Интернационала, события начала 70-х годов во Франции, особенно Парижская Коммуна. Однако в условиях тогдашней России идеи социалистической революции для русских революционеров оказались всего лишь смесью различных утопических теорий [18, с. 12].

Русские социалисты 70-х годов, узнавал в то время Благоев, изучая соответствующую литературу, глубоко верили, что крестьянская масса способна воспринять социализм и осуществить социальную революцию. Это привело их к мысли о необходимости пропаганды социалистических идей среди крестьянства и организации особой, приспособленной к интересам сельского населения социально-революционной партии. На чем основывались подобного рода иллюзии? Благоев находил, что эта вера была основана на том, что русские крестьяне до отмены крепостного права часто бунтовали против помещиков, что крестьянские бунты неоднократно приводили к восстаниям, перераставшим в крестьянские войны, какими были, например, крестьянские войны под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева. Во-вторых, иллюзии о переходе России непосредственно к социалистической организации хозяйства поддерживались тем, что до падения крепостничества в деревне господствовала крестьянская община, так называемый «русский мир».

Благоеву стало известно, что еще в начале 70-х годов в России появилась сеть революционных групп, которые ставили своей задачей пропаганду идей социализма непосредственно среди крестьянской массы. Русские социалисты, прозванные народниками, в 1874 г. организовали массовое общественное движение «хождение в народ», охватившее обширнейшую часть территории России — не менее 37 губерний [18, с. 13, 16, 17]. Однако «хождение в народ», как свидетельствовал опыт, потерпело неудачу.

Неудачным оказалось и создание тайного революционного общества «Земля и воля», которое вскоре раскололось на две самостоятельные организации — «Народную волю» и «Черный передел». Факт раскола революционного движения не мог пройти незамеченным для Благоева. Обе организации, отмечал он в своих воспоминаниях, называли себя социально-революционными партиями, обе ставили своей конечной целью свершение социалистической революции. Но если одна все еще верила в возможность

достижения цели путем организации бунтов и восстаний в крестьянской массе, то другая — «Народная воля» — выдвинула в качестве непосредственной своей задачи дезорганизацию правительства путем индивидуального террора, захват политической власти и объявление социальной революции [18, с. 20].

Какова причина кризиса движения и есть ли выход из состояния разброда, в которое постепенно втягивалось революционное народничество на рубеже 70—80-х годов? Эти вопросы волновали тогда не только болгарского революционера. Прежде чем выбрать окончательно путь своей дальнейшей революционной деятельности в России, — а именно русскому революционному движению Благоев намеревался тогда посвятить свою жизнь [2, с. 106], — надо было разобраться во всем и ответить на поставленные вопросы. Больше всего интересовали его в то время идейно-политические основы русского освободительного движения. Судя по воспоминаниям, он изучал тогда эти основы с величайшим интересом, много читал, иногда все подряд и без разбору, и, конечно, узнал немало.

Прежде всего ему стало ясно, что в основе народнических теорий лежали утопические идеи русских революционеров-демократов Герцена и Чернышевского, особенно последнего, произведения которого импонировали болгарскому революционеру. Читал он также сочинения В. Воронцова, Н. Даниельсона, Н. Зибера, Н. Михайловского, М. Бакунина и других популярных в народнической среде писателей. Изучал «Исторические письма» П. Л. Лаврова. Изучая революционную народническую литературу, Благоев стремился понять: какова цель борьбы народников и каковы пути достижения этой цели? Представители идейных течений народничества давали разные ответы на поставленные вопросы, и чем яснее видел он эти разногласия, тем острее чувствовал неудовлетворенность доктринами народников [2, с. 49; 20, с. 17].

Больше всего Благоева поражало то обстоятельство, что несмотря на огромные усилия и великие жертвы ни одно из течений народничества не достигло цели, ни на шаг не продвинулось к осуществлению крестьянской революции и крестьянского социализма [18, с. 19, 35, 37]. Уже одно это — при не устоявшихся еще и окончательно не сложившихся революционно-демократических взглядах — сеяло в нем сомнения в правильности коренных народнических положений и неизбежно толкало на путь самостоятельного поиска новой революционной теории. Вот почему в то время Благоев мог с полным правом сказать о себе, что он не разделял народнических взглядов, а потому «не мог присоединиться ни к одному из течений русского революционного движения той поры» [2, с. 49, 53].

Теоретическую несостоятельность выдвигаемых доктрин и порочность тактики начинали тогда понимать и сами народники. «Случилось то, что посылка народовольческого силлогизма — существование в русском обществе революционных сил в количестве, достаточном для совершения переворота, — признавался впоследствии один из вождей народовольчества А. Бах, — оказалась неверной... Массы совсем не были затронуты движением» [21, с. 229]. Крестьянство не понимало народников потому, что их теоретические построения и исходившие отсюда тактические средства были направлены не в будущее, а в прошлое — к старой крестьянской общине, которая находилась в процессе разложения. Этого не мог тогда не заметить Благоев. Особенно сомнительной казалась ему тактика индивидуального террора, которая, как это убедительно показали события, связанные с убийством царя Александра II, не принесла ожидаемого эффекта революционному движению в целом. Недаром В. И. Ленин писал, что революционные народники «исчерпали себя 1-ым марта» [13, т. 5, с. 44].

Обращение Благоева к теории и опыту русского революционного движения еще не означало, что он намеревался посвятить свою жизнь борьбе за осуществление народнических идеалов. Волновало его, студента Петербургского университета, иное: правилен ли путь, избранный русскими революционерами, верна ли теория, лежавшая в основе их тактики? Критически относился к старым доктринам революционного народничества не один лишь Благоев. Сомнения мучили в то время, особенно после

мартовских событий 1881 г., многих студентов и вольнослушателей университета и других высших учебных заведений Петербурга. «Сочувствие массы студенчества, конечно, было всецело на стороне бесстрашных героев 1-го марта, пошедших на верную смерть ради блага родины, ради завоевания свободы, — говорил впоследствии один из соратников Благоева по революционной борьбе, бывший народоволец Николай Бородин. — Но твердой общей веры в то, что путем террора можно добиться свободы политической, у громадного большинства студенчества моего времени не было» [22, с. 32].

Не разделяя основных народнических посылок, но еще и не найдя конкретных ответов на вопросы, которые революционная мысль России уже поставила, Благоев продолжал, как и ранее, сочувствовать бесстрашным русским революционерам. Известным толчком для развития его революционных взглядов можно считать конспиративное собрание представителей ряда народнических групп и организаций, состоявшееся в конце 1882 г. Обмен мнений на этом собрании, куда Благоева, по его собственным словам, «кто-то заташил» [2, с. 53], представлял собой взаимную критику взглядов; объединение сил, намечавшееся повесткой дня, не было достигнуто. «Это собрание, — подчеркивал Благоев в своих воспоминаниях, — дало толчок моим еще не ясным мыслям. Я ушел отсюда с твердым убеждением, что старые революционные течения уже умерли и необходимо искать новые основы и направления борьбы. Однако чем новым их можно заменить — мне было тогда еще не ясно. Я занялся поиском» [2, с. 54].

Необходимость в творческом искании нового направления, конечно, возникла у Д. Благоева не вдруг, не так внезапно, как это предстает из его воспоминаний. Она зарождалась подспудно, еще при знакомстве со старыми теориями и доктринами народников, вызывавшими неудовлетворение у болгарского революционера. Осенне-зимние дни 1882 г. были для студента второго курса университета Благоева переломными. Его поиск увенчался успехом. Сама российская действительность, критический анализ народнической идеологии и практики привели его в конце концов к трудам основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса. «...Нас, — писал он Д. Кольцову о себе и своих товарищах, — уже не удовлетворяло ни народничество во всех его разновидностях, ни народничество. Мы искали новых путей и при тогдашних условиях нашли их в социал-демократизме, как тогда мы могли его понять» [16, с. 49].

Благоевское уточнение «как тогда мы могли его понять» весьма характерно в данном контексте: оно свидетельствует о том, что сам Благоев впоследствии ясно осознал трудности овладения социал-демократическим мировоззрением, переходный характер этого процесса. В то время в России познакомиться с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса было нелегко. Так называемый временный устав о цензуре и печати с 1866 г. и дополнение к нему по статье 140 с 1873 г. запрещали освещать в печати вопросы, считавшиеся для государства опасными. Идеям Маркса суждено было пробивать себе путь в сложных условиях. Понимая, какую огромную притягательную силу таил в себе научный коммунизм, царские чиновники еще в середине 60-х годов прошлого века находили его особенно опасным для самодержавия и предлагали ужесточить преследования революционеров, занимавшихся распространением марксистских идей в России.

Так, например, в мае 1866 г. директор канцелярии министра юстиции барон Врангель в записке царю Александру II писал: «Учение коммунистов, глубоко укоренившееся в государствах Западной Европы и достигшее в последнее время весьма обширных пределов развития, должно быть признано одним из тех зол, которые медленно, но несправимо подкапывают все коренные основы всякого государственного благоустройства... Отечество наше избрано в настоящее время почвою для преступной коммунистической пропаганды» [23, с. 243, 245]. Далее барон Врангель предлагал царю принять меры, достаточные, по его мнению, для «пресечения путей, проводящих из-за границы учение коммунизма». Прочитав записку барона, Александр II согласился с ним и наложил резолюцию: «Меры эти признаю необходимыми» [23, с. 245].

С тех пор в проскрипционных списках постоянно встречаются наряду с народнической литературой произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, даже те, которые раньше, по оплошности издателей были выпущены в свет на русском языке. В декабре 1874 г., например, министерство народного просвещения разослало на места список книг, запрещенных «к обращению в публике». Среди них — издание «Исторического развития Интернационала», журнал П. Лаврова «Вперед!», «Программа работников» Ф. Лассаля, «Гражданская война во Франции» К. Маркса, «Государственность и анархия» М. Бакунина, сочинение В. Варзара «Хитрая механика» и др. [24, л. 3].

Тем не менее Благоев имел возможность до начала 1883 г. познакомиться с отдельными трудами основоположников научного коммунизма в русском переводе, даже с первым томом «Капитала» К. Маркса, о котором ему стало известно из лавровского журнала «Вперед!» [3, с. 285]. О распространении в Европе нового революционного учения Благоев мог узнать не только из нелегальной литературы. В таких журналах, как «Вестник Европы» и «Отечественные записки» в 70-е годы развернулась острая полемика с К. Марксом. Много говорилось тогда и с университетских кафедр об авторе «Капитала», о его теории общественного развития. По одному из замечаний Благоева можно заключить, что он в то время знал о письме К. Маркса в редакцию «Отечественных записок» в ответ на статью Н. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». «Эта полемика произвела на меня сильное впечатление, — вспоминал он. — Однако я не понял ее сущности и для непосредственного изучения социализма решил обратиться к первоисточникам» [2, с. 55—56].

Намереваясь овладеть основами научного социализма, Благоев приступил к изучению первого тома «Капитала» К. Маркса, и чем больше он углублялся в новое учение, тем яснее становились для него искомые ответы на поставленные жизнью вопросы и тем тверже становилась уверенность в правильности этой теории. «Что касается России, то мне было ясно, — говорил потом Благоев, — что она вступила на путь капитализма и что революция в России, социальная революция, возможна только как рабочая, пролетарская революция» [2, с. 58]. Хотя Благоев к 1883 г. и разделял социал-демократические идеи, он продолжал обращаться к сочинениям Ф. Лассаля, поскольку изучение «Капитала», по его собственным словам, требовало от него величайшего умственного напряжения. Цельного социалистического мировоззрения сформировать на основе произведений Лассаля было невозможно, однако знакомство с ними всеяло в болгарского революционера уверенность в том, что они помогут ему сориентироваться в некоторых развиваемых К. Марксом в «Капитале» положениях [2, с. 56].

Итак, можно с уверенностью утверждать, что Благоев, хотя и сочувственно относился до знакомства с марксизмом к народникам, тем не менее не воспринимал их основных положений, и следовательно, ни о каком влиянии народнической идеологии (основных, фундаментальных народнических доктрин) на формирование его революционных взглядов не может идти речи. Однако это совсем не исключало проникновение в его сознание при целенаправленно формировавшемся уже социал-демократическом мировоззрении некоторых утопических идей П. Л. Лаврова и в еще большей степени искажавших марксизм идей и формулировок немецкого мелкобуржуазного социалиста Ф. Лассаля. С конца 1882 г. для Благоева народнические доктрины, а точнее, отстаивавшие их в России идейные течения, «уже умерли», то есть не представляли позитивной силы.

Можно было бы предположить, что после этого, особенно после окончательного выбора революционного пути, Благоев в корне изменит свое отношение к народникам (как к оставшимся верными прежнему знамени, так и к пытавшимся приспособить старые доктрины к новым условиям). Но этого не произошло. Благоев продолжал поддерживать революционные контакты с народнической средой, что было для России — в отличие от стран Западной Европы — естественным фактом: иной среды, где можно было бы начать пропаганду новых идей с целью выявления единомышлен-

ников и организации пропагандистских кадров пока не существовало. Первыми результатами своего творческого поиска Благоев поделился с окружающими его русскими товарищами, большинство которых, хотя и вступало уже на путь пересмотра ортодоксальных народнических положений, но пока еще не теряло веры в крестьянскую революцию.

Таким образом, студенческая группа-коммуна была средой, где он впервые приступил к пропаганде нового учения [2, с. 58]. Видимо, немало усилий и настойчивости требовалось с его стороны, чтобы убедить своих друзей, попавших под влияние народничества, в неизбежности и необходимости капиталистического развития России, а следовательно, и в необходимости и плодотворности пропаганды идей научного социализма в рабочей среде. Сам он признавался впоследствии, что беседы и споры о применимости марксизма к условиям российской действительности тянулись долго [18, с. 41, 43, 44, 46].

И когда возник вопрос о подготовке пропагандистских кадров, способных вести в широких масштабах пропаганду и агитацию среди рабочих, выбор пал на студенческую молодежь. После продолжительных бесед и прений, отмечал Благоев, было решено, что пропаганду идей социализма необходимо начать прежде всего среди студенчества [2, с. 58]. Объектом пропаганды была молодежь, не имевшая устоявшихся взглядов или примыкавшая ранее к «Черному переделу». Она-то и составила костяк будущей социал-демократической группы. Первая группа петербургских социал-демократов, говорил Благоев, «состояла из бывших чернопередельцев и землевольцев, которые потеряли веру в прежний свой утопический социализм и в осуществление социалистического строя путем крестьянской революции» [25, с. 106].

Беседы проводились также и с разочаровавшимися в тактике индивидуального террора народовольцами. Однако с ними работать было труднее: влияние «Народной воли» и после мартовских событий 1881 г. продолжало оставаться глубоким, память о погибших народовольцах в этой среде была священной. «Нет нужды говорить вам, что с народовольцами на этой основе ничего нельзя было сделать, — писал в письме к Д. Кольцову Д. Благоев. — Впрочем, я более близко стоял к народникам и главным образом к чернопередельцам. В их среде моя пропаганда находила хорошую основу» [16, с. 50].

Революционные контакты с «Народной волей», однако, Благоев прерывать не спешил. Об этом свидетельствует, например, такой факт. Летом 1883 г. Благоев выехал на каникулярное время в Болгарию. Здесь он в течение некоторого времени гостил у русского эмигранта Владимира Луцкого, работавшего городским архитектором в городе Татар-Пазарджик. В Луцкий иногда оказывал услуги народовольцам-эмигрантам, помогая им переправляться в Россию. По его просьбе Благоев тогда согласился связать известную революционерку Л. Волкенштейн, находившуюся в то время в Болгарии, с руководителями Исполнительного комитета «Народной воли» [18, с. 26—28]. По приезде в Петербург Благоев действительно помог ей связаться с Исполнительным комитетом «Народной воли», но Л. Волкенштейн была выдана провокатором и арестована. По делу революционерки Благоева не раз вызывали в охранное отделение. Случай этот на долгие годы запомнился ему, оставив неизгладимое горькое воспоминание. «Долгое время я не мог без глубокого возмущения слышать само название „Исполнительного комитета“, — говорил впоследствии Благоев [18, с. 31].

Когда Благоев и его друзья достаточно ясно осмыслили принципиальные различия своих идейных позиций и позиций народничества, когда в связи с этим определились и вытекавшие отсюда средства для достижения социального переворота, тогда и встал вопрос о создании самостоятельной, социал-демократической по своему направлению, революционной организации. К этой мысли блagueвцы пришли еще весной 1883 г., но основы социал-демократической группы решено было заложить осенью, по возвращении студентов с каникул. Случай с Л. Волкенштейн, однако, отодвинул на некоторое время осуществление их планов. «Действитель-

но, — писал Благоев, — когда в октябре мы собрались, члены нашей коммуны после новых бесед и обсуждений поддержали свое прежнее решение созвать общее собрание, с тем чтобы организовать новую революционную группу. Однако собрание состоялось лишь в начале зимы 1883 г.» [2, с. 65].

На первом организационном собрании группы присутствовало около десяти человек. Из них известны, кроме основателя группы Д. Благоева, студенты университета В. Харитонов и Н. Бородин, вольнослушатели П. Латышев и В. Благославов, студенты Технологического института А. Герасимов, П. Шатько, П. Аршаулов, вольнослушатель Лесного института В. Кугушев и другие [4, с. 29—30]. По мнению Ю. З. Полевого, первоначально группа сложилась в составе Д. Благоева, П. Латышева, В. Благослава и В. Харитонova. Только зимой 1883—1884 г. к ним присоединились В. Кугушев, П. Аршаулов, А. Герасимов, П. Шатько, Н. Григоров, В. Данилов, а также Н. Андреев. Это и было, утверждает Ю. З. Полевой, основное ядро организации [3, с. 287].

Первые русские социал-демократы не вели протокольных записей, поэтому сейчас трудно установить, о чем конкретно шла речь на организационном заседании группы. Об этом вспоминает лишь Благоев, да и то в самых общих чертах. Во всяком случае, из его воспоминаний мы узнаем, что именно Благоев выступил тогда с изложением своих взглядов «о несостоятельности народнических и народовольческих теорий» и о «необходимости социалистической деятельности среди рабочего класса» [2, с. 65]. В чем заключалась, по его мнению, «несостоятельность народовольческих и народнических теорий», можно судить лишь по косвенным данным. «Благоев, полемизируя против] ходячих народовольческих взглядов, главным образом доказывал, что интеллигенция не составляет самостоятельного, отдельного класса; отсюда он делал марксистские выводы», — так писал об одном из споров с народовольцами М. С. Ольминский [26, с. 69].

Это высказывание видного деятеля большевистской партии и бывшего народовольца помогает нам раскрыть характер и содержание полемики, которую вел с народниками Благоев. Более подробны воспоминания бывшего народовольца О. Говорухина: «Первым, от кого мы услышали живую социалистическую речь, был Дмитрий Николаевич Благоев... Он говорил нам о Карле Марксе и о Фердинанде Лассале, об огромном и все возрастающем значении рабочего вопроса во всех передовых странах мира и у нас в России, убеждал нас проникнуться великой идеей освобождения рабочего класса, которая дала бы смысл всей нашей дальнейшей жизни. Он говорил убедительно, с жаром. Было ясно, что он досконально изучил Маркса и Лассала, из сочинений которых приводил цитаты в своей речи. И хотя он по-русски говорил плохо, с ошибками, которые в другое время вызвали бы невольную улыбку у слушателей, мы были до такой степени очарованы глубокой серьезностью и благородной страстностью его речи, что никому из нас не приходило на ум смеяться над грамматическими ошибками оратора. Мне, да и вероятно всем присутствовавшим на лекции впервые приходилось слушать подобную политическую речь» [5, с. 34; 27, с. 12—13].

Разумеется, социалистическая пропаганда благоевцев среди студентов и рабочих не была строго выдержана в марксистском духе. Влияния утопических идей не избежал и сам инициатор и руководитель группы Благоев. Впоследствии он писал: «Мы не сомневались, что Россия будет продолжать свое развитие по капиталистическому пути и следовательно разделяли мысль о том, что капитализм создаст условия для перехода к социализму... Однако мы не были в состоянии сделать из теории всех логических выводов. Условия русской жизни тогда и практической работы не давали нам возможности сделать необходимые дальнейшие выводы. Вот почему мы тогда не могли не попасть под влияние Лассала и утопизма Чернышевского. В другом отношении мы были и под влиянием этики последнего и Петра Лаврова» [16, с. 49].

Таким был главный итог идейной эволюции группы в целом к середине 80-х годов прошлого века. Вопрос о том, как понимали свою собственную

задачу в группе другие члены «Партии русских социал-демократов», не является предметом нашего исследования. В рамках поставленной темы представляется важным выяснить, что делал Благоев, на что направлял свои главные усилия. И тот факт, что в своих теоретических изысканиях и на практике основное внимание он уделял рабочему классу [2, с. 71], очень показателен. Н. Л. Сергиевский, считавший студента Благоева народником, находил парадоксальным то обстоятельство, что болгарин работал «только среди петербургских рабочих». По словам Н. Л. Сергиевского, он недооценивал «значения крестьянства по своему незнакомству с провинцией», а потому — «де в своих воспоминаниях «ни словом не обмолвился о том, что в их мирозерцании были элементы народничества» [8, с. 77, 107]. Предвзятое отношение этого автора к Благоеву противоречило фактам, которым Н. Л. Сергиевский не в состоянии был найти правильного объяснения.

Все это не может, однако, служить основанием для категоричного утверждения, с которым выступил А. М. Шнитман относительно якобы враждебного отношения Благоева к народникам. Факты свидетельствуют о другом. После ареста Л. Волкенштейн Д. Благоев, опасаясь, видимо, новых провокаций, на некоторое время прервал активные революционные контакты с народническими группами и организациями. Но уже в 1884 г. стало ясно, что без них не обойтись; надо было расширять деятельность среди рабочих, а для этого требовались не только свежие революционные силы — нужна была собственная типография, которая обеспечила бы издание социал-демократической литературы, нужны были адреса надежных явок для связи с границей.

Особенно важна была помощь народовольцев в налаживании благоевцами типографского дела. Первая попытка создания Благоевым социал-демократической типографии не увенчалась успехом. Части типографии, переданные на временное хранение бестужевке Д. Познер, были случайно обнаружены полицией во время ареста Г. Лопатина, который при аресте не успел уничтожить листка, где значилось: «рекомендуют бестужевку Познер». На допросах Д. Познер не выдала Благоева, и полиция тогда, в октябре 1884 г., не тронула его. Активная слежка началась чуть позже, в январе 1885 г., когда в руки царской охранки попало письмо на имя Благоева от неизвестного лица из Парижа. Автор письма сообщал о своем знакомстве с главными сотрудниками «Вестника Народной воли» Л. Тихомировым и П. Лавровым. «Неужели о нашем деле [типографии], вопреки уверениям Александра Ивановича [Якубовича] и Григория Петровича [Лопатина], — писал народоволец Переляев из Дерпта руководителю народовольческой рабочей группы М. Н. Емельяновой в Петербург, — знает не только вся организация, но и лица к ней непричастные? Задаем вопрос вот почему. У вас в университете есть студент Благоев, болгарин, знакомый г-жи Волкенштейн, теперь осужденной. Этот господин познакомился с братом ее, живущим в наших пансионах, очень юным человеком, не имеющим никаких достоинств, не говоря уже о революционном прошлом. Этому-то юнцу упомянутый студент на первых же порах знакомства предложил устроить типографию, открыв ему предварительно тайну печатания № 10» [28, с. 50].

Выкладывая эти «улики» против Д. Благоева, директор департамента полиции сообщал далее: «Кроме этого, при наблюдениях секретной полиции за деятелями преступных кружков в Петербурге, не раз получались указания на сношения с некоторыми из них Благоева, почему за ним и имеется наблюдение» [28, с. 50—51]. Весь этот материал, извлеченный из архивов и уже опубликованный, наглядно свидетельствует о поддержании Благоевым революционных контактов с деятелями народовольческих организаций и групп. Это естественно. Благоеву пришлось начинать социал-демократическую деятельность в трудных условиях: народничество еще не изжило себя полностью, а рабочее движение пока было очень слабым. Но расчет болгарского революционера на то, что ему удастся склонить на свою сторону бывших чернопердельцев и народовольцев, стоявших на распутье, и таким образом объединить усилия в борьбе с царизмом,

имел под собой определенные основания. Социал-демократическая пропаганда среди разночинной молодежи, находившейся в поиске новых путей борьбы, имела успех — в социал-демократическую группу вливались новые силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. I. М., 1965.
2. *Благоев Д.* Краткие записки о моей жизни. М., 1981.
3. *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России. 1883—1894. М., 1959.
4. *Овсянникова С.* Группа Благоева. Из истории распространения марксизма в России. М., 1959.
5. *Йотов Й., Василев К., Поборникова С., Колева Т.* Димитър Благоев. Биография. София, 1979.
6. *Соболев А. И.* Формирование Д. Благоева как марксиста-революционера. — В кн.: Димитр Благоев — выдающийся теоретик и революционер. М., 1977.
7. *Сергиевский Н. Л.* Димитр Благоев в Петербурге (1880—1885 гг.). — Красная летопись, 1924, № 2.
8. *Сергиевский Н. Л.* Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. М.—Л., 1929.
9. *Бужашки Е. Д.* Благоев и победа на марксизма в българското социалистическо движение. 1885—1903. София, 1960.
10. *Шнитман А. М.* Революционная деятельность Д. Н. Благоева в России. Мурманск, 1959.
11. Из архива П. Л. Лаврова. — Коммунист, 1983, № 13.
12. Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. I. М., 1934.
13. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.
14. *Итенберг Б. С.* «Южнороссийский союз рабочих». Возникновение и деятельность. М., 1974.
15. *Бланк А. С.* Димитър Благоев, основател на първата марксистка организация в Русия. — Исторически преглед, 1959, кн. 2.
16. Интернационализм на БКП. Документи и материали. 1891—1944. София, 1974.
17. *Малеванов Н. А., Кузьмина М. А.* Неопубликованная автобиография Димитра Благоева (1881 г.) — Исторический архив, 1962, № 2.
18. *Благоев Д.* Съчинения. Т. 18. София, 1962.
19. *Духин Я. К.* Благоевец Василий Харитонов. — Вопросы истории, 1981, № 12.
20. Летопис за живота и дейността на Димитър Благоев. Т. I. 1856—1903. София, 1974.
21. *Бах А.* Воспоминания народовольца. — Былое, 1907, № 3.
22. *Караев Г. Н.* Благоев в Петербурге. Л., 1966.
23. Историко-революционный сборник. Т. 3. М., 1926.
24. Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 139, оп. 1, д. 6804.
25. *Благоев Д.* Съчинения. Т. 11. София, 1960.
26. *Ольминский М. С.* Давние связи. — В кн.: От группы Благоева к «Союзу борьбы». 1886—1894. Ростов-на-Дону, 1921.
27. *Христов Хр., Василев К.* Димитр Благоев. Биографический очерк. София, 1960.
28. Димитър Благоев. Сборник от документи. 1875—1924. София, 1956.

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ И РУССКИЙ РАСКОЛ

Юрий Крижанич как историческая личность едва ли не одна из центральных фигур, привлекающих к себе внимание исследователей отечественной истории и славистов в самом широком смысле слова. Его проекты преобразования экономики и государственно-административного, правового и финансового устройства России, его идея создания общеславянского государства во главе с русским самодержцем и в связи с этим унии православной и католической церквей во главе с римским папой, его попытки создания своеобразного славянского эсперанто — все это давно и неизменно привлекает внимание историков, экономистов, филологов, последнее время и музыковедов¹. В гораздо меньшей степени изучены аспекты культурной деятельности Крижанича, далеко не ограничивавшейся его филологическими трудами. К числу таких аспектов относится и литературно-публицистическая деятельность, раскрывающая отношение Крижанича к русскому церковному расколу, его деятелям, к раскольничьей литературе и публицистике.

Как известно, первоначально узкое движение старообрядческого раскола, зародившись как внутрицерковный протест против обрядовых реформ и исправлений богослужебных текстов, предпринятых патриархом Никоном, вскоре переросло в широкое движение, переплетаясь, хотя идеологически отнюдь его не выражая, с народным социальным протестом [2, с. 32—43]. В связи с деятельностью Крижанича представляется существенным оценить значение раскола в историко-культурном плане. Это тем более важно, что в ряде литературоведческих работ, посвященных старообрядческим писателям и публицистам, наблюдается определенная их идеализация, отход от исторического взгляда на основные тенденции и перспективы развития русской культуры во второй половине XVII в. Отношение к расколу Крижанича, человека широкой европейской образованности и, вместе с тем, близко знавшего русскую действительность того времени, может пролить дополнительный свет на эту немаловажную историко-культурную проблему.

Как известно, старообрядцы были убеждены, что ничто из богослужебных и канонических книг, ничто из церковных уставов не может быть подвержено хотя бы малейшим исправлениям. Ни о какой выверке переводных богослужебных текстов, в подавляющем своем большинстве в оригинале греческих, не могло быть речи. Деятели старообрядчества все отличия в обрядах и текстах у других православных народов представляли их сознательной еретической порчей. Все обычаи России, в особенности, конечно, церковные, определялись как единственно безупречные, как и вообще все, чем обладал и чем являлся Третий Рим. Между тем, именно в то время Российское государство все более усиливает контакты с балканскими странами и православным населением стран Ближнего Востока,

¹ Библиографию изданий трудов Юрия Крижанича и исследований о его жизни и трудах (до 1973 г.) см. [1].

ищущими в нем опору в борьбе с османским игом. Позиция же старообрядцев не могла не создать препятствий к успешному осуществлению сотрудничества со всеми этими странами и, таким образом, находилась в вопиющем противоречии с внешнеполитическим курсом России.

Это прекрасно понимал Крижанич. Он выдвигал план создания общеславянского государства, ратовал за активизацию борьбы с османской агрессией [3]. В своей книге «Толкования исторических пророчеств» (1674) Крижанич, по его собственным словам, «доказал, что Турскому царству не разширенја, но окончанја время пришло» [4]. Заметим, кстати, что знаменитый протопоп Аввакум, с которым Крижанич был хорошо знаком, напротив, писал в одном из своих посланий из Пустозерска (второе послание Симеону Крашениникову): «Чаю подвигнет Бог турка на отмщение кровей мученических. Пускай любодейцу ту (Русское государство. — *A. P.*) потрясут» [5]. Аввакуму были глубоко безразличны не только страдания народов, находившихся под османским игом (они же еретики!), но и возможность турецкого нашествия на Россию, более того — он даже желал этого.

Но вернемся к собственно внутренним церковным и культурным сторонам полемики Крижанича со старообрядцами, которая отразилась в ряде его произведений. Целиком с ней связаны два сочинения хорватского ученого и публициста. Особенно пространным и обстоятельным является «Обличенье Соловецкой челобитной», написанное в Тобольске в 1675 г. Из Соловецкого монастыря, одного из оплотов старообрядчества на раннем этапе его развития, на царское имя было направлено пять челобитных против исправления книг и обрядов. Все они были написаны в период от февраля 1666 г. по октябрь 1668 г. [6].

Наибольшую популярность в старообрядческой среде получила пятая челобитная, посланная в октябре 1668 г. Челобитная к царю Алексею Михайловичу не попала, потому, видимо, церковный Собор, проходивший тогда в Москве и уделивший большое внимание полемике со старообрядческими сочинениями, об этой челобитной даже не упомянул в своих постановлениях. Зато пятая челобитная быстро разошлась по рукам. До нас дошло около 40 ее списков [7]. Показательно, что такие видные старообрядческие деятели, как старец Никита Пустосвят и Авраамий в своих челобитных опирались на пятую соловецкую челобитную как на авторитетное и общепризнанное в старообрядческом мире обоснование веры и опровержение никоновских новшеств [8]. Впоследствии старообрядческие типографии неоднократно издавали эту челобитную (Супрасль, 1788; Клинцы, 1788; издание Д. Е. Кожанчикова, М., 1862; издание В. Г. Усова, Нижний Новгород, 1908). Как известно, такой чести не удостоились сочинения известнейших старообрядческих авторов, в том числе протопопа Аввакума. Именно с опровержением этого основополагающего документа старообрядчества и счел нужным выступить Крижанич.

«Обличенье Соловецкой челобитной» в оригинале дошло до нас в единственном списке (ГИМ, Синодальное собрание 283 (889)), датированном последней четвертью XVII в. [9]. То, что сочинение Крижанича не переписывалось, во многом было связано с его мало понятным широкому кругу читателей языком [10, с. I—XI, 85—167]. Это не означает, однако, что на него вовсе не обратили внимания. В 1704 г. директор Московской типографии Ф. Поликарпов-Орлов перевел эту книгу на русский язык, находя ее полезной, нужной, «зломудрие искоряющая и посекающая различными от письма святого свидетельства и достоверными силлогизмы». Отмечал он и «латиноумствие» Крижанича, «яко о первенстве папы и о коленопреклонении»².

С оригинала перевода Поликарпова вскоре был сделан список для библиотеки Флорищевой пустыни, который вошел в состав сборника, в целом содержащего две идеи, родственные мировоззрению Крижанича: 1) борьба за единство церкви и против ересей, 2) призыв к борьбе с османской

² Полностью перевод Ф. Поликарпова с его предисловием опубликован в 1878 г. [11].

опасностью («О Магомете и о турках вкратце») [12]. В настоящее время этот сборник хранится в Отделе рукописей Владимиро-Суздальского музея-заповедника (инв. 376).

Таким образом, оказывается, что вплоть до середины XIX в. единственным сочинением Крижанича, обратившим на себя внимание современников и ближайших их потомков в России, было «Обличенье Соловецкой челобитной», а вовсе не гораздо для нас более значимые его труды, в том числе знаменитая «Политика». Подобное явление объясняется, несомненно, тем, что антираскольничий труд Крижанича не утрачивал свою актуальность и в петровское время, когда борьба с расколом не только не ослабла, но и приобрела еще большую силу.

Другое специальное антистарообрядческое сочинение Крижанича — «О превертстве беседа». Единственный список «Беседы» был обнаружен А. Л. Гольдбергом в ГБЛ (М. 3348, л. 159—170). По филиграммам он датируется 60—70-и годами XVII в. [13, с. 17—51]. «Беседа» была написана в форме церковной проповеди, предназначавшейся для произнесения тобольским архиепископом с целью увещевания раскольников. А. Л. Гольдберг полагает, что «Беседа» появилась несколько раньше «Обличенья», на том основании, что цитаты из текстов различных авторов в ней даются более сжато, нежели в «Обличеньи». Это соображение исследователя представляется нам малоубедительным. Ведь могло быть и наоборот: жанр небольшой проповеди требовал краткости, тогда как обличительный письменный трактат нуждался в гораздо более обширной аргументированности. Иными словами, ни палеографически, ни историковедчески пока не представляется возможным уточнить датировку «Беседы». Ясно только, что по содержанию, основным идеям, принципам и методам аргументации она весьма близка к «Обличенью» и, по-видимому, написана почти в одно и то же или очень близкое время с ним.

Полемiku со старообрядцами, решительное их осуждение можно найти и в трудах Крижанича, специально не посвященных этому вопросу. В его «Политике» (1663—1665), где церковные вопросы стоят далеко не в центре внимания автора, есть пассаж, в котором раскольники осуждаются как глупые и безграмотные еретики, люди бессмысленные и буквалисты [14, с. 456]. В сочинении «О Промысле», написанном годом позже (1667), Крижанич более развернуто, по пунктам, разбирает причины особого вреда раскола. Помимо оценки церковных и нравственных причин и следствий вреда раскола обращает на себя внимание и государственно-политическая его оценка [15].

Наконец, в сочинении «О святом крещении» [10, с. 1—14, 1—78], написанном за год до «Обличенья Соловецкой челобитной» (1674), антистарообрядческая полемика, хотя и не является главной целью названного труда (его задачей было показать неправильность перекрещивания католиков), но все же ведется довольно развернуто, во многом превосходящая «Обличенье». Для Крижанича неприятие старообрядцами каких-либо изменений, пусть даже и самых второстепенных, в культовой практике небезосновательно представлялось препятствием к общению католиков и православных. Началом этого общения было взаимопризнаваемое крещение, далеко не во всем совпадающее по внешним формам.

Таков круг сочинений Крижанича, в котором в той или иной степени затрагиваются вопросы раскола. Так как всюду, начиная по хронологии написания первого из них («Политика») и до «Обличенья Соловецкой челобитной», система и метод аргументации Крижанича, его отправные взгляды и даже способ самого изложения сохраняются в основном неизменными (различия, разумеется, остаются в обширности и степени подробности всего этого), то представляется целесообразным проанализировать позицию Крижанича по отношению к расколу по всем выше названным его сочинениям вместе взятым, а не по каждому в отдельности.

Осуждая старообрядцев, Крижанич прежде всего упрекал их в расколе с церковью, неповиновении ей, между тем как она, по твердому его убеждению, обладает всей полнотой безусловного авторитета, непогрешимости и святости. Не случайно в подзаголовке «Обличенья» значится:

«Об апостолской соборной Церкви: како ест всех Владика, и церкви соиздатель Христос, свое возлюблено Церкви обещал и дал вечну необлудност» (непогрешимость.— *А. Р.*) [10, с. 83].

Вне церкви, без беспрекословного повиновения ей, как пишет Крижанич, не может быть и речи о спасении души. При этом нельзя создавать какие-то новые, стоящие в независимости от единой церкви, церковные объединения. Вот почему, как пишет Крижанич, не может быть Соловецкой или Сибирской церкви со своими особыми обрядами и уставами [10, с. 111]. Кто так мнит, сам обличает себя в грехе властолюбия [10, с. 126]. И ни посты, ни внешнее благочестие, ни строгость жизни сама по себе, без повиновения единой церкви, не снимают греха раскола. Раскол Крижанич приравнивает к ереси [10, с. 109]. В «Политике» он называет раскольников «постниками и новыми кафарами» (катарами.— *А. Р.*) [14, с. 456].

Не только один раскол с церковью, как видно из этого замечания Крижанича, давал ему право приравнивать старообрядцев к еретикам. Разумеется, старообрядцы весьма далеки были по своим взглядам от средневековой секты катаров, по сути, порвавшей с догматикой христианской церкви. Известно, что старообрядцы в целом никогда на это не шли, напротив, стремились хранить все в абсолютной нерушимости. И все же в некоторых их сочинениях, как например, у протопопа Аввакума, можно встретить четверение Троицы, что, конечно, по канонам христианства было прямой и злостной ересью [16]. И хотя в «Челобитной» не было и намека на это, Крижанич был осведомлен о таком мнении, зная, по-видимому, более широкий круг старообрядческих сочинений.

Особое внимание привлекает к себе оценка Крижаничем раскола как государственно-политического явления. Уже в «Политике» он подчеркивает вред раскола для Русского государства, его дальнейшего укрепления и процветания. Но особенно отчетливо об этом он говорит в сочинении «О Промысле», прямо характеризуя раскол как «преступление против Величества» [15, с. 117], проявление желания разрушить не только духовное, но и политическое правление. При этом Крижанич видит в царе прямого заместителя Христа. Такая оценка значения царской власти вполне укладывалась в государственную идеологию периода становления русского абсолютизма, последовательным сторонником упрочения которого проявил себя Крижанич [17].

Обращает на себя внимание, что и сами правительственные круги России недвусмысленно, как и Крижанич, видели в движении раскола не только противление церкви, но и прямую угрозу государству, что стало особенно проявляться в рассматриваемое время. Напомним только знаменитый указ о сожжении протопопа Аввакума, которому инкриминировались «многие на царский дом хулы» [18].

Наконец, отношение Крижанича к расколу имело и еще один аспект — культурный. Обвинение старообрядцев в тупом невежестве, в полном отрицании всяких научных знаний, в их беспомощном неумении и принципиальном нежелании отличить главное от малосущественного, внешней стороны и формы выражения вероучения от его сути и содержания — все это настойчиво звучит в тех сочинениях Крижанича, где он так или иначе касается раскола. Те, кому свойственны «глупство и невежество», всегда «и славные ричи потезаша в разум низких риче», — пишет в своем «Обличеньи» Крижанич [10, с. 51]. Он твердо убежден, что несущественное, второстепенное в церковных обрядах, текстах богослужений не только можно, но и нужно менять. Этому он посвящает весь VI раздел «Обличенья».

По мнению А. Л. Гольдберга, Крижанич занял такую позицию лишь потому, «чтобы, когда придет время, поставить вопрос о сближении русского православия с католической церковью» [13, с. 51]. Возможно, такие соображения и могли играть определенную роль в отдаленных планах Крижанича, действительно никогда не расстававшегося с мыслью об унии, но это могли быть самые отдаленные, самые поздние ступени реализации унии. Хорошо известно, что как раз при насаждении унии долгое

время католическая церковь внешнее, форму, тексты богослужения сохраняла почти неизменными и привычными для народа, активно при этом вторгаясь именно в догматические положения.

По этой причине в данном случае скорее надо видеть проявление общекультурной позиции Крижанича.

В связи с этим обратим внимание на следующее обстоятельство. Как известно, справщики Никона руководствовались при редактировании текстов законами риторики, учебники которой были известны на Руси уже в начале XVII в. [2, с. 24—25]. Старообрядцы же все это решительно отвергали не только потому, что для них исключалась сама мысль об изменении хотя бы единой буквы, единого «аза», но и из-за принципиального отрицания ими любых «грамматик и риторик». В них они видели враждебные, западные, еретические начала и с гордостью похвалялись, что не учились им.

Что касается Крижанича, трудившегося над сочинениями по грамматике [19], — такая позиция старообрядцев была для него очевидным проявлением «глупства и невежества».

В связи с вопросом не только о допустимости, но и о необходимости научных знаний Крижанич неоднократно ссылался на авторитет Максима Грека: во-первых, из чувства глубокого уважения к ученому греку, получившему, как и сам Крижанич, образование в Италии; а, во-вторых, по той причине, что именно Максим Грек был в старообрядческой среде неопровержимым авторитетом. Особое уважение он получил у раскольников в связи с тем, что в двух его сочинениях («Сказание како знаменоватися крестным знамением» и «Слово смеюши трижды глаголати аллилуйи») [20] содержатся высказывания в пользу «сугубой аллилуйи», т. е. двойного употребления этого слова. Крижанич знал об этом и называл их «Максимова прелест, и неверно ученје» [10, с. 160]. Но в то же время правки в текстах, в том числе и богослужебных, принципиальное утверждение необходимости таких правок, уточнений переводов были характерны для Максима Грека. Крижанич, исходя из логических позиций, замечает в связи с этим, «да бы был и Максим веру пременил и Светцем нечесть и досаду учинил» [10, с. 149]³. Таким образом, Никон своими реформами делал, по мнению Крижанича, то же, что и столь почитаемый старообрядцами Максим Грек.

Максим Грек привлекал внимание Крижанича еще и потому, что в своем творчестве он уделял большое внимание филологическим изысканиям. О существовании «Грамматики» Максима Грека Крижанич хорошо знал и очень сожалел, что ее нет у него в Тобольске. В «Обличень» он пишет соловчанам: «А да бы ми в руках была, могел бых вам из нье е свитла ващу облуду оказати» [10, с. 147]. И все же у Крижанича были выписки из этого сочинения Максима Грека. В «Обличень» он приводит одну из них. Видимо, кто-то снабдил его этой выпиской, так как Крижанич признается относительно «Грамматики» Максима Грека: «ея же я не видих» [10, с. 147].

В том же «Обличень» содержится прямая жалоба вообще на нехватку книг в Тобольске, необходимых для работы Крижанича: «Не на Москве бо, но в Сибири пишу и достанка кнѣг не имаю» [10, с. 150].

И все же в интересующих нас сочинениях Крижанича можно найти множество цитат или изложений содержания самых разнообразных книг. Необходимо особенно отметить хорошее знание Крижаничем русских и украинских печатных книг первой половины XVII в. В «Обличень» он с большим уважением пишет о них: «Я приемлю и целую всакие руские церковные... книги» [10, с. 104]. Крижанич хорошо знал так называемую «Кириллову книгу», т. е. сборник богословских сочинений, изданный в Москве в 1644 г. В первый свой приезд в Москву в 1651 г. он тщательно изучил ее и даже написал обширный отзыв-опровержение, поскольку она имела ярко выраженную антикатолическую направленность. Изучил Крижанич и книгу игумена Нафанаила «О вере», изданную в Москве в 1648 г.; Киевский «Лимонарь» 1628 г., «Патерик Киево-Печерского монастыря»

³ Подробнее об отношении Крижанича к Максиму Греку см. [21].

(нам неизвестно, каким изданием этой книги пользовался Крижанич: 1635 или 1661 г.). Досконально им было проштудировано антистарообрядческое сочинение Симеона Полоцкого «Жезл правления», одобренное Московским собором 1667 г. и изданное в том же году в Москве.

Сочинения Крижанича и Симеона Полоцкого вообще очень близки не только по содержанию, но и даже по самой структуре, поскольку и то и другое представляют собой ответ на старообрядческие челобитные. «Жезл» в значительной мере был ответом на челобитные Никиты и Лазаря, в свою очередь, как это сказано выше, опиравшиеся на Соловецкую челобитную. Впрочем, сочинение Крижанича содержит более развернутую аргументацию. Только у Крижанича можно найти осуждение раскола с экзезиологической точки зрения и, что для нас особенно важно, в его трудах в отличие от сочинения Полоцкого, гораздо более подробны филологические экскурсы и обращения к доказательствам логического порядка, нередко у Полоцкого заменяемые резкими выпадами, раздражительностью тона или даже просто ругательствами [22]⁴.

Что касается русских рукописных материалов Крижанича, то по интересующему нас вопросу можно с уверенностью назвать только самую пятую соловецкую челобитную. С некоторыми сокращениями, изменениями (но не искажениями!) и самостоятельной разбивкой текста на параграфы Крижанич передает ее текст в начале «Обличенья», предоставляя, таким образом, читателю удобную возможность более осмысленно следить за аргументами опровержения.

Одна из ссылок Крижанича, казалось бы, дает основание полагать, что он был знаком и с еще одной русской рукописью. Говоря о греховности раскола, Крижанич, в частности, пишет: «Вечнославие и блажение памяти патриарх Филарет, в грамоте к Ионе митрополиту Сарскому, пишет сице: „Иде же ди аще и мало расколство учинит ее: тамо возраста ет вражда гнева Бож его и меч ярости и пребывающим в том — конец, мука вечная“» [10, с. 123]. Мысль об обращении Крижанича к списку или, может быть, даже к оригиналу грамоты патриарха Филарета возникает, поскольку здесь мы не находим ссылок на какое-либо печатное издание. Однако едва ли можно сомневаться, что Крижанич все же обратился к изданию «Потребник иноческий» (М., 1639), где содержатся «деяния» московского собора 1621 г. (л. 213—242), в том числе и дословно тот текст, который цитирует Крижанич. Глухость же ссылки Крижанича объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что само «Соборное изложение» было, прежде всего, направлено против католиков, которые в нем прямо и безоговорочно объявлены злостными еретиками, вследствие чего, в случае перехода их в православие, они должны были перекрещиваться [24]. Крижанич не мог не протестовать против этого, что он и выразил в своем сочинении «О святом крещении». И хотя митрополит Иона был осужден собором именно за то, что он не перекрещивал католиков, в данном случае резкое порицание любого раскола патриархом Филаретом было на руку Крижаничу, даже одарившего своего идейного противника столь восторженными эпитетами.

Вообще же, несмотря на всю осторожность и осмотрительность, Крижанич в своей антистарообрядческой полемике не стеснялся прибегать к западным церковным авторитетам. Его труды изобилуют цитатами из сочинений блаженного Августина, Амвросия Миланского, блаженного Иеронима, папы римского Григория [10, с. 96, 98, 101, 103, 106, 107, 118, 119, 133, 146]. К ним он обращается неизмеримо чаще, чем к традиционным для Руси византийским писателям, таким, как Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин. В своих сочинениях Крижанич не боится сослаться даже и на польских католических проповедников (Петр Шименец, Якуб Вуек) [10, с. 111, 125], о не только подозрительном, но просто отрицательном отношении к которым в России Крижанич едва ли мог не знать.

⁴ Сопоставление «Обличенья» Крижанича с «Жезлом» Симеона Полоцкого подробнее см. [23].

Болеe того, Крижанич не стесняется называть совершенно в католическом духе апостола Петра «старейшиной апостолов» [10, с. 109], говорить о чисто католическом празднике Тела Христова, с одобрением отзываться о таких «древних и святых» специфических обычаях римской церкви, как припадание на одно колено («кленкание») или произнесение молитв шепотом [10, с. 135—139].

Само собой разумеется, что подобного рода аргументация не могла действовать успеху полемической борьбы со старообрядцами. Для них католические симпатии автора были только вполне исчерпывающим доказательством его неправоты и еретичества, тем самым лишний раз, хотя и абсурдно, доказывавшим «латинское еретичество» никоновских реформ вообще. Вот почему, видимо, «Обличенье» Крижанича, несмотря на многие достоинства этого сочинения, все же не получило сколько-нибудь широкого распространения, кроме того, весьма затруднял его понимание и сложный, искусственный язык Крижанича. И только когда «Обличенье» было переведено Ф. Поликарповым и, что главное, снабжено предисловием, предостерегавшим читателей от католических увлечений автора, с него стали делать списки.

Отмеченная выше непредусмотрительность умного и наблюдательного человека, каким был Крижанич (убежденный католик при всем том, конечно), кажется вдвойне странной еще и потому, что он не по книгам, а лично знал старообрядцев, причем таких их ведущих идеологов, как протопоп Аввакум, поп Лазарь и дьякон Федор. О встречах и разговорах с ними Крижанич подробно и очень живо рассказывает на страницах своего «Обличенья».

С дьяконом Федором Крижанич вместе проделал длинный путь от Москвы до Тобольска, и они были если не в дружеских, то в приятельских отношениях. «Федор умиваше се и пияше из одного ковша со мною», — вспоминает Крижанич, с горечью рассказывая далее, как Федор поссорился с ним из-за того, что он почерпнул у татарина воды [10, с. 128]. Крижанича поразила и оттолкнула крайняя нетерпимость Федора, свидетельствовавшая о стремлении к внешней чистоте и о нежелании общения со всеми инаковерующими, которая впоследствии получила широкое распространение у старообрядцев, в особенности у поморцев, не евших из одной посуды с теми, кто хотя бы в мелочи расходился с их вероучением и обрядами. В «Политике» Крижанич с осуждением отмечает, что раскольники «считают себя одних чистыми» [14, с. 456].

Та же старообрядческая нетерпимость проявилась по отношению к Крижаничу и со стороны знаменитого протопопа Аввакума, с которым он встретился в Тобольске [25]. Встреча состоялась по инициативе Аввакума («Аввакум пославши по мне»). Нам ничего не известно о том, что побудило Аввакума искать этой встречи. Возможно, знакомство Крижанича с дьяконом Федором и с попом Лазарем. Не исключено, что о Крижаниче Аввакуму могли рассказать в Москве Б. И. Морозов и Ф. М. Ртищев, хорошо знавшие как того, так и другого. «Исшел бяше ко мне на крилце, — рассказывает об этой встрече Крижанич, — и хотящему мне на листву (лестницу — *А. Р.*) ступити и взити, рече: „Не ходи симо, стой тамо, и исповедь, како ты еси веры“. Аз рекох: „Благослови, отче...“. А он отвечал: „Не благословлю. Исповедь первлье свою веру“. Крижанич заявил, что принадлежить к апостольской соборной церкви, но исповедовать ее перед Аввакумом не будет, так как он всего лишь протопоп, а не архиерей [10, с. 128]. Тем и окончился столь странный и, по сути дела, так и не состоявшийся диалог католика, пусть и скрытного, и старообрядца. Иначе быть и не могло. Чуть ли не во всех своих сочинениях Аввакум упрекает никониан в папезской ереси, и тем более ему не терпелось обличить человека, о католических убеждениях которого он, видимо, был осведомлен.

Что же касается попа Лазаря, то о нем он отзывался со ссылкой на то, что об этом «знает сеј град» (Тобольск. — *А. Р.*), как о развращенном, болтливом, чревоугодливом и сквернословном [10, с. 129]. Такой отзыв, несомненно, был ответом на многочисленные обвинения старообрядцев именно в этих грехах духовенства господствующей церкви.

Крижанич прямо говорит, что он знал в Сибири и других, «*жиже супрот соборной церкви најхуже клеветцут, а народ мутет*», хотя поименно и не называет их [10, с. 153]. Во всяком случае нет никаких сомнений, что Крижанич хорошо знал не только сочинения старообрядцев, но и их жизнь, быт, устные суждения, далеко не всегда облакавшиеся в литературную форму. И это, конечно, делает его сочинения немаловажным источником по истории русского раскола.

Интересно в связи с этим, к сожалению, лишь вскользь брошенное Крижаничем замечание о том, что среди старообрядцев есть «*чародеи*» [10, с. 153], т. е. люди, которые склонны к волхованию, к языческим верованиям. Элементы двоеверия всегда были свойственны Древней Руси, в особенности крестьянам, но в раскольничьей среде они получили особое распространение, и наблюдательный Крижанич был едва ли не первым автором, заметившим это явление. Только через много лет, уже в начале XVIII в., к этому вопросу вернется Дмитрий Ростовский в своем «*Розыске о раскольнической брянской вере*» [26].

Таким образом, полемика Крижанича с идеологами старообрядчества проливает дополнительный свет на историю раскола, его деятелей, позволяет уточнить и дополнить понимание Крижаничем общей системы взглядов на место церкви в государстве и обществе вообще и на ряд немаловажных проблем русской действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zivot i dielo Jurja Križanića. Zbornik radova. Zagreb, 1974, s. 259—277.*
2. *Рогов А. И.* Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII в.— *Вопросы истории, 1973, № 4.*
3. *Брикнер А.* Юрий Крижанич о восточном вопросе.— *Древняя и Новая Россия. Т. 3. М., 1876, вып. 12, с. 385—395.*
4. *Белокуров С. А.* Юрий Крижанич в России (по новым документам). М., 1902, с. 178.
5. *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, с. 225.*
6. *Материалы по истории русского раскола за первое время его существования/Под ред. Н. И. Субботина. Т. 3. М., 1878, с. 45—78, 160—171, 208—211, 217—276.*
7. *Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, с. 458—460.
8. *Сарцов И. Я.* Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII ст. 2-е изд. Кострома, 1888, с. 231.
9. *Горский А. и Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Т. 3. М., 1859, с. 388—397.
10. *Крижанич Ю.* Собр. соч., М., 1892, вып. 3.
11. Обличение на Соловецкую челобитную, сочиненное на сербском языке Юрнем Сербяниным, переведено же на славенский диалект Московския Типографии справщиком Федором Поликарповым в лето от воплощения 1704 месяца августа.— *Православный собеседник, 1878, март — июль.*
12. *Георгиевский В.* Флоринцева пустынь. Вязники, 1896, с. 272—274.
13. *Гольдберг А. Л.* Неизвестное сочинение Юрия Крижанича «О превертстве беседа». — *Научный бюллетень Ленинградского Государственного ордена Ленина Университета. Л., 1947, № 19.*
14. *Крижанич Ю.* Политика. (Подготовил к печати В. В. Зеленин.) Перевод и комментарии А. Л. Гольдберга/Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1965.
15. *Крижанич Ю.* О Промысле. М., 1860.
16. *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе XVII в. СПб., 1898, с. 221.
17. *Вальденберг В.* Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912, с. 170; *Frančić M.* Juraj Križanić — ideolog absolutizmu. Warszawa — Kraków, 1974.
18. *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум. СПб., 1898, с. 346.
19. *Грамматично искание о русском языке попа Юрка Крижанича. М., 1859.*
20. *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 186—188.
21. *Шашкин А. Т.* Обличение на Соловецкую челобитную Юрия Крижанича и споры XVII в. вокруг наследия Максима Грека.— В кн.: *Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980, с. 59—72.*
22. *Ягобкин Я.* Симеон Полоцкий как полемист против раскола.— *Странник, 1880, № 9—10, с. 73—101; № 11, с. 316—382; № 12, с. 542—556.*
23. *Смирнов С. К.* Сербского попа Юрия Крижанича Опровержение Соловецкой челобитной.— В кн.: *Прибавление к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1860, ч. 19, с. 573.*
24. *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Т. XI. СПб., 1882, с. 25—33.
25. *Pascal P.* Avvakum et les débuts du raskol. Paris, 1963, p. 279—281; *Golub J.* Uz susret J. Križanića i Protopopa Avvakuma.— In: *Bogoslovska smotra. Т. II. Zagreb, 1965, s. 395—361.*
26. *Шапов А.* Русский раскол старообрядства. Казань, 1859, с. 161.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ «УСПЕНИЯ КИРИЛЛА»

«Успением Кирилла» в славистической литературе условно называется краткое житие создателя славянской письменности — Кирилла-Константина, содержащее некоторые не известные другим источникам подробности об обстоятельствах его смерти. Известно 8 молдавских и сербских списков этого памятника XV—XVII вв., что свидетельствует о его широком распространении на Балканах в период позднего средневековья [1; 2; 3, с. 303]. XVII веком датируются русские списки памятника [4, с. 106]. Все списки передают, по существу, один и тот же текст, расхождения касаются лишь мелких деталей повествования и имеют не смысловой, а стилистический характер¹. Исследователи довольно единодушно считают, что «Успение» написано в Болгарии, однако по вопросу о времени его возникновения налицо глубокие разногласия. Споры о времени создания произведения, начавшиеся с момента первой публикации памятника в 1858 г., не закончены и на сегодняшний день. Если для Э. Георгиева «Успение» принадлежит к числу наиболее ранних произведений о Кирилле и Мефодии (ученый относит его возникновение к рубежу IX—X вв. и считает его автором Климента Охридского) [6, с. 32—38; 7, с. 14—20], то для Д. Ангелова — это памятник эпохи византийского господства (XI—XII вв.) [8, с. 19], а по мнению П. А. Лаврова, А. Теодорова-Балана, Б. Ангелова он мог быть написан не ранее XIII в. [9, с. 167—170; 5, с. 118; 10, с. 58].

Серьезные расхождения между исследователями приводят к противоречивым оценкам произведения в публикациях общего характера. Так, в «Хрестоматии по староболгарской литературе» «Успение» отнесено к числу памятников, созданных в IX—X вв., а в комментариях к тексту говорится о том, что одним из его источников явилась «Солунская легенда» — памятник более позднего времени [4, с. 104, 135]. Отсутствие однозначной, убедительно обоснованной датировки произведения не только затрудняет возможность использовать его материалы в научных исследованиях. Возникают значительные трудности и при попытках реконструкции общей картины развития кирилло-мефодиевских традиций у балканских народов как важного компонента их средневековой культуры.

При определении времени составления памятника важнейшее значение имеет выявление круга использованных в нем источников. Относительно возможных источников «Успения» в литературе высказан целый ряд соображений, часть из которых бесспорны, а другие нуждаются в проверке.

В настоящее время все исследователи сходятся на том, что главным источником «Успения» явилось Пространное житие Кирилла. Оба источника не только совпадают в характере и последовательности изложения основных фактов. В тексте «Успения» на всем его протяжении обнаруживаются

¹ Это хорошо видно, в частности, из разночтений в издании «Успения», подготовленном А. Теодоровым-Баланом в 1934 г. с учетом всех известных в то время текстов [5, с. 119—120]. Находка и публикация Б. Ангеловым двух наиболее ранних списков памятника не принесла в этом отношении принципиальных изменений.

прямые текстуальные заимствования из Пространного жития Кирилла, которые позволяют даже (как увидим далее) судить об использованном здесь изводе этого памятника. Как указал П. А. Лавров, в ряде мест, где «Успение» расходится со своим основным источником, его текст сближается с Пространным житием Мефодия [9, с. 168—169]. Не все из заключений исследователя можно принять. Так, оборот в начале XIV главы памятника «И оуведев же архиепископ римски о философе, посла за нь» находит почти буквальное соответствие в XVII главе Пространного жития Кирилла и заимствован, конечно, из этого источника, а не из жития Мефодия (ср. [11, с. 33, 72] и [5, с. 117]). Однако следует согласиться с П. А. Лавровым, что фраза в той же главе о «епископах еретиках», приходивших к Кириллу в Риме, возникла под несомненным влиянием того места в VI главе Пространного жития Мефодия, где упоминается, что один из находившихся в Риме епископов «бе тою же язєю больн», что и другие противники славянского письма (ср. [11, с. 73] и [5, с. 117]).

Уже А. Воронов отметил, что характеристика добродетелей Кирилла во II главе «Успения» — цитата из «Похвалы Кириллу», написанной Климентом Охридским [12, с. 195]. Текст этого памятника сохранился в двух версиях: первичной, принадлежащей перу самого Климента, и вторичной — более поздней переработке, где устранены, в частности, личные обращения автора к Кириллу [13, с. 327—328]. В интересующем нас месте часть списков вторичной версии не отличается от версии первичной. Другая же — отклоняется от нее, отражая процесс дальнейшей эволюции текста второй редакции памятника. Именно это новое чтение налицо в той цитате из «Похвалы», которая вошла в состав «Успения»².

В «Успении» могут быть выявлены следы заимствований и из другого произведения, связанного с культом солунских братьев, «Похвального слова Кириллу и Мефодию». Так, в I главе «Успения» в характеристике родителей Кирилла и Мефодия указывается, что они жили «огребающе ся от вьсакого злаго находження». В Пространном житии Кирилла эти слова отсутствуют, но находят близкое соответствие в тексте «Похвального слова», где читается: «отгребаяся от вьсакой злобы» [14, с. 468; 5, с. 115]. Утверждение в X главе «Успения», что в Хазарии Кирилл крестил 200 «великих мужей», также не имеет соответствия в Пространном житии Кирилла, где социальная принадлежность крещеных вообще не определяется, но находит определенную аналогию в «Похвальном слове», где говорится о крещении «чьстных чади» [14, с. 471; 5, с. 117]. Уточнение в XII главе «Успения» (по сравнению с основным источником) о переводе книг в Моравии «из грьцкыхх в словенский язык» также имеет своим источником текст «Похвального слова» [14, с. 472]³.

Сообщение в XV главе «Успения», что Кирилл перед смертью призвал к себе учеников «и сихь увещав о православней вере», как указал Э. Георгиев [6, с. 37—38], находит соответствие в так называемом «Написании о правей вере», где читаем: «и сия предаево своимь оучеником да сиче верующе спасутся» [11, с. 180].

Сделанные наблюдения позволяют признать обоснованным заключение Э. Георгиева, что для автора «Успения» характерны прямые заимствования из известных ему источников [6, с. 33], и поддержать его скепсис в отношении возможности использования автором «Успения» некоторых памятников, с которыми текст «Успения» не обнаруживает текстологической связи. Так, из числа возможных источников «Успения» следует, по-видимому, исключить «Солунскую легенду». По мнению А. Теодорова-Балана из этого источника автор «Успения» заимствовал его сообщение о крещении славян на Брегалнице и создании для них славянской письменности (V глава памятника) [5, с. 120]. Однако за исключением утверждения, что славянская письменность создана Кириллом на р. Брегалнице, между

² В «Успении» читаем характерное именно для этой группы списков чтение «по-слушании духовных», в то время как в первичной версии говорилось «в поучении духовне» (ср. [14, с. 426, 438, 440] и [5, с. 115]).

³ Последнее место, впрочем, могло бы быть заимствовано и из второй редакции «Похвалы Кириллу».

обоими текстами нет, по существу, ничего общего: совершенно разным является культурно-исторический контекст, отсутствуют и текстуальные совпадения (ср. [5, с. 111 и 116]). Точно так же проблематичным представляется влияние на «Успение» Пространного жития Климента, как предполагает А. Воронов [12, с. 196]. Общим для обоих источников является по существу, лишь перечень имен учеников Кирилла и Мефодия, который мог быть обоими авторами заимствован независимо друг от друга из третьего общего источника (например, синодика). К тому же последовательность имен в обоих источниках различна⁴. Одновременно обнаруживается текстуальное совпадение между рассказом «Успения» о поездке Кирилла к арабам и аналогичным рассказом в проложном житии Кирилла. Обороту «Успения» «обличи Махметовоу нечъстивоую ересь» почти буквально соответствует в проложном житии: «обличи ересь Махметовоу нечъстиваго» [5, с. 35 и 116]. Какой же автор у кого заимствовал? Если для составителя «Успения» было характерно дословное заимствование из находившихся в его распоряжении источников, то составитель проложного жития очень свободно обращался с известными ему текстами. Поэтому представляется более вероятным, что налицо заимствование именно в «Успении».

Явно компилятивный характер памятника, составитель которого формировал свое представление о Кирилле и Мефодии не на основе реальных фактов, а на основе изучения определенного круга письменных сообщений о них, наличие среди его источников таких произведений, как вторая редакция «Похвалы Кириллу» и проложное житие Кирилла — все это делает маловероятным не только авторство Климента Охридского, как предполагает Э. Георгиев, но и вообще связь «Успения» с Охридской книжной школой конца IX — начала X в.

Выявление круга источников «Успения» позволяет установить характер работы составителя с известными ему текстами. Вопрос об этом в исследованиях памятника кирилло-мефодиевского цикла специально не поднимался. Обращалось внимание преимущественно на отдельные детали, где «Успение» отступает от Пространного жития Кирилла в изложении событий. При этом, как представляется, явно недооценивалась самостоятельность автора «Успения», обладавшего собственными взглядами на характер деятельности Кирилла.

Одна из наиболее заметных тенденций памятника — стремление подчеркнуть и показать заслуги Константина-Кирилла в распространении христианской религии в разных странах. Ради этого составитель «Успения» неоднократно целенаправленно изменял известные ему тексты. Так, Кириллу в «Успении» приписана заслуга обращения в христианство хазар. С этой целью в начале рассказа о хазарской миссии Кирилла вставлены слова, что в то время «еще имь не соуще христианом». Затем слова «советника» кагана, который согласно Пространному житию Кирилла констатировал его победу в споре с арабскими и иудейскими учеными, составитель приписал самому правителю Хазарии и далее автор «Успения» добавил для усиления эффекта слова, что тот «възоупи велием гласом», заимствовав их из рассказа своего источника о крещении самаритянина. Весь эпизод завершался явно выдуманным сообщением о крещении «кагана» вместе с его подданными (ср. [5, с. 116—117] и [11, с. 11, 23—24]). Не менее энергично в «Успении» проводится идея, что Кирилл обратил в христианство Великую Моравию. Так, в XII главе этого памятника указано, что моравские послы прибыли в Константинополь «просеще крещениа», а ниже отмечено, что Кирилл, прибыв в Моравию, «крестив» ее жителей и «приведе на православную веру» [5, с. 117; 11, с. 26, 28—29]. И то и другое утверждение совсем не соответствуют историческим фактам IX в., но ярко характеризуют взгляды автора, для которого Кирилл был

⁴ См. возражения А. Воронову со стороны Э. Георгиева [6, с. 33] и П. А. Лаврова [9, с. 169]. Э. Георгиев также правильно отмечает недостаточную обоснованность предположения А. Воронова, что эпизод «Успения» о крещении славян на Брегалнице создан под влиянием сообщений Пространного жития Климента о распространении славянского богослужения в районе Брегалницы в конце IX в. [7, с. 17—18].

уже не реальной личностью — современником, а главным персонажем легенды.

Для определения характера редакторской работы составителя «Успения» представляется особенно важным выяснить, что именно он включил в свое произведение из главного использованного им источника — Пространного жития Кирилла, а что нашел нужным опустить или сильно сократить. Сравнение показывает, что основная часть «Успения» — первые одиннадцать глав, соответствующие по своему содержанию первым тринадцати главам Пространного жития Кирилла, представляет собой довольно точный конспект источника, в котором нашли свое место все наиболее существенные факты из биографии Кирилла. Опущенные эпизоды (случай с соколом, встреча с грамматиком, бегство на «Узкое море», рассказ о помощи, неожиданно пришедшей, когда Кирилл раздал всю пищу нищим, находка в Корсунии евангелия, написанного «русскими писменами», расшифровка надписи на чаше) носят такой характер, что их отсутствие не меняет общей направленности повествования. Иную картину мы видим в заключительной части памятника (главы XII—XV), соответствующей XIV—XVIII главам Пространного жития Кирилла. В этой части Пространного жития ведущей темой является тема борьбы Кирилла с противниками славянской письменности. Однако в «Успении» эта тема полностью отсутствует. Здесь, правда, в главах XIII и XIV упоминается о каких-то «еретиках», действовавших в княжестве Коцела, а затем в Риме, которых Кирилл «посрамляше», но оба эти упоминания предельно кратки и, главное, в них никак не определяется, в чем состояла «ересь», с которой боролся Кирилл [5, с. 117]. Заслуживает внимания, что тема борьбы солунских братьев с «триязычниками» занимает видное место не только в Пространных житиях Кирилла и Мефодия, но и в других ранних памятниках кирилло-мефодиевского цикла, созданных уже в Болгарии в конце IX — первой половине X в., таких, как Пространное житие Климента, послужившее источником для сочинения на ту же тему Феофилакта, и житие Наума. Не менее яркое выражение тема борьбы с «триязычниками» нашла и в текстах, связанных с зарождением культа Кирилла, — в службе Кириллу⁵, «Похвале Кириллу»⁶ и «Похвальном слове Кириллу и Мефодию»⁷.

Такие особенности «Успения», как подчеркивание (вопреки историческим фактам) заслуг Кирилла в распространении христианства в разных странах и отсутствие внимания к его борьбе с врагами славянской письменности, сближают этот памятник с более поздними произведениями кирилло-мефодиевского цикла, такими, как проложные жития Кирилла и Мефодия или вторая редакция службы Кириллу, откуда, как показал Б. Райков, при переработке были удалены тексты, говорившие о борьбе Кирилла с «триязычниками» [15].

В литературе, в частности, в работах А. Воронова и П. А. Лаврова, обращалось также внимание на ряд отступлений текста «Успения» от его основного источника в отдельных деталях. Одно из таких отступлений заслуживает особого внимания. Паннонский князь Коцел, у которого Кирилл и Мефодий останавливались на пути в Рим, под пером автора «Успения» превратился в «лешского», т. е. польского князя [5, с. 117]. Очевидно, что эта поправка была сделана в то время, когда память о славянах в Паннонии давно изгладилась. Видя по контексту, что из Моравии Кирилл и Мефодий переехали в какую-то соседнюю славянскую страну, он произвольно отождествил ее с соседствовавшей с Моравией Польшей, где Кирилл и Мефодий никогда не были, а население ее южной части, где собственно жили «ляхи» — лендзяне, по компетентному свидетельству Пространного жития Мефодия (гл. XI), сохраняло приверженность к язычеству и нападало на христианские земли еще в 70-х гг. IX в. Таким обра-

⁵ «струями притъчнами оудавль триязычники», «еретики гониши... триязычники правиши», блуды «еретичьскыя роушить книгами триязычники» [5, с. 54, 55, 57].

⁶ «затъче оуста вълком тръязычным еретиком» [14, с. 426].

⁷ «тръязычником же зълбоу низължюиша» [14, с. 471].

зом, и эта особенность редакторской работы составителя ведет ко времени гораздо более позднему, чем конец IX — начало X в.

Анализ приемов редакторской работы составителя «Успения» следует завершить разбором характерной для него терминологии. В этой связи должна быть отмечена еще одна черта памятника, на которую, хотя и мимоходом, уже обращал внимание П. А. Лавров. Речь идет о встречающемся в «Успении» словосочетании «православная вера» и характере его употребления. Если в Пространных житиях Кирилла и Мефодия это словосочетание ни разу не встречается, то в «Успении» оно на протяжении сравнительно короткого текста употреблено 9 раз⁸. Хазары и мораване, обращаясь в Константинополь, ищут там «православной веры». «Православную веру» Кирилл проповедует и арабам, и хазарам, и мораванам, и язычникам-славянам на Брегалнице, и, как отметил П. А. Лавров, даже жителям Рима [9, с. 169]. Замена общих и достаточно неопределенных сообщений Пространного жития Кирилла о «нашей вере», «христианской вере», «истинной христианской вере» достаточно четким и однозначным термином указывает на эпоху после церковного раскола середины XI в., когда необходимо было точно определять, с католической или православной частью христианского мира был связан тот или иной церковный деятель.

Таким образом, и выявление круга источников «Успения», и изучение характера редакторской работы его создателя, и наблюдения над терминологией памятника — все приводит к одному выводу: «Успение» не является памятником конца IX—X вв., его возникновение нельзя связывать с деятельностью Климента Охридского или его учеников. Это произведение принадлежит к более поздним памятникам кирилло-мефодиевского цикла и возникло не ранее середины XI в.

Более точно определить верхнюю временную грань, раньше которой «Успение» не могло быть написано, позволяет концовка этого произведения. Здесь читаем пожелание, чтобы бог благодаря молитвам Кирилла утвердил «вса цесарства правоверных христиан» [5, с. 122]⁹. Таким образом, в момент написания «Успения» существовало по крайней мере два православных «царства», но такое положение после церковного раскола середины XI в. сложилось лишь в конце XII в., когда было восстановлено православное Болгарское царство. Время его возрождения определяет ту верхнюю хронологическую грань, раньше которой «Успение» не могло быть написано.

Какова же та нижняя хронологическая грань, позже которой памятник не мог возникнуть. Эту грань позволяет определить находка Б. Ангеловым сербского списка «Успения» начала XV в. [2, с. 7—10]. Сопоставление этого списка с другими списками и использованными источниками показывает, что в ряде случаев этот список передает текст произведения с дефектами. Так, в цитате из «Похвалы Кириллу» отсутствует слово «поживе», которое имеется в этом месте в других списках памятника и использованном здесь источнике. В IV и V главах памятника также налицо пропуски, искажающие смысл текста. Еще более важно наличие здесь явно вторичных по сравнению с протографом чтений, сближающих старейший список «Успения» с определенной группой списков. Особенности интерес представляет в этой связи то место в XIV главе памятника, где говорится об успехе проповеди Кирилла у жителей Рима. В старейшем списке здесь читается: «Они же в слоухы свое в ъ л а г а а х о у егова оучения». В ряде списков в этом месте мы имеем здесь иное чтение — «въ сласть п р и е м а х о у учения его». Это чтение обнаруживает текстологическую связь с главным источником «Успения» — Пространным житием Кирилла («сказание соугоубъ и трегоубъ п р и и м а х о у от него») и, следовательно, его

⁸ Подсчеты произведены по самому раннему списку памятника.

⁹ А. Теодоров-Балан не внес этот текст в основной состав памятника, так как он отсутствует в одном из списков произведения — белградском, XVI—XVII вв., однако это пожелание присутствует во всех остальных списках памятника, в том числе в двух наиболее ранних. Это позволяет рассматривать его как часть первоначального текста «Успения».

следует, без сомнения, возводить к протографу. В списке «Успения» начала XV в. первоначальный текст уже подвергся переделке, следовательно, само возникновение памятника надо отодвинуть к более раннему времени.

Некоторые дополнительные доводы в пользу этой точки зрения можно привести, изучая включенные в текст «Успения» заимствования из Пространного жития Кирилла. Списки этого произведения делятся, как известно, на два извода — русский и южнославянский. Заимствования в тексте «Успения» обнаруживают особенности, характерные именно для южнославянского извода¹⁰, что не удивительно для произведения, возникшего и бытовавшего в южнославянской среде.

Для определения соотношения между «Успением» и текстами южнославянского извода Пространного жития Кирилла представляют интерес наблюдения над термином, обозначавшим благоуханный запах, аромат. И в русском изводе, и в «Успении» для обозначения такого запаха употреблен термин «воня». Литературному вкусу редакторов текстов южнославянского извода это слово не отвечало. Один редактор заменил его словом «хризма», другой — Владислав Грамматик — употребил слово «благоухание» [16, с. 96, 114 (гл. VIII, вар. 12)]. Между тем составитель «Успения» не только не нашел это слово неудобным, но и употребил его по собственной инициативе еще раз, вставив в рассказ о торжественном приеме Кирилла в Риме, что его встретили «с благоуханими кадили и вонями» [5, с. 117]. Если тексты южнославянского извода Пространного жития Кирилла по оценке П. А. Лаврова прошли стилистическую обработку «в духе литературной эпохи патриарха терновского Евфимия» [11, с. XX], то составитель «Успения» работал явно в более раннее время.

Наиболее вероятным временем написания этого памятника представляется XIII век — время национального подъема после восстановления болгарской государственности. Одной из характерных особенностей настроений болгарского общества того времени стало стремление подчеркнуть значение деятельности Кирилла и Мефодия именно для болгарского народа или даже прямо связать эту деятельность с территорией Первого болгарского царства.

Целый ряд свидетельств о наличии таких тенденций в болгарских литературных памятниках XIII—XIV вв. собрал в последнее время Д. Ангелов [8, с. 13 и сл.]. При этом исследователь справедливо обратил особое внимание на славословия Кириллу в «Синодике царя Борила», как памятнике сравнительно точно датированном и отражавшем официальную точку зрения светских и церковных властей болгарского государства. Здесь провозглашалась «вечная память» Кириллу философу, «иже божественное писание от гръчскаго языка на българскыи преложившому и просвещшому българскый род» [5, с. 80]. Эта же тенденция достаточно ярко проявилась и в некоторых особенностях «Успения», на которые было обращено внимание уже в момент открытия этого памятника. Это — утверждение, что Кирилл «родом сын българины» [5, с. 115], а также включение в текст произведения рассказа (о нем уже упоминалось выше), как Кирилл, отправившись на реку Брегалницу, т. е. на территорию Первого болгарского царства, крестил живущих здесь славян «и написав имь книги словенским языком» [5, с. 116]. Пересказывая свой основной источник — Пространное житие Кирилла, составитель «Успения» внес в свое изложение этот рассказ перед сообщением о поездке Кирилла в Хазарию. Тем самым получалось, что миссионерская деятельность Кирилла началась с проповеди христианства среди болгарских славян и для них была создана славянская письменность¹¹. Тем самым Кирилл действительно превращался в «просветителя болгар».

¹⁰ Так, в X главе «Успения» говорится о «гордыне жидовской» — это чтение именно списков южнославянского извода, в то время как в списках русского извода говорится о «гордыне срацшиской».

¹¹ Брегалница выступает здесь как арена деятельности Кирилла, по-видимому потому, что в период византийского господства сложилось представление, что в этом районе находился центр Первого болгарского царства, в частности, в момент крещения

Есть основания поставить вопрос не только об идейной, но и определенной текстуальной близости между «Синодиком царя Борила» и «Успением». Так, обращает на себя внимание, что в помещенном в «Синодике» славословии ученикам Мефодия перечень их помещен в той же последовательности, что и в «Успении» (в «Синодике» отсутствует лишь имя Ангелария). Оба произведения объединяет и термин, употребляющийся в них для обозначения Великоморавского государства, — «Великая Морава», который не встречается в других памятниках кирилло-мефодиевского цикла. Однако соотношение текстов остается неясным, и отмеченные совпадения не позволяют дать более точную датировку памятника. Однако и на настоящем уровне знаний общий вывод о том, что «Успение Кирилла» — литературный памятник, созданный в период существования Второго Болгарского царства, представляется бесспорным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелов Б. С. Кратко житие на Кирил Философ.— В кн.: Ангелов Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература. Т. I. София, 1958.
2. Ангелов Б. С. Кратко житие на Кирил Философ. I. Белградски препис. II. Молдавски (Херсонски) препис.— В кн.: Ангелов Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература. III. София, 1978.
3. Михаила Г. Славяно-румынские рукописи и издание письменных памятников южных славян.— Romanoslavica, t. XXI, Bucureşti, 1983.
4. Динев П., Кувев К., Петканова Д. Христоматия по старобългарска литература. София, 1978.
5. Теодоров-Балан А. Кирил и Методий. Т. II. София, 1934.
6. Георгиев Е. Родината на кирилло-методиевото дело.— В сб.: Константин-Кирил Философ. София, 1969.
7. Георгиев Е. Возникновение оригинальной староболгарской агиографии.— Palaeobulgarica, 1978, N 4.
8. Ангелов Д. Славянският свет през IX—X в. и делото на Кирил и Методий в книжовната традиция.— Palaeobulgarica, 1985, N 2.
9. Лавров П. Кирило та Методий в давньослов'янському писменстві. Київ, 1928.
10. Ангелов Б. Солунска легенда.— В кн.: Ангелов Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература, II. София, 1967.
11. Лавров П. А. Материалы для истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
12. Воронов А. Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия. Киев, 1877.
13. Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970.
14. Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 1. София, 1970.
15. Райков Б. Два новооткрити преписа от службата на Кирил Философ и няколко бележки върху пейния состав.— В сб.: Константин-Кирил Философ. София, 1969, с. 217—218.
16. Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3. София, 1973.
17. Иванов Й. Богомилски книги и легенды. София, 1970.

болгар. Так, в рассказе апокрифической летописи о Борисе-Михаиле говорится, что «тъи царь кръсти всю землю българскоую и созда цркви по земли българстей и на рече Брегалници, и тоу приемь царство» [17, с. 283].

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА Б. ПЕТРОВИЧА «ПЕВЕЦ»

Известный сербский писатель Бошко Петрович (р. 1915), вошедший в литературу как автор поэтического сборника «Земля и море» (1951), впоследствии обращался к различным прозаическим жанрам — рассказу (сб. «Тихо проплывают облака», 1955; «Разговор о тайнах», 1972), эссе («День среди картин», 1973), роману («Путешествие на край лета», 1970). При этом каждое последующее произведение писателя отличается от предыдущего по своим жанровым характеристикам, что означает изменение угла видения мира и человека, поиск новых художественных решений.

Стремление художника к освоению новых жанровых форм находит проявление и в последнем произведении Б. Петровича — монументальном романе «Певец» (1979). В этом произведении сочетаются временные пласты современности и исторических событий первой трети XIX в., времени Первого и Второго сербских восстаний против турок, и при этом, по мнению югославского исследователя П. Милосавлевича, «между этими двумя потоками времени, между их героями и событиями почти нет точек соприкосновения» [1, с. 401].

Различные временные пласты непосредственно соприкасаются лишь в самом начале романа в главе «Вопрос». Профессору теории литературы и одному из главных героев романа Йовановичу задают частный вопрос о жизни известного исполнителя народных эпических произведений (фигурирует то под именем Певца, то Сборщика тростника), у которого реформатор сербскохорватского литературного языка и собиратель фольклора Вук Караджич записал многие песни для своих сборников. Йованович не в состоянии ответить на вопрос. «И внезапно отсутствие широко понимаемого профессионального интереса, симптоматическая, неприятная и, наконец, легкомысленная беспечность в отношении всего, что принадлежит нам и имеет для нас преимущественное значение...такие и еще многие другие замечания на собственный счет, подхваченные стремительным ветром, поднялись и закружились в душе Йовановича так порывисто и сильно, что у него просто перехватило дыхание» [2, с. 9].

Душевный покой героя нарушен, и выяснение им в справочнике данного конкретного факта уже не может вернуть профессора в прежнее уравновешенное состояние. Жизнь Певца заинтересовывает Йовановича, захватывает его воображение, и неожиданно для себя герой на несколько минут из современного Нови-Сада переносится в Карловцы начала XIX в., небольшой город с сербским населением на территории Австрийской империи.

Необычность сочетания различных временных планов и широкий охват действительности сразу же привлекли к роману Б. Петровича пристальное внимание югославских критиков и литературоведов. «Ни одна книга в наше время не разделила так литературную общественность, как это сделал „Певец“ Б. Петровича», — писал югославский исследователь Й. Делич [3, с. 1090]. Высокая оценка «Певца» как совершенно особого, по своим художественным характеристикам исключительного и редкого произведения современной югославской прозы [4, с. 199], одного из луч-

пих романов в сербской литературе и в литературах Югославии [1, с. 400] столкнулась с отрицанием некоторыми критиками жанровой цельности произведения, с мнением о «недостаточно завершенной форме произведения, неспособности писателя овладеть огромным материалом, вырывающимся из его рук и принимающим хаотический вид» [3, с. 1090—1091].

При беглом прочтении романа действительно создается впечатление, что план современности в жанровом аспекте весьма отличается от исторического плана и никоим образом с ним не связан, а действие романа вырывается на свободу, неподвластно замыслу художника и разрушает законы единства художественной формы.

Повествование о современности охватывает лишь один день из жизни Йовановича, крайне небогатый событиями: утром на факультете ему задают вопрос о Певце, затем Йованович проводит занятие и возвращается домой, к нему заходит жена, далее герой едет в соседний городок Карловцы, чтобы встретиться со своей матерью, и, возвращаясь домой, останавливает автомобиль в живописном местечке и любитесь природой. При этом в романе нет описания каких-либо особенностей поведения героя или деталей окружающего его материального мира. Йованович по существу лишен контактов с людьми — за исключением разговора с матерью и нескольких минут общения с женой он проводит время в одиночестве. Пространственная позиция повествователя совпадает с пространственной позицией персонажа, что придает повествованию о современности камерный характер.

Некоторому расширению строгих границ повествования об одном дне из жизни профессора новосадского университета способствует постоянное обращение писателя к приему ретроспекции. Ретроспективный план занимает большую часть повествования о современности и включает в себя воспоминания Йовановича об его обучении в гимназии и преподавателе богословия священнике Пешиче, о детстве, проведенном в селе, и разговорах в доме его отца, местного доктора, о смерти отца в годы фашистской оккупации, о беседах героя с коллегами по университету Мишковичем и Даниличем, с французским писателем и литературоведом Ланголцем.

Однако в воспоминаниях Йовановича конкретные эпизоды детства и обучения в гимназии отступают на задний план, оставляя центральное место обобщенно-теоретическим беседам и размышлениям персонажей, что сводит границы действия до минимума. Сам термин «действие» в отношении плана современности в романе весьма условен: вся эта часть произведения, по верному замечанию М. Марковича, основывается на рефлексии героя в прошлом и настоящем, в ней «доминируют эссеистско-философские размышления» [4, с. 201], характерные для интеллектуального романа, где «повествование не столько изображает жизнь, сколько оказывается цепью многочисленных рассуждений» [5, с. 206].

Почти треть повествования о современности в первой главе романа занимают рассуждения священника Пешича о трансцендентальном и имманентном, столько же места во второй главе посвящено высказываниям французского лектора Ланголца по теории языка и литературы, в некоторых случаях уже сами названия частей романа, посвященных современности, свидетельствуют об их эссеистском характере (гл. 10 — «Данилич или о душе»; гл. 13 — «Пояц. Нация. In sensu cosmico. Красота героизма и ее конец» и т. д.). В силу этого и высказывания по теоретическим вопросам, как правило, отличаются развернутым характером, герои предпочитают отстаивать и развивать свои мысли в форме не кратких афоризмов, а пространных рассуждений (монологи Ланголца, университетских коллег Йовановича Данилича и Мишковича).

Наряду с наличием многочисленных теоретических рассуждений, считающихся обязательным признаком интеллектуального романа, повествованию о современности свойственна и такая характерная черта этого жанра как подчиненность образов и сюжета концептуальным посылкам автора [5, с. 201].

Главный герой повествования о современности представлен как воплощение интеллекта, чистой духовности. Краткое перечисление фактов его

биографии не может дать целостного представления о человеке. Даже в своих воспоминаниях Йованович предстает как личность созерцательная, размышляющая, не совершающая ни одного поступка, в котором мог хоть как-то проявиться ее характер. Автор не дает портрета Йовановича, образ героя лишен стабильности и четких очертаний. Остальные персонажи повествования о современности также представлены прежде всего через их философско-интеллектуальные рассуждения или же играют в произведении служебную, второстепенную роль (жена Йовановича Люба).

Повествование о современности по существу лишено фабулы, события в романе обладают относительной самостоятельностью сцен-размышлений и сцен-рассуждений героев, подчиненных выражению интеллектуально-го начала в произведении.

«Условность хода событий связывает интеллектуальный и фантастический роман типа романов Уэллса», — пишет Т. Л. Гурина [5, с. 206]. В «Певце» Б. Петровича Йованович наделяется способностью к перемещению во времени. Он переносится во времена фашистской оккупации Югославии, к месту, где погиб его отец, становится незримым свидетелем сцен расстрела гитлеровцами заложников, где за ужасной в своей обыденности смертью жертв следует «расчеловечивание» убийц, лишение их человеческой речи.

Однако и само обращение к фантастике у Б. Петровича несет печать большей условности и отлично от романов Уэллса. «Полеты» Йовановича обуславливаются полетом его мысли, они протекают, говоря словами сербского поэта-романтика XIX в. Л. Костича, «между явью и сном» [6, с. 143]. Так, «...мысль о смерти отца переносила его в другой, фантастический мир, в с о с т о я н и е (разрядка моя. — С. М.), в которое он уже не однажды попадал одним и тем же способом: влетая в него из себя, похожий то на птицу, то на черную летучую мышь...» [2, с. 242]. Далее фантастический полет героя приобретает более понятный характер, но это отнюдь не полет на машине времени Уэллса. Фантастический мир Б. Петровича — это не только пространство для воплощения физически невозможного, но и новая реальность, рождающаяся в результате духовной деятельности Йовановича.

В отличие от повествования о современности, обладающего видимой камерностью интеллектуального романа, повествованию об исторических событиях свойствен эпический монументальный характер. Исторический план в романе включает в себя рассказ о подготовке Второго сербского восстания, о начале правления Милоша Обреновича, о сложной дипломатической борьбе вокруг политического курса Сербии и охватывает пятнадцатилетний период с середины 10-х до начала 30-х годов XIX в. Перед читателем проходит более пятидесяти персонажей — представителей различных слоев общества Австрии, Турции, России, Сербии: австрийские офицеры и генералы, чиновники и служанки, турецкие военачальники, феодалы и государственные деятели, русские дипломаты, сербские торговцы, священники, монахи, представители интеллигенции, князья, стражники, крестьяне, гайдуки. При этом Б. Петрович прибегает к последовательному обзору исторических событий, прикрепляя авторскую точку зрения к точке зрения ряда различных персонажей, что позволяет ему дать целостную картину действительности.

Расширению границ повествования об исторических событиях способствует и обращение писателя к ретроспекции. К событиям прошлого у Б. Петровича возвращаются и исторические личности (белградский визирь Сулейман-паша Скопляк), и герои, не занимавшие столь значительного места в обществе и не вошедшие в учебники по истории (Певец, сербский писатель, чье имя обозначается греческой буквой — Σ (Сигма), преподаватель гимназии Якшич, хотя в Сборнике тростника мы узнаем Тешана Подруговича, а Сигма имеет своего прототипа — писателя Стефана Живковича-Телемака¹, первого образованного серба, перешедшего из Австрии

¹ Об этом свидетельствует и использование Б. Петровичем приема Б. Брехта, заключающегося в обозначении героя при помощи первой буквы имени его прототипа.

в Сербию Обреновича). Однако воспоминания всех персонажей весьма важны не только для выявления их внутреннего мира, но и для выяснения причин и результатов Второго сербского восстания, понимания внешнего и внутривнутриполитического положения Сербии в предшествующее десятилетие, усиления эпического начала в романе.

Воспоминания героев охватывают события и их личной жизни и их общественно-политической деятельности, дают картину победоносного взлета и последующего поражения Первого сербского восстания, знакомят читателя с жизнью гайдуков на территории Австрии и Сербии. В отличие от ретроспекций — интеллектуальных размышлений Йовановича воспоминания героев исторического плана произведения характеризуются присутствием ярко выраженного эпического начала.

Повествование об исторических событиях обладает всеми признаками жанра исторического романа — раскрывает ход истории, в строгом соответствии с истиной дает портреты и исторических личностей, и крупнейших деятелей науки и искусства, и рядовых представителей различных классов и сословий того времени, также взятых Б. Петровичем из истории: «Рядом с главными героями романа и историческими личностями того времени ... здесь целая галерея действительно существовавших людей из периода сербского восстания — от Родофиникина до князя Марко Штитарца, от проходимца Шкульи до неутомимого и необычайно сильного, истинно нашего человека — торговца Йовы Чотры» [7, с. 518—519].

Писатель умело использует архивы и документы, произведения исторического характера, он «вложил много сил в изучение исследований и архива по избранной теме, материалов, которые представлены абсолютно достоверно» [8, с. 28]. По мнению самого автора романа, «документальное начало играет важную роль в повествовании об исторических событиях» [9, с. 99]. Художник активно использует «Мемуары» С. Пшчевича, документы из Венского архива о Первом сербском восстании, «Историю сербского восстания» Л. Арсениевича-Баталаки и другие источники.

Как правило, Б. Петрович прибегает к опосредованному включению документа в художественную ткань повествования. По справедливому утверждению М. Лесковаца, архивные сведения, положенные в основу романа, не заметны читателю, в документальном, подобном полноводной реке, эпическом произведении они «оттеснены на дно, скрыты в иле и песке...» [7, с. 522]. Вместе с тем, иногда писатель, по его собственным словам, включает в текст «дословно переписанные предложения из записей, хроник, писем...» [9, с. 99], не подчеркивая, однако, их документального характера.

Помимо точности описаний исторических событий для Б. Петровича характерно верное понимание духа эпохи, обращение к наиболее актуальным проблемам того времени. Главных героев романа волнует политический, социальный и экономический прогресс Сербии, взаимоотношения их государства с европейскими силами и тайны феномена гайдучества, возможности культурных преобразований в стране, причем духовные поиски персонажей романа во много определяют их судьбы.

Символичны и судьбы этих героев: ничего не меняется в жизни сына богатого сербского торговца, обеспеченного и трезвомыслящего Якшича, и трагически завершаются жизненные пути борца за духовный прогресс Сербии писателя Сигмы и свободолюбивого патриота Певца-гайдука. В Сербии Сигму, после изложения его политических плапов Милошу Обреновичу, ждут всевозможные несчастья: оскорбления, голод. После долгих скитаний Сигма, подобно герою «Переселений» М. Цриянского Павлу Исаковичу, находит службу, но отнюдь не душевный покой в России. Глубокая тоска по родине сжигает героя и уносит его в могилу.

Немилосердна судьба и к Певцу-гайдуку. Перешедший, как и Сигма, из Австрии в Сербию Обреновича, он не в силах смириться с царящими там произволом и насилием и отправляется для гайдуцкой борьбы с турками в Боснию, где и гибнет. Как в описании исторических событий, так и в судьбах главных героев произведения, ярко свидетельствующих о положении сербов и сербского государства в первой трети XIX в., писатель

раскрывает исторический опыт становления национального государства.

Таким образом, для «Певца» Б. Петровича характерно весьма необычное соединение черт интеллектуального и монументального исторического романа, что, по замыслу писателя, должно составлять единое целое. Об этом отчетливо свидетельствует композиция произведения. Каждая из шестнадцати глав романа соединяет в себе две части: повествование об исторических событиях и о современности, что уже подчеркивает стремление художника к целостности произведения. Этой же цели служит использование пролога («Вопрос») и эпилога («Певец»), указывающих на кольцевую композицию романа и подчеркивающих его единство и завершенность: в конце произведения автор возвращается к вопросу, заданному в его начале.

О стремлении писателя к единству произведения свидетельствует и выбор эпиграфов. Первый (из «Мемуаров» Казановы) говорит о возможности чисто материального восприятия жизни, второй (из «Утраченных иллюзий» Бальзака) утверждает важность воспоминаний как событий духовной жизни, и наконец третий, последний, объясняет значение художественного термина «диптих». Очевидно, что и сам роман Б. Петровича должен представлять собой диптих, в котором соединятся материальное и духовное, прошлое и настоящее, исторические события и интеллектуальные рассуждения при сохранении каждой из этих сторон определенной самостоятельности.

Важным звеном, связующим обе части романа, является фигура повествователя. В тексте неизменно звучат его слова: думаю, говорю, сказал, повторяю и т. д., часто встречаются его замечания о структуре романа и интеллектуальные размышления. Он постоянно указывает на широту своих возможностей, напоминает о соединении в своих руках начала и конца обеих частей произведения. По справедливому замечанию М. Лесковаца, повествователь в «Певце» суверенно распоряжается и рассказом о современности, и изображенном исторических событий и вследствие этого «он их оба по существу ведет, соразмеряет, сливает в единое целое...» [7, с. 526].

В обоих случаях повествователь, как правило, прибегает к последовательному изложению, ведущему к рождению широкого мозаичного полотна, где разрозненные эпизоды из жизни Йовановича сливаются с целым множеством картин исторического плана повествования. В первой главе романа, в «современной» части («Прошлое как настоящее. Пешич»), Йованович вспоминает некоторые сцены из своей гимназической жизни, а в «исторической» («Переплетение имен») писатель рисует ряд отдельных эпизодов из жизни многих героев. Объективная картина мира складывается из множества составляющих ее субъективных элементов, что и обуславливает единство плана повествования об исторических событиях и всего романа в целом.

В свою очередь единство составляющих произведение эпизодов рождается из типологического единства проблематики романа. Интеллектуальное начало находит свое проявление не только в частях, посвященных современности, но и в исторических сценах. Ряд героев исторического плана романа иногда обращается к интеллектуальным рассуждениям (о сущности народной поэзии, о творчестве Горація, о власти, предательстве, морали, о национальной судьбе сербов), хотя они не занимают здесь большого места.

Интеллектуальное начало в «историческом» повествовании находит свое проявление и в некоторых особенностях стиля произведения, в стремлении к особому характеру воздействия на читателя, обращении не столько к его чувствам, сколько к разуму, в направленности на пробуждение его критической мысли. Германист по образованию, переводчик Т. Манна, Брехта, Цвейга, Келлера, Ремарка, Б. Петрович обращается к стилизованному опыту немецкой интеллектуальной литературы, и в первую очередь к творчеству Т. Манна и Б. Брехта. Подобный шаг преследовал две цели. Первая состояла в потребности писателя использовать самый широкий набор стилистических приемов, направленных на активизацию критической

мысли читателя, начиная с контрапункта (Т. Манн), предполагающего выявление глубинных связей между различными темами произведения, и кончая «эффектом оуждения» (Б. Брехт), рождающимся из рассмотрения различных фактов и ситуаций с принципиально новой, необычной точки зрения и предполагающим новый, критический взгляд на вещи.

Вторая цель достигалась при выявлении читателем самого факта заимствования Б. Петровичем ряда стиливых приемов, используемых Б. Брехтом и Т. Манном. Подобное заимствование не было ни в коей мере подражанием, но имело свою смысловую нагрузку. И Б. Брехт и Т. Манн неоднократно прибегали к различным заимствованиям. С. Апт по этому поводу писал: «...факт заимствования обычно не скрывается Манном, а как-то обыгрывается, отмечается какой-то ужимкой, указывающей на то, что перед нами заимствование, а значит, что данный мотив имеет кроме своего прямого ... значения, значение не то цитаты, ссылки на чужое, не то пародии на чужое — во всяком случае предшествующие литературные факты при этом мифологизируются...» [10, с. 163]. При этом «цитирование ... служит той же цели, что мифологизация, — обобщению» [10, с. 265]. Возникновение параллелей между романом Б. Петровича и произведениями Б. Брехта и Т. Манна насыщает сочинение югославского писателя новым значением, ведет к обобщениям и углубляет его проблематику, что свидетельствует о наличии в нем интеллектуального начала.

Подобно тому, как повествование об исторических событиях характеризуется некоторыми чертами интеллектуального романа, повествование о современности, в свою очередь, обладает некоторыми признаками жанра исторического романа. Оно включает экскурсы в историю, анализ некоторых исторических обстоятельств, обуславливающих ряд черт национального характера сербского народа, утверждение идеи исторической преемственности. Само фантастическое путешествие Йовановича к месту смерти его отца в определенной мере связывает современность с событиями второй мировой войны.

Вместе с тем, отдельный анализ повествования о современности и об исторических событиях не приведет к пониманию жанрового единства произведения. В подобном случае первая часть остается в целом в рамках жанра интеллектуального романа, вторая — в рамках исторического произведения. Обращение к критической мысли читателя, стиливые параллели с немецкой интеллектуальной литературой XX в., наличие некоторых рассуждений интеллектуального характера в повествовании о становлении национального сербского государства свидетельствуют не о доминировании интеллектуального начала в этой части произведения, но лишь о возможной связи его с интеллектуальным началом в рассказе о современности. Лишь совместный анализ соотнесенных временных планов позволяет обнаружить жанровое единство произведения.

Одно из наиболее убедительных свидетельств целостного характера романа состоит в том, что картины исторического прошлого, сохраняя свою ценность и самостоятельное значение, являются одновременно иллюстрацией к интеллектуальным рассуждениям в повествовании о современности, подтверждением тех или иных мыслей героев, благодаря чему все произведение приобретает характерные черты жанра интеллектуального романа.

Например, во второй главе писатель обращается к проблеме отношения человека к пространству и к окружающему его предметному миру. Единство темы видно уже в названии обеих частей главы романа: первая названа «Человек и пространство. Ланголец. J'habite je ne sais où²», вторая — «Большой город Вена». В первой части Ланголец пытается доказать Йовановичу полную зависимость человека от окружающего мира: «В центре мира и общества уже не человек, во что верили с незапамятных времен, но — о боже! — сам мир, судьба, вещи. Мы уже не конструкторы своей жизни. Мы лишь фрагменты мира...» [2, с. 82]. Йованович не вступает в открытый спор с Ланголцем, однако он убежден в огромных возмож-

² Я живу не знаю где (франц.).

ностях человека, в способностях его к преодолению преград реального мира, в том, что он не может быть полностью подчинен окружающим его обстоятельствам.

Во второй части главы писатель рисует столкновение с австрийской действительностью трех сербов: игумена Студеницкого монастыря Мелентия, торговца и бывшего судьи в Сербии времен Карагеоргия Йовы Чотры и Сигмы, вновь убеждая читателя в силе духа человека, в невозможности свести личность к положению предмета среди предметов.

Игумен Мелентий после поражения Первого сербского восстания приезжает в известный курортный городок Баден. Писатель рисует подробный портрет Мелентия — яркое свидетельство заботы героя о собственной внешности и изысканном образе жизни. Но при этом отмечает, что «цветы, ванны, шоколад — это лишь поверхностный слой. Под ним скрывается другое» [2, с. 101]. Основная задача игумена Мелентия — дипломатическая борьба за спасение сербского народа от ярости турецких завоевателей, и именно она определяет мысли и характер деятельности этого героя.

Йову Чотру в Австрии разоряют при помощи подлога и судебного процесса сербский ростовщик и австрийский чиновник, и в некоторые моменты смерть представляется герою единственной избавительницей, однако ему удается преодолеть подобные настроения [2, с. 111].

В отличие от людей дела — Мелентия и Чотры — интеллектуал Сигма не способен к активной практической деятельности и иногда не в силах преодолеть затруднения материального характера [2, с. 125]. Однако и он отнюдь не подчиняется окружающим его обстоятельствам. Его духовный мир устремлен к более высоким задачам. «Сжатая в комок, подобно опухоли, скрытой глубоко в теле, в нем неизлечимо затаилась его нерожденная Сербия» [2, с. 124].

В свою очередь, соединение различных временных пластов позволяет рассматривать план современности как один из этапов исторического развития человечества. В подобном случае связь между историческим прошлым и современностью обуславливается косвенной постановкой вопросов философии истории. Наличие определенных параллелей между прошлым и настоящим («Иованович иногда выглядит как переодетый Сигма» [11, с. 120]) могли бы привести к мысли о повторяемости и неизменности хода истории, однако писатель придерживается иного взгляда. Исторический процесс неповторим, он находится в вечном движении. «Исторические ситуации могут быть похожи, говорит своим романом Б. Петрович, но поведение человека обусловлено как индивидуальными, так и общественными убеждениями, которые являются производными времени и среды» [12, с. 105].

Другой важной философской проблемой, решаемой в произведении на опыте исторического развития человечества, является вопрос о возможности прогресса. В повествовании об исторических событиях добро часто отступает перед злом, господствуют «преступление, жадность, ненависть, полное игнорирование интересов других людей» [8, с. 20]. В повествовании о современности, являющейся продолжением исторического прошлого, также возникают страшные сцены торжества зла, уничтожения человека человеком в годы второй мировой войны. Однако человечество преодолевает фашизм, хаос отступает перед разумом и гуманизмом, и, таким образом, утверждается идея прогрессивного, поступательного развития общества. «Философские проблемы в романе находят свое оптимистическое решение...», — писал Ч. Брашанац [8, с. 27].

Сам писатель, определяя свое произведение как исторический роман, был полностью согласен с критикой, рассматривающей «Певца» как «медитативную прозу» [9, с. 97]. Вместе с тем, уже сам выбор одного из главных героев — народного Певца-гайдука, давшего название роману, предполагает обращение писателя к художественному богатству фольклора, и Б. Петрович отчетливо подтверждает это в начале своего произведения. Так, преподаватель гимназии Якшич, знаток Флака, Клопштока, Пиндара, «Генриады» и «Одиссеи», упорно пытается воспеть подвиги гайдуков

и всего сербского народа «торжественным слогом алкеевой строфы» [2, с. 150], «но как только ему... хотя бы неясно слышалась песня гусляра... все это рушилось. Его классические ритмы, за которыми он видел блистающий на солнце лик Афины Паллады, созданный из слоновой кости и золота, представлялись ему немощными, их разрушал какой-то сумасшедший ветер» [2, с. 150].

При этом так же, как и у И. Андрича, обращение писателя к фольклору дополняется критическим анализом достоверности мира народной поэзии, — выявлением исторической правды, лежащей в основании народных легенд и преданий. Так, вслед за легендарно-сказочным портретом Певца-гайдука («Весь в чистом серебре и злате» — гл. XII) Петрович с позиций историка и аналитика раскрывает истинное положение дел и выявляет причины рождения народного предания, а последующая стилизация народной песни позволяет Сборщику тростника выразить проническое отношение к себе и окружающему миру. Окруженный слушателями, в момент вдохновения Певец-гайдук создает песню-пародию, где вместо традиционного героя появляется раздетый и разутый человек — сам Певец, получающий нищенскую плату за рубку тростника. И хотя слушатели не узнают героя, не видят жизненной правды за словами его песни, сам Певец понимает, что отнюдь не цари, о которых поется в песнях, а «именно этот необычный и странный герой — истина и жизненная реальность» [2, с. 173].

Критически относясь к достоверности народной легенды и эпической песни, Б. Петрович в то же время, подобно И. Андричу, высоко ценит устное народное творчество, что находит свое проявление в размышлениях персонажей романа. Певец, оказавшись на территории Австрии, по-настоящему живет лишь в мире эпической сказки, где действуют другие законы, где, «все было правдиво, то есть складно» [2, с. 351]. Воспоминания героя о наиболее трагическом моменте в его жизни — убийстве им любимой девушки, принявшей перстень — залог любви гайдука и впоследствии соблазнившейся красотой и богатством турецкого пашы, также даны в духе народной эпической песни.

Народная эпическая поэзия оказывает свое воздействие и на человека XX в. Один из героев романа Пояц, эрудит, знаток народной поэзии, «человек диспута» [2, с. 813], пытается анализировать народную балладу о любви Омера и Меримы при помощи то умело поставленных риторических вопросов, то многочисленных философских терминов, свидетельствующих по существу о том, что «этот человек не воспринимал подлинную природу искусства» [2, с. 813]. Точно также Пояц пытается анализировать и народную эпическую песню о смерти матери Юговичей, потерявшей в битве с турками на Косовом поле мужа и всех девяти сыновей, однако начав напевать эту песню, герой теряет контроль над собой и разражается рыданиями. Даже сухой, рациональный ум Пояца уступает место чувству под воздействием народного эпоса.

Народная лирическая песня играет меньшую роль в произведении Б. Петровича, писатель обращается к ней лишь при передаче чувств Сигмы и его жены Елы. Однако так же, как и в случае эпической поэзии, картина, рожденная лирической песней, сразу же сменяется другой сценой, также созданной при помощи приемов устного народного творчества, но по сути дела подвергающей критическому анализу мир народной поэзии. Так, вслед за лирической любовной песней автором приводится «эпический крестьянский рассказ» [2, с. 738] об изнасиловании Елы, похожий по своему сюжету на народную эпическую песню. Только в отличие от народной поэзии погоня слуг кнеза за Елой и ее братом была слишком краткой, только вместо боя было избиение, только вместо крови были пролиты слезы... Песня в романе отступает перед суровой прозой жизни.

Обращение Б. Петровича к устному народному творчеству насыщает повествование новым, символическим значением. Так, Сигма на протяжении всего действия в романе обращается к народной песне о звездном овчаре (Месяце), растерявшем на небесах своих овец (звезды), потому что его «ведьмы извели», а мать ему «сердце вырвала» [2, с. 1060]. Очевидно,

что судьба самого героя сходна с судьбой небесного овчара: Сигма также предан своей матерью-Сербией. Мифологическое объяснение природных явлений (изменение видимости Луны в процессе ее движения вокруг Земли) приобретает в романе иной, символический смысл.

Наряду с обращением к различным жанрам устного народного творчества Б. Петрович включает в ткань повествования более сорока отрывков из стихотворений самых различных поэтов — от П. П. Негоша до П. Валери и от Горация до К. М. Виланда, которых однако объединяет в большей или меньшей степени рассудочный характер их поэзии. Таким образом в романе-диптихе Б. Петровича соединяются эмоционально-поэтические и интеллектуально-умозрительные элементы, коллективное и индивидуальное начала.

Отрывки из стихотворных произведений в романе Б. Петровича, как правило, играют ту же роль, что и «сонги» в драматургии Б. Брехта: они позволяют героям отчетливее сформулировать свои мысли и в то же время способствуют рождению «эффекта очуждения», снижению заинтересованности читателей в развитии сюжетного действия во имя активизации их интеллектуальных усилий, переносу изображаемого с конкретно-осязаемого на абстрактно-обобщенный уровень.

Обращение Б. Петровича к подобному приему представляется вполне оправданным. Снижение эмоциональной напряженности действия романа полностью компенсируется активизацией интеллектуальных размышлений читателей, размышлений, ведущих к утверждению гуманизма и патриотизма. При этом Б. Петрович включает в текст произведения и стихи, рисующие конкретную действительность. Здесь проявляется стремление писателя к созданию целостности жизненной картины на любом из уровней ее воспроизведения.

В результате анализа жанрового своеобразия «Певца» Б. Петровича представляется возможным определить это произведение как монументальный исторический интеллектуальный роман, включающий в себя элементы различных литературных поэтических жанров и устного народного творчества. До появления «Певца» современная сербская литература не имела произведений подобного типа, своим творением Б. Петрович открыл новую жанровую разновидность исторического романа в национальной литературе, умножил ее достижения последнего десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Милосављевић П.* Романи Бошка Петровића. — Зборник Матице српске за књижевност и језик, књ. XXX/3 за 1982 г.
2. *Петровић Б.* Певач. Т. I—II. Београд, 1979.
3. *Делић Ј.* «Мајка ми срце изела» — Летопис Матице српске, 1980, № 6.
4. *Marković М.* Raskršća romana. Jugoslovenski roman 1975—1981. Priština, 1982.
5. *Гурина Т. Л.* Некоторые предпосылки изучения авторской позиции в интеллектуальном романе XX в. — В кн.: Проблемы автора в художественной литературе. Ижевск, 1974.
6. *Костић Л.* Песме. Нови Сад, 1973.
7. *Лесковац М.* Поговор. — В кн.: Петровић Б. Певач. Т. I—II. Београд, 1981.
8. *Брашанац Ч.* Замка времену. Београд, 1981.
9. *Роровић Р.* Vojvođanski razgovori. Subotica, 1981.
10. *Ант С.* Над страницами Томаса Манна. М., 1980.
11. *Трифковић Р.* Роман ljudskog trajanja. — Izraz, 1980, № 7.
12. *Яковлеви Н. Б.* «Певец» Б. Петровича. — Современная художественная литература за рубежом, 1981, № 3.

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО В ФОРМИРОВАНИИ АРМЯНСКОЙ И СЕРБСКОЙ КУЛЬТУР В ЭПОХУ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В советской науке в последние годы много сделано для понимания процессов историко-культурного развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Процесс формирования наций и национального самосознания, становления национальных культур в XVIII—XIX вв. у ряда народов региона (чехи, словаки, сербы, хорваты, болгары, словенцы, греки, румыны, албанцы), находившихся под иноземным гнетом, в научной литературе принято называть национальным возрождением. Под этим подразумевается качественно новый этап развития этих народов в социально-экономическом, политическом и культурном отношениях. Его содержание охарактеризовано В. И. Лениным как «пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств» [1].

Исследования по истории народов Северной Европы, Прибалтики, Закавказья, которые боролись за национальное освобождение с иноземными угнетателями, показывают, что их историко-культурное развитие в XVIII—XIX вв. обнаруживает типологическое сходство с процессом национального возрождения народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Эта проблема в последнее время привлекает к себе внимание советских и зарубежных ученых. Как отмечает А. С. Мыльников, «резонно продолжить цепь типологических сопоставлений, выйдя за пределы Центральной и Юго-Восточной Европы. Обращаясь, в частности, к другим регионам мира, где имели место процессы формирования наций в обстановке угнетения и вызванной этим фактором борьбы за национальную независимость, можно выявить многие черты, характерные для феномена национального Возрождения, включая совпадение применяемой к исследованию таких ситуаций терминологии» [2]. По мнению В. А. Дьякова «весьма любопытным представляется и еще один сравнительно-исторический аспект: сопоставление эпохи „национального возрождения“ региона с аналогичными явлениями в странах Востока» [3]. В работах чехословацкого историка М. Гроха сопоставляется национальное возрождение чехов и словаков, эстонцев, латышей, литовцев, белорусов, финнов, норвежцев, фламандцев, валлийцев, ирландцев, бретонцев, басков [4; 5]. Широко используется материал литератур славянских и неславянских народов региона Центральной и Юго-Восточной Европы, скандинавских, прибалтийских и закавказских (армянского и грузинского) народов в статьях И. Г. Неупокоевой о европейском романтизме [6; 7]. Автор считает романтизм в литературах этих народов особым видом романтизма, сложившимся в условиях ускоренного развития литератур и тесно взаимосвязанным с борьбой за национальное освобождение [7, с. 12—15].

Венгерский историк Э. Нидерхаузер [8] строит «модель» национального возрождения, основанную на общности исторического, социально-экономического и политического развития армянского народа и народов Восточной Европы. Автор затрагивает некоторые вопросы типологического сходства в формировании национальных культур этих народов. Однако как самостоятельная эта проблема им не ставится. По мнению Нидерхаузера, культурный этап национального возрождения лишь подготавливает высший — политический этап национальных движений [8, с. 276].

Целью настоящей статьи является сопоставительное рассмотрение армянской и сербской культур второй половины XVIII и большей части XIX в., периода их формирования как культур национальных. Нас интересуют прежде всего развитие образования и общественной мысли, становление национальных литературных языков, отдельных видов искусства, ибо здесь наиболее полно раскрываются особенности формирования национальных культур. Особо важны вопросы литературы, ставшей самым ярким выразителем и проводником идей национального возрождения. Типологический анализ формирования армянской и сербской национальных культур позволит выявить общие закономерности в становлении национальных культур народов различных регионов, борющихся в XVIII—XIX вв. за свою независимость.

Важной особенностью истории армянского и сербского народов конца XVIII в. были политическое угнетение, отсутствие собственной государственности и этническая разобщенность. Сербский народ оказался разделенным между Османской и Австрийской империями, часть сербов находилась под властью Венецианской республики. В Османской империи сербы подвергались жестокому национальному, социальному и религиозному гнету со стороны турецких феодалов. В Воеводине же, несмотря на притеснения австрийских властей, они обладали некоторыми правами внутреннего самоуправления, самостоятельной церковной организацией, возможностями, более благоприятными для становления сербской национальной культуры.

Западная Армения также входила в это время в состав Османской империи, а Восточная Армения — в состав Персии. Невыносимые политические условия, в которых оказался армянский народ, деспотизм двух отсталых мусульманских монархий, отсутствие элементарных прав угроза полного физического уничтожения вынуждали значительную часть армянского народа покидать родину и искать убежища в других странах. Так возникали армянские поселения (или колонии) в странах Западной Европы, Ближнего Востока, в России, в Индии. Спецификой социально-экономического, политического и культурного развития явилась его неоднородность: «в то время как на родине под свинцовым гнетом турецкой и персидской военно-феодалных систем армянский народ жил в условиях азиатского натурального хозяйства, в армянских колониях, находившихся на оживленных путях мировой торговли, начинает развиваться промышленный капитал и на его экономической основе — армянская культура: создаются школы, типографии, периодическая печать» [9, с. 16].

Культурная общность армян и сербов существовала еще в раннем средневековье. Тогда обе эти культуры развивались в русле византийских традиций, а после османского завоевания в них проникли значительные элементы культуры народов Востока. Типологическое сходство в развитии этих культур усиливалось тем, что армяне и сербы на протяжении веков вели борьбу против османских поработителей, опираясь на помощь России.

Вместе с тем формирование армянской и сербской национальных культур отмечено и существенными различиями. Сербская культура во второй половине XVIII в. — первых десятилетиях XIX в. развивалась, в основном, на территории Австрийской империи, в непосредственной близости от Сербии; становление же армянской происходило в разбросанных по разным странам колониях, что очень осложняло процесс создания общенациональной культуры.

Основой формирования как армянской, так и сербской культур стало распространение национально-просветительской идеологии. Просветительство явилось начальным этапом культурного возрождения армян и сербов. Важной особенностью просветительской культуры был рационализм, стремление с позиций «здорового разума» содействовать просвещению и образованию народа. В то же время в условиях инационального гнета просветительство было неразрывно связано с освободительными движениями, стимулировало рост национального самосознания. «На раннем этапе просветительское движение и национально-патриотическая идеология (что особенно характерно для раннего этапа национального возрождения), — пишет В. И. Злыднев, — соседствуют или дополняют одна другую, а далее идет обособление отдельных сфер (или областей) культуры, большее выявление национальных особенностей, создание значительных духовных и художественных ценностей в культуре» [10].

В силу более благоприятных условий историко-культурного развития сербов в Австрийской монархии, центрами сербской культуры в середине XVIII — 20—30-х годах XIX в. стали Вена, Пешт и города Воеводины. Крупнейшими представителями сербского просветительства на рубеже веков были Д. Обрадович (1740—1811) и его последователи Й. Мушкачич, Э. Янкович и др. В произведениях Д. Обрадовича «Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича, названного в монастыре Досифеем, им самим написанная и изданная» (1783—1788), «Советы здравого разума» (1784), «Этика» (1803) и других, проникнутых идеями выдающихся западноевропейских мыслителей эпохи Просвещения, содержится призыв к просвещению, совершенствованию «здорового разума», преодолению неграмотности и невежества. В этом Обрадович видел залог возрождения и самоутверждения сербского народа: «Славная славяносербская нация в Сербии, Боснии, Далмации с Герцеговиной, когда ты ум наукой просветишь и соединишь с просвещенной добродетелью, избраннее нации над тобой не будет!» [11, с. 551]. Распространение просветительских идей привело к развитию светского образования у сербов — открылись гимназии в Сремских Карловцах (1791), Новом Саде (1810), Вршаце (1822). В Вене печатались первые сербские газеты — «Сербския новины» (1791—1792), «Славенно-сербския ведомости» (1792—1794), «Новине сербске» (1813—1822). В просветительских целях с 1825 г. начинается издание литературно-научного журнала «Сербский летопис». В 1826 г. в Пеште было основано культурно-просветительское общество Матица сербская. Матица стала центром литературной, научной и издательской деятельности австрийских сербов.

Сербские просветители считали, что распространение просвещения приведет к освобождению сербского народа от чужеземного ига, к установлению демократических порядков. Приспосабливая теорию «естественного права» к интересам своего народа, они неразрывно связывали идеи просвещения и национального освобождения, пробуждали чувство национальной гордости и национального самосознания. Многие просвещенные сербы Австрийской империи, в том числе Д. Обрадович, приветствовали сербские восстания против османского ига и переезжали в Сербию, чтобы продолжить там просветительскую деятельность.

Иначе складывался просветительский этап армянского национального возрождения. К середине XVIII в. в крупных армянских поселениях Индии и России возникает прослойка торговой буржуазии, получающая большие доходы от транзитной торговли. «Исторически армянская буржуазия складывалась преимущественно вне собственно Армении, — пишет А. Б. Хачатурян, — но передовые ее слои были тесно связаны со своим народом, стремились содействовать делу уничтожения колониального ига своей родины и направить ее по капиталистическому пути развития» [12, с. 5]. Особое значение приобрела деятельность индийских армян И. Эмина (1726—1809), М. Баграмяна, Ш. Шаамиряна (1723—1799) и их сторонников в 70—80-е годы XVIII в. Вдохновленные просветительскими и национальными идеями, они создали целую программу последующего разви-

тия независимого армянского государства, установления в нем демократических порядков¹.

Армянские мыслители сознавали, что освобождение Армении от чужеземного ига невозможно без просвещения народа, пробуждения национального самосознания, воспитания в духе высокой нравственности. «Без науки, просвещения нет наций, и те, кто игнорирует это, слепы и несчастны», — писал в 1792 г. в своей «Жизни и приключениях» И. Эмин [12, с. 15]. Эту же цель преследовал выход в свет первого армянского журнала «Аздарар» («Вестник», Мадрас, 1794—1796). В 1815 г. в Москве основывается Лазаревский армянский институт восточных языков, сыгравший значительную роль в истории армянской культуры и армяно-русских связей. Институт был не только центром школьного образования восточных армян, но и культурно-просветительской организацией, издававшей книги (с 1829 г.) и объединявшей видных представителей армянской науки и культуры.

Еще одним центром армянского просветительства стали основанные в 1717 г. в Венеции и в 1811 г. в Вене католические конгрегации мхитаристов. Их создание преследовало цели распространения влияния католичества на армянский народ. Однако в то же время члены конгрегации, выходяцы из Западной Армении, сознавали, что только учитывая потребности армянской действительности, развивая национальную культуру, они могут завоевать широкие народные массы.

В процессе формирования национальных культур важное место принадлежало становлению исторической мысли. В 1784—1786 гг. в Венеции была издана трехтомная «История Армении» М. Чамчана (1738—1823). Чамчан создавал свой труд на основе многочисленных древних армянских рукописей и иностранных источников, многие из которых ранее не были известны. Особое внимание он отводил тем периодам армянской истории, когда в Армении существовала государственность, обстоятельно освещая освободительные войны армянского народа против иноземных захватчиков. Вместе с тем, будучи членом католической конгрегации, Чамчан уделяет большое внимание религиозным вопросам, идеализирует деятельность церкви и господствующих классов.

Крупнейшим явлением сербской историографии стала «История разных славянских народов, наипаче Болгар, Хорватов и Сербов» Й. Раича (1726—1804), изданная в Вене в 1794—1795 гг. Проникнутая просветительскими и патристическими идеями, «История» Раича свидетельствовала о существовании в средневековье могучего сербского государства, о героической борьбе сербов против османского ига, призывала к единству все южнославянские народы. Раич использовал только сербские источники, что привело к односторонности его выводов и чрезмерной идеализации национальной истории. «Его история — это не наука, — писал Й. Скерлич, — а красивое, утешительное, ободряющее прославление национального прошлого, которое должно дать народу силу в борьбе за настоящее и надежды на будущее» [13]. Труды М. Чамчана и Й. Раича стали предвестниками зарождения исторической науки у армян и сербов соответственно, означали переход от феодально-религиозного мировоззрения к историческому мышлению нового времени. В условиях политического угнетения они способствовали повышению роста национального самосознания, воспитывали дух патриотизма, гордость за свой народ.

В середине XVIII — первых десятилетиях XIX в. как в армянской, так и в сербской действительности имела место сложная языковая ситуация. У сербов бытовали три типа литературного языка: русско-славянский (или славяно-сербский язык), т. е. разновидность русского языка XVIII в., церковнославянский и народно-сербский [14]. Господствующим языком армянской письменности был грабар — древнеармянский язык. Однако он использовался высокообразованными людьми, преимущественно духовенством, и не был доступен массе армянского народа. Это тор-

¹ Эта программа отражена в сочинениях М. Баграмяна «Новая тетрадь, называемая увещанием» (1773) и Ш. Шаамиряна «Западня честолюбия» (1778).

мозило развитие национальной культуры, являлось препятствием для формирования новой литературы. Единственным выходом из этой ситуации являлось создание общенационального литературного языка на народной основе. «Пока какой-либо народ не имеет книг на своем родном языке, — писал Д. Обрадович, — он вынужден пребывать в темноте ума и варварстве и все к худшему преуспевать» [11, с. 284]. Ш. Шаамирян в «Западне честолюбия» утверждал, что без единого общепонятного языка не может быть никакого просвещения и национальной культуры [12, с. 26].

В эпоху национального возрождения формируется новый тип художественной культуры. В силу ряда исторических обстоятельств как армянская, так и сербская литературы развивались по «ускоренному типу», проходя за сравнительно короткий промежуток времени те стадии литературного процесса, которые в более развитых литературах занимали длительное время. Это приводит к тому, что «появляются структуры, нарушающие основы той или иной доминантной в данный период стилистической формации» [15], возникают и сосуществуют различные, порой даже противоположные художественные направления, смешиваются различные жанры, возникает их симбиоз. Поэтому путь, пройденный литературами национального возрождения, представляет своего рода особое литературное направление, важнейшую особенность которого составляет его относительная художественная нерасчлененность [16]. Тем не менее все эти элементы подчиняются единой цели создания новых литератур, вовлекаются в процесс так называемого «центростремительного национального синтеза» [17].

Основой новой армянской литературы и ее ведущего направления — классицизма — стало восстановление и изучение памятников древнеармянской письменности. Это во многом определило самостоятельный, национальный характер армянского классицизма, который «внес национально-патриотическое содержание в литературу, поднял понятие родины до уровня эстетического идеала» [18, с. 159]. Исторические трагедии Г. Аветикяна («Ваан Мамиконян», 1792), А. Багратуни («Ерванд II», 1815), П. Минасяна («Миридат», 1829; «Смбат I», 1845) и другие являлись литературными обработками сюжетов из исторических сочинений древнеармянских писателей. Призывами к активной просветительской деятельности, к вооруженной борьбе с угнетателями пронизана поэзия О. Ванандеци («Солнце Армении», «Арменция»). В героико-эпической поэме А. Багратуни «Хайк-богатырь» (30-е годы XIX в.) воспеваются подвиг легендарного прародителя армян Хайка, сразившего в бою захватчика ассирийца Бела.

Творчество ряда сербских поэтов было также проникнуто патриотическим пафосом, национальная тематика у них отражалась в классицистических и сентиментальных формах («Песнь на восстание сербов» Д. Обрадовича, «Бой змея с орлами» Й. Раича, «Голос патриота» Л. Мушицкого, романы М. Видаковича и др.). Влияние поэтики классицизма ощущается и в поэзии С. Милутиновича, особенно в героико-эпической поэме «Сербиянка» (1826), ставшей поэтическим памятником героизму сербского народа, восставшего против османских завоевателей. На темы из сербской истории писали трагедии в классицистическом духе С. Стефанович («Смерть Уроша V», 1825), Л. Лазаревич («Владимир и Косара», 1829), Й. Стерия Попович («Милош Обилич, или Бой на Косовом поле», 1828; «Смерть Стефана Дечанского», 1841).

В изобразительном искусстве и архитектуре намечается разрыв с традициями церковного искусства и постепенный переход к светскому мировосприятию. Классицистические тенденции в армянской живописи конца XVIII — первых десятилетий XIX в. связаны с творчеством М. Овнатяна и А. Овнатяна, обучавшихся в Петербургской академии художеств. В портретах госпожи Теумян и католикоса Нерсеса V кисти А. Овнатяна при некоторой строгости форм чувствуется стремление полнее передавать сложную психологию личности. Сильное влияние русского классицизма ощущается в облике армянских церквей Москвы и Петербурга, а также здания Лазаревского армянского института в Москве, хотя в то же

время намечается тенденция к возрождению традиционных форм армянской средневековой архитектуры. На творчество сербских художников А. Теодоровича («Портрет Д. Обрадовича», 1794), П. Джурковича («Князь Милош», 1824) оказал влияние австрийский классицизм. Австрийское влияние наблюдается также в сербской городской архитектуре, в то время как культовое зодчество возвращается к формам византийской архитектуры.

Просветительское движение сыграло важную роль в подъеме культурной жизни армянского и сербского народов и привело на этом историческом этапе к типологической общности как отдельных областей культуры, так и национальных культур в целом.

Начало XIX в. ознаменовано новым этапом освободительного движения сербского народа, переходом к политическим формам борьбы за национальное освобождение. В 1804—1813 и 1815 гг. в Сербии вспыхнули два мощных восстания против османского господства. После русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и Адрианопольского мирного договора 1829 г. Турция была вынуждена признать автономию Сербии, провозгласив ее вассальным княжеством. Образование Сербского княжества имело решающее значение для исторических судеб сербского народа. Политическая самостоятельность способствовала развитию культурной жизни сербов, явилась важным фактором формирования сербской нации. В 20—40-е годы XIX в. центр культурной жизни сербов постепенно перемещается из Воеводины в Сербию. В 1831 г. в Белграде открывается гимназия, а в 1838 г. — лицей, в 1841 г. образуется «Общество сербской словесности», возникают типографии, появляются периодические издания, открывается театр (1834).

Важным событием в истории армянского народа стало добровольное вхождение Восточной Армении в состав России по окончании русско-персидской войны 1828 г. Оно избавило армянский народ от угрозы полного физического уничтожения, создало благоприятные условия для его культурного развития, навсегда связало армянский народ с русским народом и его культурой. Возникают новые культурные очаги как в самой Армении (Ереван, Александринополь, Шуша), так и на Кавказе (Тифлис, Новый Нахичеван) — Нерсисяновское училище (1824), типография, театральные труппы, газета «Ковкас» (1846) в Тифлисе, уездное училище (1832), епархиальная школа (1837) в Ереване. Оживление культурной жизни, связанное с реформами 1830-х годов в Османской империи наблюдается и в Западной Армении. Крупным центром армянской культуры становится Константинополь.

Подъем сербского национально-освободительного движения в начале XIX в., рост национального самосознания и распространение просветительских идей в Сербии способствовали формированию личности Вука Стефановича Караджича (1787—1864) — выдающегося сербского просветителя, общественного деятеля, филолога, фольклориста, историка, этнографа, ставшего символом сербского национального возрождения. В творчестве, эстетических взглядах, научной деятельности В. Караджич опирался на народное сознание, расширяя представление о сербском народе как носителе национального самосознания, национальных традиций, национального языка. «Для каждого народа самыми священными являются три вещи: вера, язык и обычай, — писал Караджич. — Ими народы друг с другом рождаются и друг от друга отличаются. Если народ утратит эти три святости, он утратит и имя» [19]. Стремление Караджича утвердить народное начало в сербской культуре особенно ярко и полно проявилось в его языковой деятельности. Сербский ученый считал язык главным признаком самобытности своего народа: «Что в нашем языке не является народным, это не является и сербским» [13, с. 260]. Последовательно придерживаясь этого принципа, Караджич осознал необходимость полного разрыва со славяносербским языком и боролся за создание сербского общенационального литературного языка на основе восточно-герцеговинских говоров штокавского диалекта и за реформу правописания, основанную на фонетическом принципе. Теоретически реформы Караджича были обоснованы в «Грамматике» (1814), «Сербском

словаре» (1818), в критических и полемических статьях («Письма о сербском языке и правописании», 1845 и др.), а также в работе филолога Дж. Даничича «Борьба за сербский язык и правописание» (1847). Караджич не ограничился языковыми реформами, но и дал блестящий образец народного языка в переводе «Нового Завета» (1847), завершившем теоретическую разработку концепции литературного сербохорватского языка [20].

Другим важным аспектом творческой деятельности Караджича стало собирание и изучение народного творчества, концентрировавшего в себе многовековые традиции, обычаи, чаяния сербского народа². Народные песни, воспевающие героизм и мужество простого народа, поднявшегося на борьбу с угнетателями, «духовно связывали сербов всех слоев на огромной территории от Котора до Будима. Уже в XVIII в. народная эпика становится объединяющей силой сербской нации, а в начале следующего столетия она выдвигается как центральная национальная литература» [21, с. 15]. Принимая идеи немецкого просветителя И. Г. Гердера о проявлении «национального духа» в народной поэзии, Караджич видел в народной поэзии высокие художественные достоинства и совершенные поэтические формы, которые, по его мнению, должны послужить образцом для создания национальной литературы.

Народное творчество и национальные традиции стали основой формирования романтического метода в сербской литературе 40-х годов XIX в. Под воздействием национально-освободительной борьбы сербов против османских завоевателей написана драматическая поэма выдающегося черногорского поэта и государственного деятеля Петра II Петровича Негоша (1813—1851) «Горный венец» (1847), воспевающая героизм и мужество черногорского народа, поднявшегося в конце XVII в. на борьбу с потурченцами³. Центральный образ поэмы — владыка Данило — явился выразителем патриотических настроений и просветительских идеалов Негоша. Истоки поэмы связаны с героическими жанрами народной поэзии, она пронизана народным сознанием, фольклорными элементами. Не случайно «Горный венец», открывающийся трагическими картинами гибели сербского государства, завершается оптимистическим жизнеутверждающим народным танцем «коло», символизирующим победу сил добра и свободы. Сербский литературовед М. Попович считает творчество Негоша проявлением начального этапа сербского романтизма — фольклорно-героического [21, с. 39—48].

Связь с народно-поэтической традицией проходит через все творчество Б. Радичевича (1824—1853), первого сербского поэта-романтика. В его лирике преобладают мотивы возвышенных чувств, недовольства окружающей действительностью («Горе и воспоминание», «Когда я собирался умереть» и др.). Вместе с тем в лирической поэме «Расставаше со школьными друзьями» (1847) Радичевич утверждает единство и братство югославянских народов, уверенность в их скором освобождении.

Выдающуюся роль в формировании армянской национальной культуры сыграло творчество Хачатура Абовяна (1809—1848) — просветителя-демократа, писателя, педагога, филолога, этнографа, историка. Оно опиралось на многовековые культурные традиции армянского народа, развивалось под сильным влиянием героической борьбы армян за свою независимость. Абовян горячо приветствовал освобождение Восточной Армении, видя в этом залог свободного развития армянской культуры, ее сближения с русской демократической культурой. Основой самобытности армянской культуры Абовян считал народный язык и народные традиции: «Каждый народ зиждется на языке и вере. Если и их потеряем — горе нам!» [22]. Он утверждал, что народ неотделим от языка,

² Первые сборники сербских народных песен Вука Караджича издаются в Вене в 1814 и в 1815 гг. В 1823—1833 гг. Караджич выпустил четыре книги «Сербских народных песен», а в 1841—1862 гг. в типографии армянской конгрегации мхитаристов в Вене были напечатаны четыре книги их второго издания.

³ Становление сербской и черногорской национальных культур в первой половине XIX в. представляло единый взаимосвязанный процесс.

а язык — от народа. Только использование языка на народной основе — ашхарабара — в качестве общенационального литературного языка могло, по мнению Абовяна, возродить армянскую культуру: «Как бы древнеармянский язык и ни был развит по своему необычайному богатству, по своему совершенству и литературной ценности, тем не менее этот язык — единственная препятствующая причина того, что бедный народ до сих пор оставался без средств развития» [23]. Необходимость введения в литературу народного языка на основе диалекта жителей Араратской долины была теоретически обоснована в его работе «Предтропие образования» (1839), в предисловии к роману «Раны Армении» (1841).

В своей литературной деятельности Абовян всецело опирался на народные традиции: «Сколько предметов, сюжетов, сколько тем имеет Армения, которые могли бы послужить высочайшему взлету поэзии. Жизнь армян, их образ мышления, их история, их положение, их райские песни, их воспоминания о деяниях и событиях замечательных времен полны образами, подобные которым можно встретить у немногих народов...» [18, с. 173]. Вершиной творчества Абовяна стал знаменитый роман «Раны Армении» (1841), в котором отражены события русско-персидской войны 1826—1828 гг. Устами главного героя романа Агаси писатель выразил собственные раздумья и мечты о будущем своего народа, патриотические чувства и настроения. Абовян первым в армянской литературе создал образ национального героя, отличающегося свободолюбием, готовностью пожертвовать собой во имя народа. В романе преобладает живая, народная разговорная речь, он насыщен фольклорными элементами — народными песнями, пословицами, легендами, и в то же время в авторских отступлениях ставятся вопросы об использовании народного языка в литературе, намечается программа просветительской деятельности в освобожденной Восточной Армении. Несмотря на общую романтическую направленность произведения, можно встретить и реалистические описания быта, нравов и обычаев армян, элементы социальной критики. Роман заканчивается торжественным прославлением подвига армянского народа, утверждением его счастливого будущего в единстве с русским народом.

Таким образом, 20—40-е годы XIX в. стали переломными в развитии как сербской, так и армянской национальных культур. Они отмечены появлением нового типа деятеля культуры, сочетавшего широкие знания, разносторонность интересов, целеустремленность, творческую активность с глубокой любовью к своему народу, стремлением создать подлинно народную, национальную культуру. Творчество В. Караджича и Х. Абовяна было проникнуто духом демократизма, впервые утверждало принцип народности как основу становления национальной культуры. Наиболее ярко это проявилось в их языковой деятельности, направленной на создание литературных языков на народной основе. Караджич и Абовян ввели форму народного сознания в художественную культуру, сыграли большую роль в становлении новой исторической науки, этнографии, эстетической мысли. Идеи В. Караджича и Х. Абовяна стали основой дальнейшего развития национальных культур армянского и сербского народов.

В художественной культуре в эти годы возникают романтические тенденции с сильным национально-патриотическим пафосом, утверждает массовый народный героизм в борьбе за освобождение родины, складывается образ национального героя. Однако романтизм еще не сформировался в этих литературах как самостоятельное художественное направление, он переплетался с классицистическими и сентиментальными течениями, с формами народного творчества, образуя множество переходных и смешанных явлений. Происходил, по словам И. Г. Неупокоевой, «симбиоз» просветительно-романтической художественной формы [7, с. 18], это было присуще не только сербской и армянской литературам в целом, но и творчеству отдельных писателей (Абовян, Негош).

В 50—70-е годы XIX в. происходит дальнейшее развитие как сербского, так и армянского национально-освободительного движения, свя-

занное с необходимостью освобождения земель, еще находившихся под игоземным игом. Освободительное движение сербов приводит к созданию в 1866 г. в Новом Саде общественно-политической и культурно-просветительской организации «Объединенная сербская молодежь» (Омладина). Западноармянская общественность развернула борьбу за утверждение «Национальной конституции», за автономное самоуправление Западной Армении, получившую название «конституционного движения». В 1862 г. вспыхнули мощные народные восстания армян в Зейтуне и сербов в Герцеговине. Большую роль в подъеме национально-освободительных движений этих народов сыграли сербо-турецкие и русско-турецкая войны 1877—1878 гг., в результате которых на Берлинском конгрессе была провозглашена независимость Сербии, а к России были присоединены армянские земли Карса и Ардагана.

В то же время с развитием буржуазных отношений и в сербском, и в армянском обществе усиливаются социальные противоречия, что приводит к классовой дифференциации, возникновению различных партий и группировок. В 60-е годы XIX в. формируются революционно-демократические течения, выражавшие интересы трудящихся масс и демократически настроенной интеллигенции. Вождем армянской революционной демократии стал М. Налбандян (1829—1866), а во главе сербских революционеров-демократов стоял С. Маркович (1846—1875). Их целью являлось освобождение своих народов не только от национального, но и от социального гнета путем революционной борьбы и национально-освободительных движений всех угнетенных европейских народов. Революционеры-демократы стремились к созданию подлинно народной, демократической культуры, разрабатывали вопросы реализма в литературе и искусстве. «Правдивая и верная жизни литература — зеркало, — писал Налбандян, — в котором отражается жизнь народа. И как ценно то зеркало, которое верно отражает образ поставленного перед ним предмета, так же ценна литература, верно отражающая жизнь и образ народа» [24]. Маркович считал, что литература должна «изображать только то, что действительно полезно обществу: поднимать и разрешать современные вопросы, изображать истинную народную жизнь с точки зрения современной науки, одним словом, и по мысли, и по чувствам быть современной» [25].

В 50—70-е годы XIX в. происходит дальнейшее развитие сербской национальной культуры. В Белграде создается Народная библиотека (1853). В 1863 г. открывается Высшая школа, в 1864 г. возникает Сербское ученое общество. В эти годы издается большое число книг, выходят разнообразные периодические издания, отражавшие интересы различных политических течений. В 60-е годы открываются первые сербские общенациональные профессиональные театры — Сербский национальный театр в Новом Саде (1861), Национальный театр в Белграде (1869), создается Музыкальное общество в Белграде (1853). Большим завоеванием сербской культуры в эти годы стало официальное признание языковых реформ Вука Караджича в 1868 г. в Сербии и в 1871 г. в Воеводине.

Особенностью развития сербской художественной культуры на этом этапе стало утверждение народных и национальных идеалов во всех областях культуры, обогащение ее содержания, разнообразие художественных форм и методов.

Пафосом национальной героики и свободолюбия проникнуты последние произведения Б. Радичевича — поэмы «Могила гайдука», «Гойко», «Отмщение» и др. В творчестве Д. Якшича (1832—1878), поэта, прозаика, драматурга, художника, в поэзии Й. Йовановича Змая (1833—1904), по-своему ставится характерная для романтизма проблема личности и общества — только свобода для всего народа может привести к свободе личности. Отсюда глубокая эмоциональность и драматичность сербского романтизма, его высокая гражданственность и обостренное чувство патриотического долга перед своим народом. «Встань, живи, борись, не падай духом!» — вот девиз сербской литературы в 50—70-е годы, выраженный Змаем в программном стихотворении «Поэт и песни». В эти годы

национальные идеалы утверждаются в поэзии («Отчизна», «Падайте, братья», цикл «Райя» и другие Дж. Якшича; «Сербская молитва», «Светлые могилы», «Смерть гуслияра» Й. Змая и др.), прозе (исторические повести Дж. Якшича и Ч. Миятовича), драматургии («Станое Главаш» Дж. Якшича, «Максим Черноевич» Л. Костича и др.), изобразительном искусстве («Портрет Вука Караджича» Д. Аврамовича, «Смерть Карагеоргия» Дж. Якшича, «На Косовом поле» Дж. Крстича и др.). Усиливается интерес к народному творчеству, причем на этом этапе используются те фольклорные мотивы и образы, в которых проявляется героическое начало. Этим подчеркивается преемственность освободительных движений, объединяются прошлое и современность.

В то же время в незаконченной поэме «Безымьяная» Б. Радичевича, в описании трагических событий революции 1848 г., проявляются реалистические тенденции. По мере углубления социальных противоречий, под влиянием революционно-демократических идей сербские писатели все чаще обращаются к анализу социальных проблем. В политической сатире Змая остро критикуются насилие и произвол, царящие в монархической Сербии («Новые выборы в Сербии»), он высмеивает обывательские нравы («Песенка наилояльнейшего гражданина»). Одновременно в творчестве Змая и Якшича находит отражение тяжелое положение сербского крестьянства и городской бедноты, их бесправие и нищета. В 1860 г. выходит первый реалистический роман в сербской литературе «Милан Наранджич» Я. Игнятовича, осуждавший социальную несправедливость в сербском обществе.

Становление армянской национальной культуры в 50-е годы XIX в. ознаменовано острой дискуссией о литературном языке, о путях дальнейшего культурного развития. Подъем национально-освободительного движения, издание в 1858 г. романа Х. Абовяна «Раны Армении», творчество М. Налбандяна и его соратников (С. Назарянц, А. Свачян и др.) способствовали развитию национальных идей, их утверждению во всех областях культуры. В 1861 г. в Константинополе открывается первый армянский национальный «Восточный театр», в 1863 г. создается тифлисский армянский театр, издаются многочисленные периодические издания, книги, возникают литературные, музыкальные, культурно-просветительские общества.

Утверждение национально-патриотических, романтических настроений в армянской поэзии связано с творчеством Г. Алишана (1820—1901). В стихотворении «Вершины Масиса», поэме «Аварайрский соловей» звучит страстный призыв к восстанию против османских поработителей. Идеалам борьбы и свободы посвятил свою лиру С. Шахазиз (1840—1907). Герой его поэмы «Скорбь Левона» готов отдать жизнь служению родине, избавить ее от страданий. Вершиной патриотической лирики М. Пешикташляна (1826—1868) явился цикл «Зейтунских песен», прославляющих героизм и мужество защитников Зейтуна. В произведениях Р. Патканяна (1830—1892) оживают героические страницы средневековой армянской истории («Смерть храброго Вардана Мамиконяна»), отражается подъем национально-освободительного движения в 70-е годы («Слезы Аракса», цикл «Вольные песни»). Армянская патриотическая поэзия ставит вопрос о долге поэта перед своим народом, возвеличивает подвиг во имя народной свободы. «Сначала гражданин, а затем поэт», — писал в стихотворении «Поэт, материалист и гражданин» С. Шахазиз. Одним из самых ярких проявлений гражданственности и патриотизма стало стихотворение М. Налбандяна «Свобода». В исторических романах Церенца («Торос, сын Левона») и Раффи («Хент», «Искры») утверждается тип национального героя — пламенного борца за народные идеалы. Национальная тематика присуща работам художника С. Нерсисяна (портреты М. Маштоца и С. Партева), на основе народных мелодий создана первая армянская национальная опера «Аршак II» (1868) Т. Чухаджяна.

Вместе с тем армянские писатели проявляют возросший интерес к социальным проблемам, отражают процесс изменения нравов и идеалов в буржуазном обществе. Р. Патканян в своих сатирических стихах

высмеивает лжепатриотов и обывателей с их безразличием к положению родного народа («Армянка, воспитанная в столице», «Безвредный человек»). В комедиях Г. Сундукяна («Хатабала», «Пепо») и А. Пароняна («Дядя Багдасар») осуждается лживость и корыстность буржуазного общества, разоблачается социальная несправедливость. Ломке патриархальных устоев в деревне, тяжелому положению бедноты посвящены романы П. Прошяна («Сос и Вардигер») и Г. Агаяна («Арутюн и Манвел»).

50—70-е годы XIX в. явились этапом утверждения как армянской, так и сербской национальных культур. На этом этапе окончательно оформляются национальные художественные концепции, новые эстетические принципы. Происходит утверждение народного языка как литературного, национальным содержанием наполняются все области художественной культуры, принцип народности становится основой ее дальнейшего роста и обогащения. Подъем национально-освободительного движения армянского и сербского народов приводит к формированию типа писателя-гражданина, патриота, посвятившего свое творчество идеалам борьбы и свободы родного народа, складывается романтический метод в литературе и искусстве. Одновременно углубление социальных противоречий и распространение революционно-демократической идеологии способствует формированию реалистического направления. Возникает симбиоз нового типа — взаимопереплетение и взаимодействие романтического и реалистического направлений.

Таким образом, к концу 70-х годов XIX в. в основном завершается формирование сербской и армянской культур как культур национальных, отражающих важные процессы развития всей нации.

Сходство исторического, социально-экономического и общественно-политического развития армянского и сербского народов на протяжении с середины XVIII до 70-х годов XIX в. определило типологическую близость в становлении армянской и сербской культур как на каждом из этапов национального возрождения, так и в эту эпоху в целом. Такая близость создавала благоприятные условия для возникновения непосредственных армяно-сербских культурных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.
2. Мьяльников А. С. Комплексное изучение проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму». — В кн.: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: итоги и перспективы исследований. М., 1979, с. 64.
3. Дьяков В. А. Эпоха «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе: социальное содержание, периодизация, пути исследования. — В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 28.
4. Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Praha, 1960.
5. Hroch M. K otázce územní skládky národního hnutí. — Československý časopis historický, 1971, № 4, s. 513—536.
6. Пейулкоев И. Г. Общие черты европейского романтизма и своеобразие его национальных путей. — В кн.: Европейский романтизм. М., 1973.
7. Пейулкоев И. Г. О типах романтической литературы. — В кн.: Неизученные страницы европейского романтизма. М., 1975.
8. Нидерхаузер Э. Армянское освободительное движение и национальные движения возрождения в Восточной Европе. — В кн.: Из истории армяно-венгерских исторических и культурных связей. Ереван, 1983, с. 272—311, 313 (на арм. яз.).
9. История новой армянской литературы. Т. I. Ереван, 1962 (на арм. яз.).
10. Злыднев В. И. Некоторые аспекты изучения проблем формирования национальных культур. — В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, с. 15.
11. Обрадович Д. Сабрана дела. Књ. I. Београд, 1961.
12. Хачатурян А. Б. История прогрессивной армянской философской и общественно-политической мысли конца XVIII — середины XIX века. М., 1973.
13. Скерлий Ј. Историја нове српске књижевности. Београд, 1967, с. 68.
14. Толстой Н. И. Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX века. — В кн.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 269—270.
15. Flaker A. Književne poredbe. Zagreb, 1968, s. 13.

16. Горский И. К., Доронина Р. Ф., Чемоданов М. Г. Развитие литератур западных и южных славян в XIX в. и проблема литературных направлений.— В кн.: Славянские литературы. М., 1983, с. 294.
17. Никольский С. В. Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения.— В кн.: Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982, с. 103.
18. Налбандян В. С., Саринян С. Н., Агабабян С. Б. Армянская литература. М., 1976.
19. Карадич В. Критике и полемике. Нови Сад — Београд, 1960, с. 42.
20. Дмитриев П. А. Значение переводов Вука Караджича для формирования сербского национального самосознания.— В кн.: У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. М., 1984, с. 127.
21. Поповић М. Историја српске књижевности: романтизам. Књ I. Београд, 1968.
22. Абовян Х. Рапы Армени. Ереван, 1977, с. 28.
23. Абовян Х. Сочинения. Ереван, 1984, с. 473 (на арм. яз).
24. Налбандян М. Л. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1954, с. 283.
25. Маркович Св. Избранные произведения. М., 1956, с. 56—57.

ДМИТРИЕВ П. А.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ СЕРБОХОРВАТСКОГО/ХОРВАТОСЕРБСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В течение последних двадцати лет внимание многих славистов привлекают проблемы, связанные с историей формирования и современным состоянием сербохорватского/хорватосербского литературного языка. Среди работ, появившихся за это время, особое место занимают труды известных югославских лингвистов (Д. Брозович, З. Винце, Р. Катичич и др.), где на основе идей, разрабатываемых в рамках Загребского лингвистического кружка, в социолингвистическом плане исследуются история хорватской письменности, развития грамматической мысли и решения языковых вопросов во всех хорватских областях, начиная с XI в. Авторы этих работ, как нам кажется, справедливо исходят из того, что иллирийское движение с его несомненным и большим вкладом в общественно-политическую жизнь хорватского и других югославянских народов, а также в развитие культуры и языка хорватов, настолько захватило внимание отечественной (хорватской, позднее — югославской) и зарубежной научной общественности, что некоторые слависты до сих пор полагают, будто до иллиризма у хорватов не велись поиски путей упорядочения и нормирования языка литературы, графики, орфографии, не издавались словари, грамматики, различные пособия по языку, не создавались постепенные реальные предпосылки для возникновения самого иллиризма и общехорватского движения не только за экономическое и политическое, но и за культурное, языковое и литературное объединение. С этой точки зрения в новых исследованиях хорватских ученых ведется переосмысление и переоценка ряда, казалось бы, уже общепринятых в славистике взглядов, исправляются неточности, восполняются пробелы, имеющиеся в созданных ранее работах по истории письменности и литературного языка у хорватов (Т. Маретич, В. Ягич, А. Лескин и др.), сообщается ряд фактов мало известных, а порой и вообще не известных широкой научной общественности, делаются выводы и обобщения, призванные способствовать более адекватному освещению и пониманию истории сербохорватского литературного языка и становлению нормы литературного языка у хорватов¹. Практически предпринята попытка обосновать новую концепцию литературно-языкового процесса в Хорватии.

Критический пересмотр устоявшихся взглядов и создание новой концепции развития литературного языка у хорватов, конечно, требует анализа огромного фактического материала. Эта концепция должна быть обоснована рядом монографических исследований или выкристаллизоваться из них. Однако старые монографические исследования в большинстве

¹ Необходимость решения этой задачи отмечалась неоднократно. Так, например, С. Б. Бернштейн писал: «Нет сомнения, что мы должны осветить историю языковой ситуации у хорватов, ситуацию очень сложную и противоречивую, изложенную в ряде работ неудовлетворительно» [1].

своим отвергаются авторами новой концепции, так как в них, по их мнению, переоценивается значение иллиризма и односторонне излагается история литературного языка у хорватов, а новых монографий по отдельным периодам развития грамматической мысли у хорватов и истории языка (языков) хорватской литературы пока создано очень мало. Неудивительно поэтому, что некоторые положения новой концепции представляются на сегодняшний день недостаточно обоснованными и не в одинаковой степени убедительными.

В настоящей статье нам хотелось бы отметить лишь часть из таких положений (обсуждение всех не входит в нашу задачу). При изложении своих соображений мы будем опираться прежде всего на монографию З. Винце «Пути развития хорватского литературного языка» [2], в которой на большом фактическом материале рассматривается (с разной степенью глубины и документированности) история хорватской письменности и развития языка хорватской литературы с XI в. до начала XX в., причем основное внимание уделяется периоду иллиризма и постиллиризма в свете деятельности различных хорватских филологических школ. З. Винце с завидной фундаментальностью и тщательностью раскрыл факты, свидетельствующие об огромном вкладе хорватов в формирование не только западного варианта, но и всего сербохорватского литературного языка, являющегося общим достоянием хорватов, сербов, черногорцев и югославских мусульман². Однако в этой значительной по объему монографии не все положения кажутся нам достаточно аргументированными. Рассмотрим некоторые из них.

1. Основной пафос новой концепции состоит в утверждении положения о том, что уже в XVIII в. сформировался хорватский письменный новоштокавский язык, который в общем не изменился за последующие двести лет и в настоящее время является стандартным языком хорватов. Поэтому в языковом отношении XVIII в. важнее самого хорватского национального Возрождения (ср. [4, с. 51]). В книге З. Винце это положение конкретизируется следующим образом: «В середине XVIII в., в период, когда в пограничных хорватских областях наконец прекратились непрерывные войны, штокавский литературный язык, уже достаточно единообразный и на востоке, и на юге, начинает стандартизоваться» [2, с. 60]. По мнению З. Винце, эту начальную стандартизацию хорватского литературного языка «следует понимать в том смысле, что он все-таки не претерпел больших и существенных изменений в течение (последующих. — П. Д.) двух столетий, что его функция в то время в определенном смысле приближалась к поливалентности по отношению к тогдашним, а не более поздним или современным сферам культурной и общественной жизни» [2, с. 606].

Положение о постепенной стандартизации применительно к языку произведений хорватских писателей XVIII в. в принципе, несомненно, справедливо: стремление к общепринятости, осознание нормы и отклонений от нее в определенном языковом коллективе характерно для языка на любой стадии его развития (а тем более для языка литературы). Однако насколько правомерно говорить, как это делают З. Винце и другие авторы, о начальной стандартизации в середине XVIII в. всего хорватского литературного штокавского языка? Существовал ли в XVIII в. литературный язык общий для всех (или хотя бы для большинства) хорватов — штокавцев? Ни у З. Винце, ни в какой-либо другой работе мы не находим более или менее развернутой характеристики этого новоштокавского стандартного языка XVIII в. Нет единства и в терминологии. Так, например, Р. Катичич говорит, что в первой половине XVIII в. новоштокавский язык «двигался в направлении стандартизации» [4, с. 234], а во второй половине XVIII в. это был «слабо развитый стандартный язык», «молодой штокавский стандарт» [4, с. 235]. Д. Брозович считает, что в первой половине XVIII в. новоштокавский язык «был готов к стандартизации» [5, с. 39], а применительно ко второй половине XVIII в.

² Ср. опубликованные в нашей стране рецензии [3].

он пользуется терминами «язык в процессе стандартизации», «стандартизирующийся язык» [5, s. 41], «надрегиональный новоштокавский письменный язык» [5, s. 52] и, наконец, язык, который мы «только условно можем назвать стандартным языком» [5, s. 48]. Характерно, что З. Винце и другие авторы констатируют в хорватской литературной штокавщине того времени конкуренцию (и)екавского, икавского и (и)екавско-икавского идиомов, отсутствие единства в словообразовании, словоизменении, словоупотреблении и т. п. Какой из названных штокавских идиомов имеется в виду, когда говорят о том, что хорватский штокавский литературный язык в середине XVIII в. был «начально стандартизирован» [2, s. 606]? Интерпретация (и)екавско-икавской двойственности в XVIII в. как двух норм произношения и уподобление ее (и)екавско-экавской двойственности в восточном варианте современного сербохорватского литературного языка, как это делает Д. Брозович [5, s. 49], не представляется убедительной и доказательной: ведь в XVIII в. не действовал «принцип общей правильности», введенный в современном литературном языке В. Караджичем и обеспечивающий его фонетическое, грамматическое и структурное единство при наличии двух норм произношения.

В подтверждение тезиса о начальной стандартизации хорватского литературного новоштокавского языка в середине XVIII в. З. Винце, как и другие авторы, обращается к творческому наследию отдельных хорватских писателей того времени, отмечая, что язык некоторых из них близок современному литературному языку. Так, например, в книге говорится, что «Разговор угодни народа словинского» А. Качича Миошича (1756) следует рассматривать как произведение, которое, подобно «Библии» Лютера, обозначило поворотный момент в языковом и духовном развитии народа, а его язык — как основу уже обработанного и более совершенного хорватского литературного языка [2, s. 47]. К числу таких писателей автор относит и М. Рельковича.

Действительно, образцовые литературные произведения выполняли (и выполняют) функции кодификации, особенно в те периоды, когда в литературном языке не было кодификации в современном смысле слова. Несомненно велика в этом отношении роль литературного наследия А. Качича Миошича и М. Рельковича в XVIII в. Однако в книге З. Винце не показано, как и на каких писателей влияли в языковом отношении А. Качич Миошич и М. Релькович, распространялось ли это влияние на всю хорватскую (штокавскую) литературу или только на творчество их ближайших последователей, ибо единодушно принимать книги этих писателей и восхищаться ими (о чем пишет З. Винце) еще не значит считать образцовым их язык и руководствоваться их языковыми нормами в своей литературной практике. Никто из сторонников концепции создания у хорватов новоштокавского стандарта в XVIII в. не показал на конкретном материале, как формировались в XVIII в. и насколько широко функционировали общие нормы, графика, орфография, интеллектуальный словарь, терминология, поливалентная фразеология и другие элементы «цивилизационно-языковой надстройки» (по выражению Д. Брозовича [5, s. 17]), которые и могли бы объективно свидетельствовать о формировании надрегионального стандарта. Между тем, в научной литературе уже указывалось, что в языке близких А. Качичу Миошичу и М. Рельковичу далматинских и славонских писателей XVIII в. именно в отношении этой надстройки исследователями констатируются крупные и многочисленные расхождения: последовательности зачастую нет даже в произведениях одного и того же автора. Кроме того, отмечалось (см., например, [6]), что близким современному литературному языку является не язык А. Качича Миошича и М. Рельковича в целом, а лишь язык их отдельных произведений (что, разумеется, не ставит под сомнение большой вклад этих писателей в сербохорватский литературный язык).

Показательно, что сам З. Винце, придя к выводу, что язык хорватской литературы в середине XVIII в. уже был «начально стандартизированный», при характеристике этого же языка в XIX в. отмечает, что к началу пллиризма он не был цельным и однородным, не имел единых норм,

единообразия в словоизменении и словоупотреблении, общепризнанной графики и т. д. [2, с. 607]. Об этом же свидетельствуют и исследования других ученых. Так, например, Н. И. Толстой, характеризуя особенности развития литературного языка у сербов и хорватов в связи с историей сербской и хорватской литератур, пишет: «И в XVIII в., и в начале XIX в. у сербов не было крупных областных литературных очагов, как это можно было наблюдать у хорватов, имевших зародившуюся еще в XV в. чакавскую литературу (далматинская литература), кайкавскую, появившуюся в XVI в., и штокавскую, берущую начало с XV в. и имевшую несколько локальных центров: Босния (XVIII в.), Славония (XVIII в.) и др. Почти все эти областные литературы продолжали свое существование до начала XIX в., пользуясь по сути дела разными литературными языками» [7].

Все сказанное, как будто, в большей степени свидетельствует о том, что и во второй половине XVIII в. различия между региональными литературами и региональными штокавскими литературными языками в хорватских землях все еще были существенными. О хорватском литературном штокавском языке XVIII в. действительно можно говорить, по-видимому, лишь условно, имея в виду под этим названием не надрегиональный литературный язык, а совокупность нескольких региональных литературных языков, для которых общим являлось лишь то, что в основе их были штокавские (но разные) идиомы, в различной степени обработанные писателями. Следовательно, в XVIII в. шел процесс стандартизации не одного хорватского литературного языка, а нескольких региональных литературных языков, число которых постепенно сокращалось за счет экспансии (и)екавской штокавщины.

Надо полагать, что в XVIII в. для создания надрегионального штокавского литературного языка у хорватов еще не было и социально-экономических предпосылок: они были разобщены в административном, политическом и экономическом отношениях, выработка хорватского национального самосознания лишь начиналась. Об отсутствии такого языка свидетельствуют сами авторы XVIII в. Принципиально важной с этой точки зрения является подробно рассмотренная З. Винце книга Й. Шипуша «Основа торговли зерном» (1796), в предисловии к которой автор дает характеристику языковой разобщенности хорватов и обосновывает необходимость создания общего и единого литературного языка в интересах дальнейшего развития торговли на славянском юге. Эти идеи, изложенные в книге образованного представителя нарождавшейся хорватской буржуазии, убедительно свидетельствуют о том, что в основе все усиливающихся к XVIII в. устремлений хорватов к политическому, экономическому, административному, культурному и языковому объединению лежали не только и не столько представления об исконной этнокультурной и языковой общности хорватского населения, сколько потребности новых, буржуазных экономических отношений, все более крепнущих в хорватских землях, ибо, как писал В. И. Ленин, «единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота...» [8].

Об отсутствии в XVIII в. и даже в первой половине XIX в. у хорватов штокавского литературного стандарта свидетельствует и тот факт, что деятели иллирийского движения в своей языковой практике опирались не на какой-то общий, надрегиональный, уже стандартизированный (хотя бы в какой-то степени) новоштокавский литературный язык, а на конкретные региональные языки — сначала на язык славонской литературы, а затем на язык дубровницкой литературы, который был избран ими в качестве образца.

2. Сторонники новой концепции истории сербохорватского литературного языка, обвиняя своих предшественников в односторонности и переоценке заслуг иллиризма в решении языковых и литературных вопросов, впадают в другую крайность — недооценивают наднациональный характер иллиризма. В их интерпретации наднациональные вопросы опреде-

ляли лишь тактику представителей иллирийского движения (лозунги), в то время как сущность их стратегии (дела) составляло решение хорватских вопросов [5, s. 60]. Говоря о значении иллиризма в решении языковых и литературных вопросов, З. Винце, как и другие сторонники новой концепции, указывает, что представители иллирийского движения, создав новый алфавит, который с небольшими изменениями, внесенными позднее, используется и в наши дни, обеспечили объединение значительного числа югославян, пишущих латиницей; отказавшись от использования в литературе кайкавского диалекта, распространили на северо-западную Хорватию новоштокавский язык, уже употреблявшийся в литературе других хорватских областей, сделали этот язык общехорватским; коренным образом расширили сферы использования национального языка (при этом, кроме расширения издания художественной и научной литературы, имеются в виду такие события 1830—1840-х годов как начало издания «Даницы» и «Новин», открытие Народной читальни и Народного музея, начало национального театра, основание Матицы иллирийской, решение о создании в Загребской академии кафедры хорватско-славянского языка, признание народного языка «дипломатическим», т. е. официальным рабочим языком Сабора, введение изучения родного языка в хорватских гимназиях и т. д.) [2, s. 269—270]. Такая характеристика иллиризма представляется нам по меньшей мере односторонней и неполной.

Действительно, провозгласив необходимость создания литературного языка, общего для всех южных славян, представители иллирийского движения на практике такого языка не создали. Фактически они лишь реформировали графику и распространили на кайкавскую область употребление одной из разновидностей штокавщины, наметив общие (никак не регламентированные) контуры ее дальнейшей модификации за счет усиления старых форм словоизменения и словообразования, включения элементов из других славянских идиомов. Кайкавский и чакавский диалекты и все славянские языки (особенно чешский и словенский) для деятелей иллиризма были важнейшим источником пополнения недостающей лексики. В дальнейшем слияние избранной ими в качестве основы штокавщины с чакавским и кайкавским диалектами и элементами других славянских языков должно было обеспечить объединение всех южных славян посредством одного искусственного иллирийского языка. Язык, которым пользовались сами представители иллирийского движения, по-прежнему не был нормирован. Он не был единым и общим языком не только для всех южных славян, но даже для всех хорватов — по поводу языковой практики деятелей иллиризма и некоторых принципиальных языковых и орфографических решений, предлагавшихся ими, велась дискуссия в Славонии, Далмации, Лике, да и в самом Загребе. Необходимо, однако, подчеркнуть, что, избрав в качестве основы своего «иллирийского языка» (и)екавскую штокавщину, деятели иллирийского движения *сознательно обеспечили условия языкового и литературного объединения хорватов и сербов, условия создания общего литературного сербохорватского языка*. Таким образом, избрание именно (и)екавского новоштокавского диалекта основой «иллирийского языка» является наиболее значительным актом литературно-языковой программы, осуществленным во время иллиризма, с точки зрения не только национальных (хорватских), но и межнациональных (хорватско-сербских) отношений.

3. Односторонней представляется нам и характеристика деятельности Загребской филологической школы, которую дают ей сторонники новой концепции истории литературного языка у хорватов.

Так, например, З. Винце справедливо указывает, что основная работа по стандартизации языка хорватской литературы велась не деятелями иллирийского движения, а усилиями всех филологических школ уже в постиллирийское время. Наиболее авторитетной филологической школой в Хорватии в то время оставалась Загребская, представители которой продолжали отстаивать идеи иллирийского движения. Разумеется, и им не удалось реализовать идеалистические взгляды иллиров на искусственный единый язык. В XIX в. не было социально-экономических предпосы-

лок для политического, культурного, а тем более для языкового объединения южнославянских народов. Известно, что Ф. Энгельс, отрицательно относившийся к идеям искусственного языкового объединения славянских народов, в том числе и к идее представителей иллирийского движения, в свое время заметил, что общий славянский язык существует лишь «в фантазии гг. Палацкого, Галя и К³» [9].

Нереальность поставленной цели в конечном счете становилась очевидной и представителям Загребской школы. Большинство из них пересматривают свои взгляды: одни начинают открыто поддерживать В. Караджича (И. В. Ягич и др.), другие более осторожно формулируют конечную цель, ограничивают задачи, меняют свою стратегию (так, уже никто не говорит об объединении с болгарями; пожалуй, только один А. Вебер мечтает о языковом объединении со словенцами). В связи с этим З. Винце отмечает, что после того, как «широкие южнославянские концепции, в соответствии с которыми „иллирийским языком“ говорили и писали бы все южные славяне, отпали, она (Загребская школа.— П. Д.) практически стала только хорватским направлением. Стремясь создать общий южнославянский язык, она оформила литературный язык хорватской литературы и хорватской культуры на (и)екавской основе» [2, с. 611]. Это положение З. Винце, по нашему мнению, также нуждается в уточнении.

Действительно, выступив с пропагандой идеи языкового и литературного объединения всех южных славян, деятели иллиризма привлекли внимание широких кругов югославянских филологов, писателей и общественных деятелей к проблемам генетических, этнокультурных и языковых взаимоотношений югославянских народов, что наряду с усилением объединительных языковых и культурно-политических тенденций способствовало росту национального самосознания среди югославянского населения и ускорению национальной дифференциации. Широкое распространение общих названий «иллирийский народ», «иллирийский язык» не устраняло и не исключало употребления частных названий для каждого народа и языка («сербский народ», «сербский язык», «хорватский народ», «хорватский язык» и т. п.), что способствовало переосмыслению региональных самоназваний в различных хорватских областях. Во второй половине XIX в. далматинцы, славонцы, дубровчане и т. д. уже не противопоставляли себя хорватам (кайкавцам), но сами осознавали себя представителями хорватского народа. Действительно, Загребская филологическая школа, развивая идеи основоположников иллирийского движения, способствовала закреплению, стабилизации и нормированию в хорватской литературе (и)екавского новоштокавского языка, основой которого был язык дубровницкой литературы, со старыми формами словоизменения, несколько модифицированный за счет включения кайкавских и чакавских элементов. И тем не менее в приведенном выше положении З. Винце, по нашему мнению, не учитывает еще один и, может быть, более важный аспект деятельности Загребской школы в то время: *представители этой школы никогда не прекращали поисков путей языкового объединения с сербами*, хотя предлагавшаяся ими концепция такого объединения отличалась от концепции В. Караджича. Не случайно И. В. Ягич в 1864 г. писал: «Чем дальше уходит от нас те времена, когда мы простодушно мечтали о каком-то искусственно созданном языке, состоящем из различных принадлежащих разным народам ингредиентов, языке, который был бы приемлем всему славянскому югу (а некоторые, исполненные большим воодушевлением, присоединили сюда и север!), тем лучше мы сегодня, наученные неудачей, понимаем, что восток и запад может соединить лишь внутренняя сила народной литературы, должным образом развитой на основе полного согласия хорватов и сербов: я уверен, что было бы излишним пространно обосновывать и защищать то, что изо дня в день все дальше пробивает себе путь и что покоится на естественных основаниях. . .» [10]. З. Винце отмечает, что одной из решающих причин отказа представителей иллирийского движения от введения в литературу икавской штокавщины была идея объединения сербов и хорватов: «принятие иллирами (и)екавского дубров-

ницкого говора и их желание создать общий язык для сербов и хорватов, таким образом, сближаются со стремлением Караджича ввести в литературу только (и)екавщину» [2, s. 512]. Глава Загребской школы А. Вебер в 1883 г. писал, что распространение экавской штокавицы среди сербов, по его мнению, «не помешает настолько, чтобы мы не смогли надеяться на скорое объединение на основе штокавско-(и)екавского наречия» [2, s. 512]. Отметим также, что Л. Йонке неоднократно подчеркивал, что после 1848 г., когда стало ясно, что объединение всех южных славян в рамках одного литературного языка является утопией, среди хорватских филологов все более укрепляется мысль о том, что необходимо осуществить языковое объединение хорватов и сербов [11; 12].

Таким образом, представляется, что применительно ко второй половине XIX в. есть все основания говорить не только о хорватском, но и о хорватско-сербском направлении деятельности Загребской школы. Лишь этим можно объяснить, в частности, тот факт, что в это время Загребская школа и отдельные ее представители принимают ряд конкретных решений, направленных на сближение языков сербской и хорватской литератур. З. Винце указывает, например, что подкомиссия по выработке правил орфографии в 1877 г. приняла решение писать слогаобразующее *p* одной буквой (а не сочетаниями *ap*, *ep*), что соответствовало и предложениям В. Караджича; член подкомиссии А. Павич даже предлагал использовать окончание *-има*, *-ама* в дательном и творительном падежах множественного числа, выступал за введение фонетического правописания; подкомиссия при решении вопросов правописания пошла по среднему пути (хотя председателем ее был А. Вебер): не сохранила все решения, предложенные в свое время Л. Гаем, но и не приняла все правила В. Караджича [2, s. 586]. З. Винце отмечает, что «хорватский литературный язык к концу XIX в. значительно приблизился к языковому типу В. Караджича — Дж. Даничича» [2, s. 614]. Однако специально тему сближения и объединения литературного языка хорватов и сербов З. Винце не разрабатывает, не сообщает и о шагах, которые предпринимал В. Караджич для того, чтобы сближить литературный язык православных сербов с языком «братьев римского закона» (автор, говоря о концепции В. Караджича, акцентирует внимание в основном на тех моментах, которые вызывали несогласие или возражение хорватских филологов, хотя известно, что по многим вопросам их взгляды совпадали (см., например, [13])). В результате не раскрываются причины, обусловившие в конечном счете победу школы В. Караджича — Дж. Даничича в Хорватии, и эта победа представляется недостаточно мотивированной. В изложении З. Винце эта мотивировка выглядит следующим образом: «В 80-е годы все более выдвигаются молодые лингвисты, которые требуют введения литературного языка и правописания Караджича — Даничича» [2, s. 597]. Далее, сообщив одной фразой, что в Академии установился дух, далекий от взглядов А. Вебера, автор пишет: «В том же году, когда Вебер умер (1889. — П. Д.), правительство поручило доктору Ивану Брозу разработать правила правописания, основанные на фонологическом принципе, что Броз и сделал: в 1892 г. появилось его „Хорватское правописание“» [2, s. 600]. Какие социальные силы выдвинули молодых ученых, о которых говорит З. Винце, почему вдруг они стали сторонниками концепции В. Караджича — Дж. Даничича, если, судя по книге, почти все хорватские филологи, «уважая» В. Караджича, дружно отрицали и его язык, и его правописание? Почему А. Вебер в полемике с Ф. Ивековичем в 1884 г. уже не столько наступают, сколько оправдывает свои позиции и даже допускает возможность замены Загребской школы школой В. Караджича — Дж. Даничича («Если народ так решит, мне все равно. . .» [2, s. 600])? Эти и подобные вопросы не получают должного освещения в кратком изложении З. Винце. Остается лишь надеяться, что они будут раскрыты при публикации раздела о «хорватских вувьцах», который, как сообщает автор [2, s. 15], он сам исключил в интересах сокращения объема книги, хотя, как нам кажется, этот материал должен быть изложен именно в этой книге — без этого история

последних лет Загребской школы оказывается неполной. Между тем, победа концепции В. Караджича в Хорватии, по нашему мнению, в значительной степени была обусловлена тем, что он гениально уловил основные объективные закономерности развития литературного языка на основе штокавского диалекта и так же, как представители иллиризма и Загребской филологической школы, боролся за создание *общего литературного языка сербов и хорватов* (см. об этом [14]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бернштейн С. Б.* Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков.— В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 52.
2. *Vince Z.* Putovima hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1978.
3. Мовознавство, 1981, № 1, с. 89—91; Вестник Ленинградского университета, 1983, № 14, с. 117—119.
4. *Katičić R.* Nešto napomena o postanku složenoga suvremenog jezičnog standarda hrvatskoga ili srpskoga.— In: Zbornik Zagrebačke slavističke škole, god. II, knj. 2. Zagreb, 1974.
5. *Brozović D.* Hrvatski jezik, njegovo mjesto unutar južnoslavenskih i drugih slavenskih jezika, njegove povijesne mijene kao jezika hrvatske književnosti.— In: Hrvatska književnost u evropskom kontekstu. Zagreb, 1973.
6. *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971, с. 151 и сл.
7. *Толстой Н. И.* Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков).— В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981, с. 127.
8. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 182.
10. *Jagić V.* Naš pravopis.— Književnik I. Zagreb, 1884, s. 34.
11. *Jonke Lj.* Književni jezik u teoriji i praksi. Zagreb, 1964, s. 182, 187.
12. *Йонке Л.* Проблематика нормы хорватского литературного языка в синхронном и диахронном аспектах.— В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976, с. 113.
13. *Живанчевић М.* Вукови пријатељи илирци.— В кн.: Вуков зборник. Посебно издање САН. Београд, 1966.
14. *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975, с. 69 и сл.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Современный этап в изучении славянского словообразования характеризуется повышенным интересом к проблемам сопоставления словообразовательных систем славянских языков. Различные аспекты этой проблематики были затронуты, в частности, в докладе В. В. Лопатина и И. С. Улуханова на последнем съезде славистов. В качестве важных и интересных отмечались, например, проблема степени распространения того или иного способа словообразования, инвентаря словообразовательных значений, выражаемых тем или иным способом, проблема специфичности, уникальности аффиксов, характерных для языков определенного континуума, проблема семантической сочетаемости морфем, лексической реализации тождественных системных словообразовательных возможностей, морфонологических явлений на стыках морфем и т. д. Однако эти аспекты, как указывали и сами авторы, далеко не исчерпывают проблематику сопоставительного изучения словообразовательных систем славянских языков.

Успехи теории славянского словообразования, а также уже имеющиеся результаты исследований, посвященных описанию словообразовательных систем славянских языков (в частности, именного словообразования) создают возможность для синхронно-сопоставительного изучения особенностей в функционировании аффиксов, имеющих общеславянское происхождение. В сферу сопоставительного изучения могут быть включены вопросы, связанные с выявлением сходств и различий славянских языков в функциональной нагрузке этих аффиксов, в конкретной лексической реализации того или иного их словообразовательного значения, в дистрибуции этих значений, в правилах сочетаемости этих аффиксов с производящими основами, в их семантической совместимости/несовместимости с определенным типом основ, в организации и емкости их семантических полей и т. д. Проиллюстрируем это на примере некоторых общеславянских суффиксов с элементами -к, -с, -щ — суффиксов наиболее архаичных и занимающих одно из ведущих мест в системе именного суффиксального словообразования. Данные для исследования привлечены из прямых, обратных и двуязычных словарей славянских языков. Поскольку эти словари в количественном отношении не равноценны, то при определении активности и частоты употребления того или иного суффикса делались соответствующие поправки на объем лексического материала.

Славянские языки, как известно, характеризует единство (практически тождество) основного корпуса словообразовательных аффиксов, унаследованных еще из праславянской эпохи. Однако в процессе исторического развития славянских языков в их словообразовательных системах постепенно сложились различия, которые, однако, косну-

лись не столько инвентарного набора аффиксов, сколько их функционального использования.

Различия эти проявляются прежде всего в характере функциональной нагрузки суффиксов общеславянского происхождения. Так, например, во всех славянских языках получил распространение праславянский суф. -ес, однако в восточно- и южнославянских языках он функционирует как мутационный и модификационный суффикс, а в западославянских — главным образом, как мутационный (лишь в чешском и словацком языках при образовании *nomina actionis* sporadически употребляется транспозиционный суф. -ес₂, ср. чешск. *klofec* 'клевок', *mazec* 'драка', *plivanec* 'плевок'; слцк. *koranec* 'пинок', *štuchanec* 'пинок, толчок'). Напротив, общеславянский суф. -ik в восточно- и западославянских языках функционирует как мутационный и модификационный, а в южпославянских — в основном как мутационный. Во всех славянских языках известен модификационный суф. -к(а)₃, однако, в южнославянских языках он служит главным образом для образования феминативов (причем, в отличие от восточно- и западославянских языков, достаточно нерегулярно), в западославянских — для образования феминативов и деминутивов, в восточнославянских он используется, кроме того, и для образования сингулятивов.

Расхождения между славянскими языками наблюдается и в дистрибуции словообразовательных значений суффиксов, так как практически в каждом языке (или группе языков) прослеживается избирательное использование суффикса. Так, например, мутационный суф. -а₁ во всех славянских языках обладает значениями лица и предметности, однако в русском, белорусском, словенском, македонском и болгарском языках он употребляется чаще всего для образования имен с общим значением лица, в лужицком — для образования имен с общим значением предметности, в остальных славянских языках он привлекается приблизительно с равной степенью активности для образования имен обеих этих лексико-семантических групп. Мутационный суф. -ес₁ в восточнославянских языках употребляется в основном как суффикс лица (ему известно также значение предметности и места, однако в этих значениях использование его рутелярного характера не имеет), в южнославянских языках он активно участвует в образовании имен с общим значением лица и предметности, в западославянских у него, кроме того, получило развитие и локативное значение.

Сходства и различия славянских языков отмечаются и в лексической реализации того или иного словообразовательного значения суффикса. Например, мутационный суф. -nik₁ во всех славянских языках служит для образования имен с общим значением лица, однако если в южнославянских языках он активно привлекается для образования названий лиц как по атрибутивному, так и агентивному признаку, то в западославянских он участвует преимущественно в образовании названий лиц по атрибутивному признаку; в восточнославянских языках ситуация неоднозначная: в русском он используется чаще всего для образования *nomina attributiva*, в украинском же и белорусском языках он также активно употребляется и для образования *nomina agentis*.

Различия прослеживаются и в семантической ориентации суф. -nik₁ при образовании этих имен: так, атрибутивные названия лиц с суф. -nik₁ во всех славянских языках строятся, как правило, на основе качественно-го, качественно-оценочного или профессионального признаков, причем, в каждом славянском языке (или группе языков) суф. -nik₁ ориентирован семантически по-разному: в южнославянских языках он используется чаще всего для образования названий лиц по качественному признаку (лишь в словенском он достаточно активно употребляется и в *nomina professionalia*), в западославянских — главным образом, по профессиональному (исключение представляет лишь лужицкий язык, в котором он так же последовательно используется и в образовании названий лиц по качественному признаку), в восточнославянских языках — по качественному и профессиональному признаку (хотя нельзя не отметить, что в украинском языке

более регулярным является употребление суф. для образования названий лиц по профессиональному признаку), ср.: юж.-слав. яз.: слн. puščavnik 'пустынный', sopotnik 'спутник', stričnik 'племянник', jetičnik 'чахоточник' (jetika 'чахотка'), levičnik 'левша', para čajnik 'подросток' (para-čaj 'юнец'), hi-rik 'дворник', šolnik 'учитель', črednik 'пастух', mašnik 'священник' (maša 'обедня'), tapetnik 'обоющий' (tapeta 'обои'), vinogradnik 'виноградарь'; срхв. путник, 'пассажир', квартирник 'квартирант', парник 'сверстник', прсоболник 'чахоточник' (прсобола 'чахотка'), хаберник 'вестник' (хабер 'весть'), ноћник 'лунатик'; мак. врсник 'сверстник' (врст 'возраст'), патник 'путник', чедник 'отец семейства', немачник 'немой', самокужник 'вдовец', углавник 'сват' (углав 'обручение'); болг. конник 'всадник', друмник 'путник' (друм 'большая дорога'), сватовник 'сват', зрелостник 'выпускник средней школы', челядник 'человек, имеющий детей', съименник 'тезка'; зап.-слав. яз.: польск. серник 'молотильщик', obuwnik 'обувщик', skórnik 'скорняк', szarnik 'шляпник', stalownik 'сталевар', lirnik 'поэт'; луж. hajnik 'лесник'; kóžnik 'скорняк', łódźnik 'моряк', mječnik 'оружейник', sólnik 'солевар' pustnik 'пустынный', swětnik 'мирянин', potomnik 'потомок', pobrjóžnik 'житель побережья', brigadnik 'участник субботника'; чешск. číšník 'официант', hrobník 'могильщик', lékařník 'фармацевт', zlatník 'ювелир', strojník 'механик', zedník 'каменщик' (zed 'стена'); слцк. lesník 'лесничий', kormidelník 'штурман', námorník 'матрос', klobučník 'шляпник', súkenník 'суконщик', kapelník 'дирижер'; вост.-слав. яз.: русск. путник, пустынный, станичник, лыжник, целинник, помощник, птичник, чертежник, мясник, садовник, дворник, плотник; укр. боржник 'должник' (борг 'долг'), пустельник 'пустынный', кінотник 'конник' (кінота 'конница'), шлюбник 'жених', (шлюб 'брак'), рослинник 'растениевод', кранівник 'крановщик', буфетник 'буфетчик', гарпунник 'гарпунщик', комірник 'кладовщик', рудник 'рудокон', тваринник 'животновод'; блр. мызнік 'владелец мызы', хатнік 'избач', адзіотнік 'отшельник', падарожнік 'путник', папличнік 'соратник', алейнік 'маслодел', збройнік 'оружейник', каробачнік 'коробейник', кажущнік 'тулупщик' атомнік 'атомщик', брамнік 'привратник'.

Агентивные названия лиц с суф. -нік, во всех славянских языках образуются, как правило, на основе процессуального, процессуально-оценочного или профессионального признаков, однако, и здесь можно наблюдать избирательность в использовании суф. при образовании этих имен. Так, например, в белорусском, словенском и сербохорватском языках он употребляется чаще всего для образования названий лиц по процессуальному признаку, в украинском и польском — по профессиональному, в русском — по процессуально-оценочному, в чешском и словацком языках он регулярно используется как для образования названий лиц по процессуальному, так и профессиональному признаку, в македонском и болгарском — по процессуальному и процессуально-оценочному признаку, в лужицком, кроме того, по профессиональному, ср.:

вост.-слав. яз.: русск. клеветник, отступник, угодник, прислужник, насильник, сводник; укр. зварник 'сварщик', різник 'мясник', молотник 'молотильщик', будівник 'строитель' (будувати 'строить'), бурильник 'бурильщик', вибійник 'забойщик', носильник 'носильщик'; блр. насельнік 'житель', пакупнік 'покупатель', паслядоўнік 'последователь', хаднік 'ходок', прадстаўнік 'представитель', вандроўнік 'путешественник' (вандроваць 'путешествовать');

зап.-слав. яз.: польск. lotnik 'летчик', przewoźnik 'перевозчик', gysownik 'чертежник', odlewnik 'литейщик', rzeźnik 'мясник', splawnik 'сплавщик'; луж. jězdnik 'всадник', wobdźelnik 'участник' (wobdźelić so 'принять участие'), nastupnik 'наследник', nawrótnik 'возвращенец', překornik, 'спорщик' (překorić so 'поспорить'), wurubnik 'разбойник', škódnik 'вредитель', mutnik 'смутьян', skradnik 'проныра', nahradnik 'грабитель', maznik 'смазчик', płaťnik 'казначей', pławnik 'сплавщик', podnurnik 'водолаз', sudnik 'судья'; чешск. rapovník 'правитель', porlatník 'плательщик', milovník 'любитель', náhradník 'заместитель'

(nahraditi 'заменить'), kočovník¹ 'кочевник', lakýrník 'лакировщик', tlumočník 'переводчик', soustružník 'токарь', výtvarník 'художник', zàkorník 'сапер'; слцк. návštevník 'посетитель' (navštevovat 'посещать'), poručník 'опекун', následník 'последователь', nápadník 'претендент', hodovník 'пирующий' (hodovat 'пировать'), účtovník 'счетовод', hlásník 'ночной сторож', (hlásit 'трубить'), čalúnnik 'обойщик' (čalunit 'обивать'), poistník 'страхователь' (poistit 'страховать'), honelník 'подпасок'; юж.-слав. яз.: слнц. naročnik 'заказчик', odpravnik 'отправитель' podpisnik 'подписчик', položnik 'вкладчик', prebežnik 'перебежчик', sročetnik 'родитель'; схрв. говорник 'оратор', огласник 'вестник', повратник 'возвращенец', поседник 'владелец' (posedати 'владеть'), находник 'найденшп', предводник 'вожак'; мак. потписник 'подписавшийся', бунтовник 'мятежник', закупник 'арендатор', закрепник 'покровитель' (закрепи 'упрочить'), застапник 'представитель', изедник 'обжора', предавник 'предатель', провалник 'провокатор', хулник 'хулитель', измамник 'обманщик' (измами 'обмануть'); болг. настойник 'опекун', следованик 'последователь', сговорник 'сват', поклонник 'паломник', заместник 'заместитель', пагубник 'разоритель', угодник 'подхалим', одумник 'сплетник' (одумвам 'оговаривать'), присмехулник 'насмешник', обесник 'висельник' (обеса 'повесить').

Особенно ярко различия между славянскими языками проявляются при лексической реализации предметного значения того или иного суффикса. Так, например, мутационный суф. -ак¹ при образовании имен с предметно-характеризирующим значением в чешском, словацком и болгарском языках наиболее последовательно используется для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, в лужицком — для образования nomina instrumenti, в русском, украинском, сербохорватском и македонском языках — для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоологических названий, в белорусском, кроме того, ботанических названий, а в словенском — названий кушаний и нечистот, в польском — для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, nomina instrumenti и зоологических названий, ср.:

вост.-слав. яз.: русск. лежак, топляк, стояк, держак, косяк, кругляк, товарняк, четвертак, медяк; беляк, русак, степняк, пестряк, пуляк, сизяк, светляк, гусак, прусак; укр. срібняк 'серебряник', сiряк 'армяк', літак 'самолет', коряк 'ковш', личак 'лапоть', жовтяк 'желтяк'; хижак 'хищник', гончак 'гончая', тетервак 'тетерев', крижак 'кряква', хробак, гробак 'червяк', цiп'як 'цепень'; блр. дзяржак 'держак', ляжак 'нижнее бревно', вушак 'дверной косяк', смаляк 'смолистый кусок дерева', гніляк 'гнилое дерево', касяк 'косо расположенный предмет', асляк 'дикий осел', шарак 'серый заяц', трацяк 'трехлетнее животное', слізняк 'слизень', шчупак 'щука', русак 'заяц'; разак 'телорез', бадзяк 'татарник', кругляк 'ситник', бурак 'свекла', маляк 'масленок', казляк 'козленок';

зап.-слав. яз.: польск. leżak 'шезлонг', mójak 'мочалка', straszak 'пугало', karmiak 'мешок с кормом', waciak 'ватник', rakłak 'пакля', biłak 'молотило', czesak 'чесальный валеk', mieszak 'мешалка', motak 'мотовило', rzezak 'резак', skrobak 'скребок', toczak 'точило'; świsłak 'сурок', krzyżak 'крестовик', ślerak 'златоглазик', pływak 'плавунец', trzciniak 'камышовка', pilak 'пилохвост'; луж. dgarak 'скребок', kałak 'охотничий нож', klerak 'молот', (klerác 'ударять'), krajak 'режущий инструмент', pisak 'шариковая ручка', rozprjeršak 'распылитель', škrabak 'скребница', tesak 'сабля', warjak 'кипятильник'; чешск. bryndák 'слюнявчик' (bryndat 'проливать'), hořak 'горелка', podběřák 'подсачек', plavák 'поплавок', dřevák 'деревянный башмак', bramborák 'корзина для картофеля', (brambor 'картофель'), plušák 'плюшевый ковер', uhlák 'угольный ящик', širák 'широкополая шляпа'; слцк. cedák 'цедилка', pl'uvák 'плевательница', roviјak 'свивальник', uterák 'полотенце', náklad'ák 'грузовик', perinák 'ящик для постели', panelák 'панельный дом', gumák 'прорезиненный плащ', medenák 'медный котелок';

юж.-слав. яз.: слн. *čolnak* 'ткацкий челнок', *šerak* 'горшок', *grebenjak* 'гребешок', *ogrljak* 'ожерелье', *lijak* 'воронка'; *lisjak* 'лиса', *volčjak* 'волкодав', *mišjak* 'мышь', *ovčjak* 'овчарка', *tačak* 'кот'; *ovsenjak* 'овсяный хлеб', *řeničnjak* 'пшеничный хлеб', *kiseljak* 'вид сыра', *rebenjak* 'яичница', *medenjak* 'медовый пряник'; *mišjak* 'мышинный помет', *kračajak* 'коровяк', *kobiljak* 'навоз', *ptičjak* 'птичий помет', *ovčjak* 'овечий помет'; схрв. *peňňak* 'печной кафель', *doňak* 'нижний жернов мельницы', *телеňak* 'ранец из телячьей кожи', *маслеňak* 'сосуд, в котором держат масло', *торбак* 'дорожная сумка', *храстовак* 'дубовая палка'; *кукуружьњак* 'свинья, откормленная кукурузой', *кичмењак* 'позвоночное животное' (*кичмен* 'позвоночный'), *курјак* 'волк', *водењак* 'водяная змея', *слепак* 'ящерица', *лињак* 'линь'; мак. *вразак* 'связка книг', *капак* 'ставень' (*капе* 'капать'), *вијак* 'винт', *крумак* 'комок', *крак* 'боров'; *кријак* 'молодой заяц', (*крика* 'увертываться'), *јаловак* 'кастрированное животное', *шутрак* 'безрогий ягненок' (*шутаре* 'козленок'); болг. *навияк* 'навильтник (охапка сена), *похлупак* 'крышка' (*похлупя* 'закрыть крышкой'), *черпак* 'ковш', *гнилак* 'гнилое дерево', *кривак* 'толстая палка с кривым концом', *козяк* 'подстилка из козьей шерсти', *шестак* 'вилы с шестью зубьями'.

Различия в использовании суффиксов, в их семантической ориентации наблюдаются даже в пределах небольших лексико-семантических групп: так, например, суф. *-nik* при образовании ботанических названий в восточнославянских языках, а также в польском и лужицком привлекается чаще всего для образования названий трав и травянистых растений, тогда как в чешском и словацком он наиболее последовательно употребляется при образовании названий деревьев (в южнославянских языках он используется спорадически в образовании любых ботанических названий), ср.:

вост.-слав. яз.: русск. *репейник*, *жабник*, *шпажник*, *кочедыжник*, *пузырник*, *дягильник*, *пустырник*; укр. *міхурник* 'пузырник' (*міхура* 'пузырь'), *прибережник* 'морская трава', *ранник* 'норичник', *щучник* 'луговик', *мокричник* 'мокрица', *борщівник* 'борщевик'; блр. *воцатнік* 'уксусник', *малачайнік* 'молочай', *мечнік* 'шпажник', *плюшнік* 'аир', *трыпутнік* 'подорожник', *паўночнік* 'коростовник';

зап.-слав. яз.: польск. *glistnik* 'чистотел', *kopytnik* 'копытень', *miodnik* 'нектарник', *nadwodnik* 'повойничек', *plesznik* 'блошница', *kupalnik* 'арника'; луж. *jaťobnik* 'ястребинка', *próšnik* 'пыльник', *řěolnik* 'змееголовник', *krawnik* 'чистотел', *plucnik* 'медуница', *putnik* 'подорожник'; чешск. *olivovník* 'маслина', *citrovník* 'лимонное дерево', *trnovník* 'белая акация', *morušovník* 'шелковица' (*morušový* 'тутовый'), *kaštanovník* 'каштан', *granatovník* 'гранатовое дерево', слцк. *blahovičnik* 'эвкалипт', *rakytník* 'облепиха', *kokosovník* 'кокосовая пальма', *ramaranočovník* 'апельсиновое дерево', *škoricovník* 'коричное дерево', *korkovník* 'пробковый дуб'.

Мутационный суф. *-ak₁*, использующийся во всех славянских языках для образования зоологических названий (животных, птиц, рыб, насекомых), в западнославянских языках (в отличие от других славянских языков) активно привлекается и для образования названий лошадей (по особенностям их бега и масти), ср.: польск. *człapak* 'иноходец', *kłusak* 'рысак' (*kłus* 'рысь'), *krocak* 'иноходец' (*krocs* 'иноходь'), *szłapak* 'иноходец' (*szłap* 'иноходь'); луж. *brunak* 'гнедая лошадь', *krošak* 'серая в яблоках лошадь', *lišak* 'каштановая лошадь', *plesak* 'лошадь с белым пятном на лбу' (*plesa* 'белое пятно'), *hanjak* 'скаковая лошадь'; чешск. *guzák* 'рыжая лошадь', *sivák* 'лошадь сивой масти', *grošák* 'конь в яблоках', *hnědák* 'гнедой конь'; слцк. *plavák* 'буланая лошадь' (*plavý* 'буланный'), *štajerák* 'лошадь штирийской породы', *klusák* 'рысак'. В других славянских языках подобные образования отсутствуют.

Расхождения между славянскими языками наблюдаются и в характере словообразовательных связей суффиксов с тем или иным типом основы: так, например, мутационный суффикс *-ač₁* в южнославянских языках, а также в украинском, польском, чешском и словацком сочетается главным образом

с глагольными основами, в лужицком и русском языках — с субстантивными (хотя нельзя не отметить, что в русском, в отличие от лужицкого, у суф. -ащ₁ сильны и связи с глагольными основами), в белорусском языке при образовании имен с общим значением лица суф. -ащ₁ активнее сочетается с субстантивными основами, при образовании же имен с предметно-характеризующим значением — с глагольными; или мутационный суф. -ак₁: в восточно- и южнославянских языках его словообразовательные связи ограничены преимущественно адъективными основами, а в лужицком — глагольными (здесь deverбатов с суф. -ак₁ примерно втрое больше, чем отсубстантивных и отадъективных образований вместе взятых), в польском, чешском и словацком языках для него характерно сочетание с субстантивными и глагольными основами.

При этом различия в словообразовательных связях суффиксов связаны не только с принадлежностью основы к определенной части речи, но и с ее семантикой: так, например, образование зоологических названий с рассматриваемыми суффиксами в западнославянских языках, а также в украинском, словенском и болгарском происходит чаще всего от субстантивных основ, в русском и сербскохорватском языках — от адъективных, в македонском — от глагольных, в белорусском — в образовании имен этой семантической группы одинаково активно участвуют адъективные и субстантивные основы.

Своеобразие того или иного языка (или группы языков) проявляется и в словопроизводной активности основ. Анализ функционирования мутационных суффиксов -k(a)₁, -ak₁, -ащ₁, -ik₁, -nik₁, -ес₁ в славянских языках с точки зрения деривационных потенциалов основ, с которыми они сочетаются, показал, что здесь также имеются расхождения: так, в частности, в восточно- и южнославянских (за исключением словенского) языках наиболее богатыми по своим словообразующим возможностям являются адъективные основы (с ними активно сочетаются суф. -ak₁, -ik₁, -ес₁), в западнославянских (за исключением польского) языках — субстантивные (с ними сочетаются чаще всего суф. -nik₁, -ik₁ в предметном значении, -ak₁, -k(a)₁), в польском — субстантивные и глагольные (с субстантивными сочетаются суф. -k(a)₁, -ak₁, -ik₁ в предметном значении, -nik₁, с глагольными — суф. -k(a)₁, -ak₁, -ащ₁, -nik₁), в словенском — адъективные и глагольные (с адъективными основами сочетаются суф. -k(a)₁, -ak₁, -ik₁, -ес₁, с глагольными — суф. -k(a)₁, ащ₁, -nik₁, -ес₁).

Расхождения между славянскими языками наблюдаются и в емкости семантического поля суффиксов общеславянского происхождения. Так, например, если обратиться к мутационному суф. -ес₁, то самое емкое семантическое поле у него в словацком языке, где он используется для образования имен с общим значением лица (преимущественно по качественно-оценочному признаку, хотя может участвовать и в образовании названий лиц по агентивному признаку), предметности (чаще всего — в названиях предметов хозяйственно-бытового назначения, реже — в ботанических и зоологических названиях); кроме того, он может употребляться (хотя и менее регулярно) для образования nomina instrumenti (štipiec 'щипцы'), названий геологических пород, минералов (pieskovec 'песчаник', magnetovec 'магнитный железняк'), названий нечистот (holubines 'голубиный помет'), названий видов пищи (lipovec 'липовый мед'), анатомических названий (kostlivec 'скелет'), названий болезней (hostec 'ревматизм'), названий атмосферных и погодных явлений (l'adovec 'град') и места (преимущественно в названиях помещений, построек: psinec 'псарня', husinec 'гусятник', sirotinec 'приют'). Самое же маленькое семантическое поле у суф. -ес₁ в болгарском языке, где он используется в основном для образования имен с общим значением лица (преимущественно по качественно-оценочному признаку, а также по признаку принадлежности лица к месту, где оно проживает), реже для образования имен с предметно-характеризующим значением — главным образом, названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоологических названий, спорадически ботанических названий (kиселец 'щавель'), анатомических названий (гле-

дец 'зрачок'), *nomina instrumenti* (*писец* 'писчее перо'), названий погодных явлений (*яснец* 'сухая морозная погода').

При этом в славянских языках четко вырисовываются два ареала, различающихся емкостью семантического поля суффиксов с элементами -k-, -с-, -щ-: в восточно- и западнославянских языках наиболее емким семантическим полем обладает мутационный суф. -k(a)₁ (наименее емким — суф. -ащ₁), в южнославянских языках картина в этом отношении неоднородна: в словенском и сербохорватском самое емкое семантическое поле у суф. -ak₁, в македонском — у суф. -k(a)₁, в болгарском — у суф. -nik₁ (что касается суффикса с наименее емким семантическим полем, то во всех южнославянских языках это суф. -ащ₁).

Своеобразие славянских языков прослеживается и в дистрибуции суффиксов в пределах того или иного семантического поля, так как использование их в каждом славянском языке в отдельности связано с внутренними потребностями языка и носит избирательный характер. Так, например, в семантическом поле деминутивности в южнославянских языках наиболее последовательно и регулярно употребляется модификационный суф. -ес₃ (для сущ. м.р.) и суф. -ic(a)₃ (для сущ. ж.р.), в западнославянских языках — соответственно суф. -ik₃ и суф. -k(a)₃, в восточнославянских языках также используются чаще всего суф. -ik₃ и суф. -k(a)₃, но, в отличие от западнославянских, привлекаются (хотя и менее регулярно) модификационные суф. -ес₃ и ic(a)₃ (в западнославянских языках деминутивное значение этих суффиксов или полностью утрачено (польский, лужицкий) или практически утрачено (чешский, словацкий)).

В семантическом поле «предметности» в восточно- и западнославянских (за исключением лужицкого) языках наиболее активен мутационный суф. -k(a)₁, в лужицком — мутационные суффиксы -k(a)₁ и -ak₁ (суф. -ak₁ является ведущим при образовании *nomina instrumenti* и зоологических названий), в южнославянских языках ситуация неоднозначна: в словенском и сербохорватском наиболее употребительным в этом семантическом поле является мутационный суф. -ес₁, в болгарском и македонском — суф. -k(a)₁.

Семантическое микрополе лица (м.р.) — носителя атрибутивного признака или свойства в южнославянских языках (за исключением болгарского), а также в чешском и польском обслуживается преимущественно суф. -ес₁, в украинском — суф. -nik₁, в русском, белорусском, лужицком, словацком и болгарском языках в этом семантическом микрополе наиболее употребительными являются два суффикса -ес₁ и -nik₁, причем за каждым из них закреплена определенная функциональная нагрузка. В русском языке суф. -ес₁ используется преимущественно при образовании названий лиц по качественно-оценочному признаку (*подлец*), по признаку территориальной принадлежности лица к месту, где оно проживает (*алжирец*, *ленинградец*), а также по его принадлежности к общественным и идейным течениям, организациям, партиям, направлениям (*толстолицец*, *комсомолец*, *партиец*, *ленинец*); суф. -nik₁ употребляется при образовании названий лиц по качественному и профессиональному признакам (*именинник*, *садовник*). В белорусском языке суф. -ес₁ участвует главным образом в образовании названий лиц по качественному и качественно-оценочному признакам (*глушыц* 'глухой', *ліслівец* 'лысец'), кроме того, по признаку принадлежности лица к месту, где оно проживает (*запорожац*), а также по его принадлежности к общественным и идейным течениям, организациям, партиям, направлениям (*шорсавец*, *іскравец*, *выянкамавец*), суф. -nik₁ служит преимущественно для образования названий лиц по качественному и профессиональному признакам (*падарожнік* 'путник', *каробачнік* 'коробейник'). В лужицком языке суф. -ес₁ используется в основном при образовании названий лиц по качественному признаку (*bratrowc* 'племянник, сын брата'), а суф. -nik₁ — по профессиональному (*lokomotiwnik* 'машинист') и качественному признакам (*pustnik* 'пустынный'). В словацком языке суф. -ес₁ привлекается чаще всего для образования названий лиц по качественно-оценочному признаку (*odvážlivec* 'смелчак'), а суф. -nik₁ — по профессиональному (*pátmorník* 'матрос'). В болгарском языке суф.

-ес₁ употребляется чаще всего для образования названий лиц по качествен-но-оценочному признаку (*лукавец* 'хитрец'), а также по признаку тер-риториальной принадлежности лица к месту, где оно проживает (*московец* 'москвич'), тогда как суф. -nik₁ используется преимущественно при образо-вании названий лиц по качественному признаку (*дружник* 'путник').

В семантическом микрополе лица (м. р.) — носителя агентивного признака в западнославянских языках (за исключением лужицкого), а также в македонском наиболее употребительным является суф. -ащ₁, в лужицком — суф. -ак₁, в украинском и белорусском языках наибольшее распространение получил суф. -nik₁, в остальных славянских языках в этом семантическом микрополе активно функционируют два, и иногда и три суффикса: так, например, в русском языке — суф. -ес₁ и -nik₁, причем суф. -ес₁ используется в основном для образования названий лиц по процессуальному признаку (*выходца*), а суф. -nik₁ — по процессуально-оценочному (*клеветник*); в болгарском — суф. -ащ₁ и -nik₁, причем суф. -ащ₁ привлекается чаще всего для образования названий лиц по профессиональному признаку (*метач* 'дворник'), а суф. -nik₁ — для образования названий лиц по процессу-альному и процессуально-оценочному признакам (*следовник* 'последова-тель', *одумник* 'сплетник' (*одумвам* 'оговаривать')); в сербохорватском языке в этом семантическом микрополе активны суф. -ащ₁ и -ес₁, причем суф. -ес₁ служит преимущественно для образования названий лиц по профес-сиональному признаку (*нормирац* 'нормировщик'), а суф. -ащ₁ — для об-разования названий лиц по процессуальному (*купач* 'купальщик') и про-фессиональному (*мерач* 'землемер') признакам; в словенском активно функ-ционируют три суффикса: -ес₁, -nik₁, -ащ₁, причем суф. -ес₁ используется в основном для образования названий лиц по процессуальному (*jezdec* 'всадник') и профессиональному (*predec* 'прядильщик') признакам, суф. -nik₁ — для образования названий лиц по процессуальному признаку (*odpravnik* 'отправитель'), а суф. -ащ₁ — по профессиональному (*rometaš* 'чистильщик') и процессуально-оценочному (*sladkaš* 'льстец').

Расхождения славянских языков наблюдаются и в активности упот-ребления суффикса в том или ином значении, а также в той или иной лек-сико-семантической группе имен: так, мутационный суф. -ik₁ во всех слав-янских языках обладает значениями лица, предметности и места, однако если в значении лица он активно используется во всех славянских языках, то в значении предметности — в основном в восточно- и западнославян-ских, а в значении места — лишь в восточнославянских и сербохорват-ском. Мутационный суф. -k(a)₁ во всех славянских языках привлекается для образования ботанических названий, однако особенно активно в за-паднославянских; мутационный суф. -nik₁ во всех славянских языках упот-ребляется для образования nomina instrumenti, активнее же всего в поль-ском.

Различия славянских языков прослеживаются и в самой распростра-ненности суффиксов: например, мутационный суф. -ак₁ известен всем слав-янским языкам, однако наиболее широкое распространение он получил в западнославянских языках (особенно в лужицком), именно здесь лежит центр его ареала; мутационный суф. -ik₁, будучи известным всем славян-ским языкам, получил самое широкое распространение в восточно- и за-паднославянских языках (особенно в словацком и чешском, где с ним за-фиксировано наибольшее число образований).

Фронтальное исследование словообразовательных систем славянских языков с учетом затронутых в этой статье (а также других, не получивших здесь освещения) аспектов будет способствовать углубленному изучению славянского словообразования и в конечном итоге создаст предпосылки для построения синхронной типологической классификации славянских язы-ков на словообразовательном уровне, так как в настоящее время мы распо-лагаем лишь довольно приблизительными сведениями о сходстве и особен-но различии славянских языков в использовании суффиксов общеславян-ского происхождения. Между тем эти различия не менее существенны для типологической классификации, чем выявленные уже сходства, так как

славянские языки вообще более существенно различаются не инвентарём словообразовательных средств, а именно характером их функционирования в каждом славянском языке в отдельности. В этом смысле особенно показательны наиболее архаичные аффиксы, составляющие ядро словообразовательных систем всех славянских языков, исследование которых в функциональном аспекте может дать новые данные для решения проблемы дифференциации славянских языков на словообразовательном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лопатин В. В., Улужанов И. С.* Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков. — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации на IX Международном съезде славистов. М., 1983, с. 169—184.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М., 1985, 280 с.

Новый коллективный труд сектора историко-культурных проблем Института славяноведения и балканистики АН СССР — не просто очередной том серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры». Продолжая ранее изданные сборники [1; 2], рецензируемый труд дает комплексное и построенное по единой программе исследование названной темы, которая в таком виде получает освещение впервые. Важно и то, что характеристика общественно-политической мысли славянских и балканских народов ареала органически сочетается с анализом развития художественного и эстетического сознания. «При этом, — справедливо подчеркнуто в предисловии, — привлекаются явления из истории литературы, формирования национального литературного языка, народного творчества, развития театра, изобразительного искусства, музыки. Взаимосвязь национально-исторического и художественного процессов прослеживается в их взаимном переплетении в рамках отдельных национальных культур» (с. 5). Можно с полным основанием утверждать, что в целом с этой сложной и многоаспектной задачей коллектив труда успешно справился.

Статья В. И. Злыднева «Историко-культурный процесс в Центральной и Юго-Восточной Европе и формирование концепций национальной художественной культуры» представляет собой, в сущности, теоретическое и методическое обоснование программы сборника и содержит ряд важных обобщений, подводящих определенные итоги современному уровню разработки изучаемой проблематики. Автор исходит из правильного положения о том, что в эпоху перехода от феодализма к капитализму у славянских и соседних с ними народов Центральной и Юго-Вос-

точной Европы «создавался новый тип культуры — культуры национальной, отражающий более развитую этническую и социальную общность» (с. 7). При этом В. И. Злыднев отмечает различия исходных рубежей и положения отдельных народов ареала, что определяло различия в характере и продолжительности процесса формирования наций и национальных культур. Первый этап этого процесса протекал под знаком идеологии просветительского типа, второй был временем «становления национальных концепций и утверждения национальных культур» (с. 10). В. И. Злыднев отмечает важные особенности самого процесса генезиса и конституирования национальных концепций: от разрозненных и еще не систематизированных суждений о задачах и целях национального искусства до сравнительно целостных теоретических трактатов и программ. «Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы, нашедшие выражение в разных работах с конца XVIII в. до конца 70-х годов XIX в. — это теоретический стержень культуры каждого народа в бурную эпоху формирования наций» (с. 21). Первостепенными при этом становились культурно-просветительские идеи и идеи национально-освободительного движения, формирование национального литературного языка, поиски внутренних истоков в историческом прошлом народа и в фольклоре, развитие нового типа художественного сознания и новый тип межнациональных культурных отношений. Эта и смежная с нею проблематика получила разработку в последующих статьях труда, который условно можно разделить на две части, посвященные культурному развитию народов соответственно Центральной и Юго-Восточной Европы.

К первой части относятся статьи: «Кон-

цепции польской художественной культуры. От Просвещения к романтизму» (И. И. Свирида); «Проблемы национальной художественной культуры в общественной мысли Венгрии конца XVIII — первой половины XIX в.» (Ю. П. Гусев); «Этапы формирования концепций чешской художественной культуры: 70-е годы XVIII — первая половина XIX в.» (Л. Н. Титова); «Формирование концепции национальной художественной культуры у словаков» (В. Матула, СССР). Вторая часть объединяет статьи: «От культуры народностей к хорватской национальной культуре» (А. В. Данилова); «Общественное содержание концепций сербской национальной художественной культуры (конец XVIII — первая половина XIX в.)» (И. И. Лещиловская); «Становление национальных идей в словенской художественной культуре» (И. В. Чуркина); «У истоков формирования концепций румынской национальной художественной культуры» (М. В. Фридман); «Концепции национальной художественной культуры в Болгарии (конец XVIII в. — 70-е годы XIX в.)» (В. И. Злыднев) и «Национальная художественная мысль в греческой культуре нового времени» (С. Б. Ильинская).

Не имея возможности подробно останавливаться на характеристике каждой статьи, отметим некоторые более или менее общие, сквозные для них темы. Это — важный вопрос традиций и преемственности в художественных концепциях эпохи формирования наций, роль которого, в зависимости от характера исходных рубежей, не была одинаковой в Центральной и Юго-Восточной Европе. Наиболее подробно указанный вопрос рассматривается в статьях на польском, хорватском, словенском и греческом материалах, хотя в той или иной мере затрагивается и остальными авторами.

Отметив, что «первые проявления польского самосознания в области художественной культуры» относились в Польше к XVI в. — эпохе Ренессанса, и были продолжены в следующем столетии, И. И. Свирида подчеркнула критическое отношение польских просветителей к своим предшественникам. В то же время она стремилась раскрыть сложный, диалектически противоречивый характер этого процесса, ибо для просветителей «культура XVII в. была живым наследием. Взаимодействие с прошлым не было механической когнитацией черт той и другой эпохи» (с. 23). К этому можно было бы добавить и вопрос польских просветителей

к наследию ренессансной эпохи. Своеобразно преломлялся этот вопрос в истории хорватской и словенской культур. Указав на длительный регионализм, исторически сложившийся в хорватских землях предшествующего периода, А. В. Данилова показала отношение деятелей иллиризма к ренессансно-гуманистическому наследию далматино-дубровницкой общественной мысли и литературы (с. 146). И. В. Чуркина обратила внимание на значение деятельности представителей словенской Реформации для последующей выработки концепций национальной литературы (с. 186). В ряде статей — В. Матулы, И. И. Лещиловской, М. В. Фридмана и других авторов — удачно прослеживается роль городских центров и отдельных областей в формировании национальной художественной культуры. Так, Ю. П. Гусев подчеркнул роль Дебрецена, который «в течение столетий являлся крупнейшим культурным центром Венгрии» (с. 62). Чрезвычайно плодотворна постановка С. Б. Ильинской темы Ионических островов в становлении греческой национальной культуры (на примере творчества Д. Соломоса и А. Кальвосо) (с. 270—271). Названные выше и другие авторы отметили также роль в развитии национальной художественной культуры отдельных народов ареала городских центров, расположенных в инонациональной среде (роль Петербурга и Вильно для польской культуры, Будапешта — для сербской, Одессы и Бухареста — для болгарской и т. д.).

Большое место в книге принадлежит проблемам стилевой эволюции рассматриваемого периода. К этому вопросу обращаются авторы всех статей, отмечая, что специфика самого процесса становления наций и национальных культур в этом ареале приводила к сосуществованию ряда стилевых направлений, из которых наибольшее значение имели классицизм и романтизм, а в ряде случаев сентиментализм. В истории культуры некоторых народов ареала к этим стилям добавлялось воздействие поэтики позднего барокко — указанная особенность не нашла, на наш взгляд, должного отражения в соответствующих статьях. Между тем, барочные влияния в стилевой эволюции эпохи Просвещения (а в сфере народной культуры зачастую и гораздо позднее) прослеживаются не только, скажем, в чешской культуре, но и в культурах балканских народов, не имея их за своими плечами наследия ренессансного и барочного развития.

Фольклоризм авторы справедливо уязвляют с обращением деятелей национальных художественных культур народов ареала к опыту народного творчества. Так, А. В. Данилова показывает это на примере поэмы М. Рельковича «Сатир, или Дикий человек» (с. 138).

Здесь упомянута не вся проблематика книги, но уже и из приведенного выше не трудно заключить, что ее содержание отмечено не только широтой, но и глубиной постановки и рассмотрения темы. Отмечая это, мы вовсе не хотим сказать, что книга лишена каких-либо недостатков или спорных оценок и выводов.

Так, в системе культуры феодальных народностей XVI в. Словении, Польши и Чешских земель заметную роль играл конфессионализм не только «католической и православной церковей» (с. 7), но и различного толка протестантизма. Конфессиональный фактор в ряде случаев сохранял свою значимость и позднее. Крайне сложная ситуация, вплоть до языковой реформы штуровцев, сохранялась в Словакии, где, как пишет В. Матула, «конфессиональное разделение словаков на католиков и протестантов» (с. 112) играло негативную роль в выработке единого словацкого литературного языка. Спорной представляется мысль, что в середине XVIII в. в Вене развернулось движение «за создание национальной по облику и характеру немецкой культуры» (с. 57). Обращение к фактическому материалу показывает, что такое движение с этнокультурной точки зрения не было однородным: ведущие деятели австрийского Просвещения были сторонниками австро-немецкой, а не общегерманской ориентации в культуре. К последним, в частности, в чешской среде, принадлежал в 60—70-х годах К. Сейбт [3]. Следует уточнить позицию Й. Добровского по отношению к Краледворской и Зеленогорской рукописям: «В их подлинности, — пишет Л. Н. Титова, — были убеждены все деятели чешской культуры первой половины XIX в., кроме Й. Добровского» (с. 99). Это довольно распространенное заблуждение, с которым в последнее время приходится почему-то все чаще встречаться [4]. Между тем, давно уже отмечено, что Й. Добровский, допуская подлинность Краледворской рукописи, решительно отвергал версию о древности рукописи Зеленогорской [5].

Встречаются и не вполне удачные определения. Например, непонятна оценка Первого и Второго сербских восстаний как «формационной вехи», хотя автор

и прав, отмечая большое воздействие этих событий на общественную и культурную жизнь сербов (с. 167). Так же трудно согласиться с определением реформ Иосифа II — при любой их трактовке — как «куцых» (с. 209). Встречаются и композиционные несоответствия. Так, в разделе о словенской культуре отмечено, что в 1846 г. в словенской печати был опубликован пересказ статьи сербского культурного деятеля и поэта О. Утешеновича-Острожинского, посвященной национальному искусству славянских народов (с. 205). Однако в разделе о сербской художественной культуре отсутствует логически ожидаемая характеристика этого деятеля и его эстетических взглядов.

Впрочем, подобные недостатки фактического и редакционного свойства несут, в конечном счете, частный характер и не влияют на общий уровень рассматриваемого коллективного труда. Его примечательной особенностью является то, что он не только обобщает обширный фактический и историографический материал, но и стимулирует дальнейший научный поиск. Это — сознательная установка составителей труда, которые подчеркивают: «Остаются еще нерешенные вопросы, не все проблемы, освещаемые в труде, одинаково осмысляются отдельными авторами. Мы намеренно сохранили разные авторские позиции в освещении отдельных проблем, чтобы дать представление о существующих к настоящему времени различных толкованиях» (с. 6). Плодотворность именно такого подхода можно рассмотреть на примере двух проблем — понятия региона и периодизации.

В программной статье В. И. Злыднева Центральная и Юго-Восточная Европа рассматриваются как единый регион, как историко-культурная целостность на этапе формирования наций (с. 9). Такое понимание лежит в основе большинства статей рассматриваемого труда, в задачу которого входит охват «всего региона зарубежных славянских народов, а также соседних неславянских народов...» (с. 5). Думается, что эта позиция нуждается в уточнениях. То, что народы Центральной и Юго-Восточной Европы переживали в рамках избранной хронологии эпоху формирования наций и национальных культур в целом признается не только советскими, но и большинством зарубежных исследователей. Однако констатация формационно-типологической общности протекавших здесь процессов периода перехода от феодализма к капитализму сочетается с указанием на различные ста-

диальные уровни этих процессов. На это, впрочем, справедливо обращает внимание и В. И. Злыднев: «То, что было характерным для польской, чешской или венгерской культур 30—40-х годов XIX в., в культурах балканских народов можно было наблюдать позже, в некоторых случаях лишь в 50—60-е годы XIX в.» (с. 7).

Разумеется, само понятие «регион» многозначно и в известной мере условно, поскольку многое здесь зависит от принятой точки отсчета. На это, в частности, указывали Ю. В. Иванова, Т. М. Исламов, С. В. Никольский, Б. Н. Путилов, К. И. Ровда, В. И. Фрейдзон и другие историки, литературоведы, фольклористы и этнографы — участники дискуссии о проблеме региона, проходившей в 1982 г. в рамках Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики в Ленинграде [6]. Вместе с тем, отмечалось, что для решения вопроса необходимо руководствоваться материалами не одной, а нескольких дисциплин, применять комплексный подход. Ответ, по нашему мнению, целесообразно искать в осознании тех границ типологической формационно-стадиальной исторической и культурной общности, которые мы застаем к эпохе формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: регион в этом смысле можно рассматривать как совокупность двух исторических областей. Поскольку в силу сложившейся здесь ситуации народы были связаны общностью происхождения или, по крайней мере, исторических судеб, оба названных региона целесообразно именовать ареалом. Такой подход все более утверждается в современной историко-славянской литературе.

Надо отметить, что на сходной позиции фактически стоят и некоторые авторы рецензируемого труда. Так, С. Б. Ильинская, характеризуя положение в Османской империи на рубеже XVIII—XIX вв., пишет: «Административный и военный механизм слабейшей феодальной державы терял контроль над регионом, уже вступавшим на путь буржуазного развития» (с. 269). Здесь речь может идти только о регионе Юго-Восточной Европы. Встречаются и иные случаи применения понятия «регион» и «ареал». Так, А. В. Данилова пишет о существовании нескольких регионов хорватской культуры (с. 135), а И. И. Лещиловская говорит о культуре «сербского православного ареала» (с. 163). Но как бы ни трактовать эти понятия, в коллективном труде охвачен далеко не весь регион зарубежных славянских и со-

седних неславянских народов (с. 5). В частности, раздел о художественной культуре лужицких сербов отсутствует, и едва ли не одна И. В. Чуркина охарактеризовала взгляды на задачи литературы серболужицкого будителя Яна Петра Йордана (с. 200—201). Не представлен и хотя бы краткий очерк развития албанской культуры. Все это свидетельствует, что проблема региона нуждается в дальнейшей теоретической разработке, чему рассматриваемый труд, несомненно, будет способствовать.

Это же можно заметить и относительно периодизации процесса становления национальных культур народов ареала — не только его верхнего и нижнего рубежей, но и внутренних фаз развития. Не затрагивая этой темы подробнее, отметим лишь, что и в данном случае плодотворным окажется только междисциплинарный подход. В этом смысле заслуживают поддержки соображения И. И. Свириды и Ю. П. Гусева на польском (с. 24) и венгерском (с. 63) материалах о целесообразности выделения переходных периодов между двумя основными — преимущественно просветительским и преимущественно романтическим — этапами процесса генезиса национальных художественных культур. При этом крайне важно выявление не только региональной общности, но и внутрорегиональной специфики этого процесса.

Если, скажем, у поляков, венгров (мадьяры), чехов или словаков период конца 20 — начала 30-х годов XIX в. представлял собой рубеж в пределах общей эпохи формирования национальных культур, то у других народов ареала такую же роль могли выполнять другие даты — например, национально-освободительная революция 1821 г. в истории греческой культуры (с. 260). Большой интерес с этой точки зрения вызывает периодизация болгарской художественной культуры эпохи национального возрождения, предложенная В. И. Злыдневым: первый этап охватывает время от появления «Истории славяно-болгарской» (1762) до Крымской войны (1853—1856), а второй завершается освобождением страны от османского ига в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (с. 235). Размышления В. И. Злыднева плодотворны прежде всего потому, что показывают первостепенную значимость не внешних факторов (не говоря уже о механическом переносе такой периодизации на культурное развитие других народов ареала, находившихся в иных условиях и на

других стадиях формирования наций), а внутренних социально-экономических и политических обстоятельств, придававших изучаемому процессу черты национальной специфики.

Авторы и редакторы коллективного труда проделали большую, трудоемкую и успешную работу. Подготовленная ими книга существенно обогащает историографию славяноведения и балканистики. Она содержит обширный фактический материал, ценные и плодотворные наблюдения и выводы, открывает пути дальнейшего обсуждения и исследования общего и особенного в развитии художественных культур народов Центральной и Юго-Восточ-

ной Европы периода перехода от феодализма к капитализму.

Мыльников А. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.
2. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
3. Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.—1849 г. М., 1980, с. 284—289.
4. «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985, с. 170—171.
5. *Мыльников А. С.* Культура чешского Возрождения. Л., 1982, с. 100.
6. Советская этнография, 1984, № 1, с. 148—152.

R. SNASIL, Změny sídlištní sítě a jejich příčiny v 10.—19 století.— Uher-skohradištsko. Brno, 1982

Р. СНАШИЛ. Изменения сети поселений и их причины в X—XIX веках.— Угерскоградитьско

Рецензируемая работа посвящена изучению формирования и развития сети поселений в Угерскоградитьской части среднего течения р. Моравы (Восточная Моравия).

Среди причин появления и заустения поселений автор выделяет внешние (различные взаимосвязи поселений и природной среды) и внутренние (общественно-экономические явления). При этом исследователь считает, что в ходе исторического развития для существования поселений все большее значение приобретали прогрессивные или, наоборот, кризисные явления в общественно-экономическом процессе.

По его мнению, военно-политический распад Великоморавской державы в X в. не повлек за собой резких хозяйственных изменений; жизнь в большинстве деревень и даже в отдельных укрепленных поселениях — городищах продолжалась, и сельские поселения великоморавского времени составили основу сети поселений X — первой половины XIII в. (в чехословацкой археологии это время принято относить к так называемым младо- и позднегородитцескому периодам). В целом для X—XII вв. в регионе известно 65 поселений, что составляло 65% от нынешнего числа населенных пунктов. Автор выделяет плотно и слабо заселенные тер-

ритории. Наиболее плотно были заселены участки с плодородными черноземными почвами, в долинах (не выше 200—300 м над уровнем моря), с умеренными климатическими условиями. Деревни располагались вблизи рек и ручьев, каждую из них окружали хозяйственные угодья. Для крупных деревень характерно свободное, довольно разбросанное расположение усадеб, небольшие нередко стлачивались более плотной застройкой.

С XII в. начинается расширение прежней зоны заселения — внутренняя колонизация. Осваиваются предгорья (на высоте до 400 м) с худшими землями и климатом, т. е. менее пригодные для земледелия. Это обуславливалось, наряду с прочим, повышением уровня р. Моравы и ее притоков, общим подъемом уровня грунтовых вод, что привело к затоплению ряда низинных (в том числе и заселенных) мест. Другая причина начавшегося освоения предгорий — в наступившем перенаселении освоенных ранее плодородных долин, заселенных в XII в. плотнее, чем ныне. Этим автор объясняет и начавшееся в XII в. частичное заустение деревень в долинах. Опираясь прежде всего на археологические данные, автор обращает внимание на начавшийся в XII в. переход к трехполью. Следует заметить, однако, что этот хо-

зяйственный, агротехнический фактор перемещения населения приобрел большое значение в XIII—XIV вв., когда переход к более интенсивному земледелию стал массовым [1]. Деревни, возникавшие в XII — первой половине XIII в. на новых землях, были небольшими (площадью до 1 га), размещались часто в 1—2-х км друг от друга, что может свидетельствовать о наличии у них общих угодий. Жилища в этих деревнях представляли собой деревянные срубы, обычно наземные, но иногда с заглубленными в землю полами. Включение региона в шемысловское государство привело к появлению укрепленных центров княжеской власти, часто рядом со старыми великоморавскими городищами возникали и укрепленные феодальные усадьбы-замки. Известны и многочисленные почти не укрепленные феодальные дворы рядом с деревнями, возникшими в XII в. Это свидетельствует не только о становлении в крае феодальной государственности, что отмечает автор, но также об углублении процесса феодализации — складывании слоя местных землевладельцев.

В XIII и XIV вв. усиленная внутренняя колонизация сопровождалась массовым переходом к трехполью, к денежной ренте. Этому способствовала относительная политическая стабильность. Продолжалось освоение холмов, предгорий, менее пригодных к обработке земель. Появляются деревни с регулярной планировкой. В XIV в. была достигнута максимальная плотность сети поселений в регионе, которых тогда насчитывалось на 19% больше, чем теперь. Это свидетельствовало о хозяйственном подъеме, особенно во второй половине XIII — первой половине XIV вв. Причины же исчезновения в это время 27 деревень автор видит в обычных хозяйственных и владельческих перестройках и справедливо указывает, что запустение поселений в эпоху феодализма не обязательно было связано с кризисом феодального хозяйства. Последнее замечание важно как еще одно свидетельство, опровергающее господствующее в западной историографии мнение о кризисе феодализма или аграрном кризисе XIV в.

Хозяйственный и политический упадок в регионе, указывает Р. Снашил, отмечается в XV в., и он был вызван усилением феодального гнета, гуситскими войнами, а затем чешско-венгерской войной. Все это вызвало убыль населения и сокращение количества поселений. На опустевших землях в конце XV—XVI вв.

формировались шляхетские поместья. В XVI в. продолжалось сокращение числа поселений. Помимо ухудшения положения крестьян в ходе усиления феодальной эксплуатации отрицательную роль сыграли и турецкие набеги. В XVII в. на положении региона сказались бедствия 30-летней войны. К концу XVII в. в регионе осталось 87 поселений (против 119 в XIV в. и 100 современных). Лишь со второй половины XVIII в. начинается постепенный рост населения, и в конце столетия насчитывалось 99 населенных мест, что означало фактическое завершение развития современной сети поселений.

Особо останавливается автор на развитии укрепленных поселений, справедливо рассматривая их формирование как отражение процессов складывания феодального землевладения и феодального государства. Определенным рубежом в этом процессе была, как видно из исследования, первая половина XI в., когда возникали новые замки и крепости. Автор отмечает причины, вызывавшие упадок и запустение поселений в средние века: 1) перемещение населения в интересах феодального хозяйства; 2) слияние деревень; 3) частичное перемещение усадеб в рамках территории данной деревни; 4) изменение гидрологического режима; 5) развитие городов; 6) побег крестьян в условиях усиления феодальной эксплуатации; 7) войны, стихийные бедствия, эпидемии; 8) пожары; 9) захват крестьянских земель феодалами для организации собственного хозяйства (для данного региона, как и вообще для Центральной Европы, это относится к позднему средневековью). Вслед за известным специалистом по средневековой моравской археологии В. Некудой автор обосновывает ведущую роль в процессе изменения средневековой сети поселений социально-экономических условий феодального общества и вторичность природных факторов. Эти выгоды, основанные на изучении более 100 населенных пунктов, не вызывают возражений.

Работа Р. Снашила свидетельствует о перспективности данного направления исследований и представляет значительный вклад в изучение демографических и социально-экономических проблем средневековья.

Риср Я. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Beranová M. Zemědělství starých slovanů. Praha, 1980.*

Известный словенский литературовед, член Словенской Академии наук и искусств, ее литературный консультант, Франц Берник в течение многих лет изучает творчество крупнейшего словенского писателя Ивана Цанкара (1876—1918). Многочисленные статьи и исследования, посвященные различным аспектам творчества Цанкара, книга о его ранней прозе, редактирование и составление примечаний к семи томам собрания сочинений словенского писателя, исследования теоретического характера, связанные с проблемами словенской литературы и местом в ней творчества И. Цанкара, — все эти труды Ф. Берника отличает необычайная тщательность в отборе литературных фактов. Заметным этапом этой работы стало появление большой книги Ф. Берника «Типология прозы Цанкара». В ней не только обобщен опыт изучения прозы писателя, но впервые в литературе о Цанкаре сделана попытка жанрового анализа всего обширного и разнообразного прозаического наследия писателя, включающего свыше 400 произведений.

Монография состоит из трех основных разделов, отражающих три главные периоды в творчестве И. Цанкара, причем автор книги помимо хронологической классификации отмечает также содержательные и жанровые доминанты каждого из периодов.

Во вступлении к книге Ф. Берник определяет методологическую основу своего исследования как поэтико-типологическую. Автор стремится обнаружить связи между отдельными произведениями, объединяя их на основе общности тем, мотивов их художественно-стилевых особенностей. Он пытается показать, что только такой подход может помочь избежать односторонности как сугубо стилистического, так и идейно-содержательного анализа. Ф. Берник старается отойти и от определенной ограниченности в классификации прозы Цанкара «только по линии статической горизонтали, а также по линии динамической вертикали» (с. 6); эти два принципа исследования он сочетает в связи с проблемой генезиса. «Это значит, что книга освещает также развитие жанровых форм..., расширение объема очерков, переход к повелам и повестям, а также художественный генезис ключевых персонажей прозы И. Цанкара...» (с. 6).

Обращаясь к раннему этапу творчества И. Цанкара (1892—1899), Ф. Берник выделяет жанр рассказа и намечает два пути его развития. С одной стороны, писатель продолжает лучшие традиции реалистической прозы XIX в., с другой — уже в его ранней прозе обнаруживается влияние различных философских и эстетических теорий этого времени. Но Ф. Берник не абсолютизирует увлечения Цанкара новыми художественными веяниями «от натурализма и декаданса до импрессионизма и символизма...» (с. 7), хотя они сыграли большую роль в выявлении субъективного лирически-исповедального начала — одной из существенных черт творческой индивидуальности писателя. Автор показывает, как постепенно происходит отход Цанкара от увлечения новыми теориями, и главное тому свидетельство — «Эпизод» (1899) сборника «Вишьетки».

Во втором периоде творчества И. Цанкара (1899—1909) расширяются жанровые границы, все отчетливее проявляется стремление к большим повествовательным формам — повести и роману. Получают дальнейшее развитие и основные особенности художественного таланта Цанкара — сатирическая направленность его произведений. В это время в центре многих из них оказывается критика современного ему буржуазного общества, осуждение духовной нищеты и отсталости словенского народа. Автор монографии устанавливает закономерную связь между выходом писателя «на арену жизни» (более близкое знакомство с жизнью рабочих окраинных районов Вены, сближение с лидерами словенской социал-демократической партии, участие в ее революционных изданиях) и его произведениями этого периода, проникнутыми духом протеста против социальной несправедливости и угнетения. В печати появляются сборники небольших рассказов, которые сам автор называл революционными («Книга для легкомысленных людей», «На заре», «За крестом»), эти произведения «наряду с тенденцией к типизации, наряду с расширением объема повествования и все большим интересом к социальным темам современности, открывали путь к форме романа» (с. 153).

Обращаясь к проблеме жанра романа в творчестве И. Цанкара, автор книги

выделяет два типа романа. С одной стороны, это традиционный тип, испытавший на себе влияние романтико-реалистической литературы Словении XIX в. и в определенной степени ее продолжающий. Развитие этого типа романа Ф. Берник связывает с расширением рамок повести и относит к нему романы «Мартин Качур», «Крест на горе» и неоконченный — «Марта». С другой стороны, опираясь на выдвинутое В. Шкловским положение о том, что предшественником современного романа был сборник новелл [1], выделяет второй тип романа — новеллистический, или импрессионистско-символический. К нему он относит такие произведения, как «На улице бедняков», «Дом Марии-заступницы», «Госпожа Юдит», «Новая жизнь». Подробно исследуя характерные особенности композиции, технику повествования, отличающие романы Цанкара как первого, так и второго типа, исследователь отмечает, что «оба типа романной прозы: импрессионистско-символический с тематически циклическим построением и более реалистический с единой фабулой — в конце концов доказывают мстцу Цанкара-художника, доказывают великие возможности его художественного дарования» (с. 175).

В книге Ф. Берника убедительно показано, как меняется концепция героя в творчестве словенского писателя. Ничемный, маленький человек, гибнущий в тисках отчужденности, индивидуалист-пессимист — таков герой его первых рассказов. Но чем ближе подходит Цанкар к материалистическому пониманию общественных закономерностей, тем активнее его герой начинает относиться к действительности, тем яснее он видит необходимость ее изменения. Автор монографии настойчиво проводит мысль о преодолении пессимистического фатализма ранних произведений И. Цанкара. Словенский художник, герой романа «Крест на горе», обретает уверенность в себе и творческую силу, осознав необходимость своим искусством служить своему народу. Герои романов «На улице бедняков» и «Мартин Качур» в финале приходят к пониманию необходимости борьбы за политическое и духовное возрождение своего народа. Таково оптимистическое кредо писателя. Но не только представители словенской интеллигенции были героями его произведений этих лет; Цанкар обращается и к образу нового героя — рабочего. Исследователь вскрывает закономерность появления в творчестве пи-

сателя нового типа героя — активного героя, героя-борца, бросившего вызов обществу эксплуатации и лицемерия. Таким стал его Ерней в притче «Батрак Ерней и его право» (1907).

В заключительном разделе книги Ф. Берника исследуются мотивы и темы последнего периода творчества И. Цанкара (1909—1918). Начало первой мировой войны, по мнению ученого, делит этот период на два этапа. Первый отмечен появлением романа «Милан и Милена», повестей, однако ведущим жанром все же является рассказ, объединяемый в циклы и сборники. Наряду с усилением психологизма, углублением анализа внутреннего мира героев, отчетливее проявляется философская оценка событий и действий героев. На втором этапе последнего периода творчества Цанкара, вновь устремившегося в самую гущу общественно-политической борьбы, появляется цикл коротких рассказов «Видения» (1917). В них в иносказательной форме, с использованием символики, религиозных образов и реминисценций автор в условиях строжайшей цензуры высказывает свое неприятие империалистической бойни. Он отождествляет свою судьбу с судьбой своего народа; вновь, как и в годы жизни в Вене, Цанкар возвращается к активному, действительному искусству, «поднимается до любви к родине, как своей главной и единственной ценности» (с. 467). В этой любви к народу, к своей родине — утверждает исследователь — он обретает свою силу, уверенность в необходимости и пользе своего искусства.

Таким образом, анализ прозаического творчества И. Цанкара с точки зрения жанра позволяет раскрыть разные грани сложного творчества писателя, отразившего важнейшие тенденции общественно-политического и литературного развития Словении на рубеже веков. Ценной стороной книги является глубокое исследование стиля Цанкара, который до сих пор характеризовался лишь в общих чертах и не в развитии, а статично. Ф. Берник стремится раскрыть обусловленность выразительных средств писателя особенностями его личности, художественными и идейными задачами, которые он ставил перед собой, литературными влияниями. Привлечение богатого автобиографического материала, выдержек из публицистики Цанкара, из его эпистолярного наследия делают многие выводы словенского ученого необычайно убедительными и придают повествованию дополнительную иллюстративную значимость.

В монографии Ф. Берника можно обнаружить и спорные идеи, недоговоренности. В частности, анализу весьма важной проблемы генезиса жанра романа, на наш взгляд, недостает более конкретного теоретического обоснования (тем более, что в словенском литературоведении существуют разные точки зрения по вопросу определения жанра крупной прозы И. Цанкара). Интересно замечание Ф. Берника о «различных функциях языка символов в прозе Цанкара» (с. 431), однако, оно касается произведений, построенных на автобиографическом материале и посвященных матери писателя. В них религиозное содержание христианских символов и выражений нивелируется, они служат решению других задач. Думается, что изучение различных функций символического языка заслуживает более глубокого и всестороннего анализа применительно ко всему прозаическому творчеству писателя.

Однако эти частные замечания ни в коей мере не умаляют огромной познавательной и научной значимости книги Ф. Берника, в которой широкий исторический подход к наследию писателя соединен с пристальным вниманием к тексту. Именно такой подход позволяет связать творчество крупнейшего писателя Словении с литературой века минувшего и осмыслить его как необходимое движение вперед.

Значительно расширив и обогатив наши знания о И. Цанкаре, монография Ф. Берника одновременно является и серьезным импульсом для новых исследований творчества этого большого и сложного писателя.

Чепелевская Т.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкловский В. О теории прозы. М., 1925, с. 64.

СТ. СТОЙКОВА. Български народни гатанки. София, 1984, 677 с.

СТ. СТОЙКОВА. Болгарские народные загадки

Надо всячески приветствовать появление в издательстве «Наука и искусство» нового сборника болгарских загадок, значительно дополненного и расширенного по сравнению с предыдущим сборником того же автора [1]. Собрание, классификация и научное издание загадок имеет в болгарской паремологии давние традиции — стоит вспомнить замечательное для своего времени издание болгарских загадок Хр. П. Стоилова [2], куда вошло 2948 загадок, распределенных на 17 групп по тематике отгадок, выделено 378 мотивов, 890 вариантов и 1125 версий (разночтений в зависимости от региона). Рецензируемый сборник Ст. Стойковой содержит 3751 загадку, большую вступительную статью, примечания (с. 461—591) к каждой загадке с указанием региона бытования и источника, алфавитный список 717 отгадок с указанием при каждой номеров соответствующих приведенных загадок; указатель имен, использованных в образной части загадки (1507 единиц) с приведением краткого контекста, в котором данное имя употреблено; и номера соответствующей загадки; словарь диалектных слов с переводом их на болгарский литературный язык. При составлении сборника были

использованы архивные материалы этнографического института, кафедры болгарского языка факультета славянской филологии при Софийском университете, студенческих этнографических исследований, а также собственные записи автора, сделанные ею во время фольклорных экспедиций. В книге приводится список использованных источников как изданных (37 названий), так и рукописных (132 названия).

Большой интерес представляет вступительная статья к сборнику, содержащая важные сведения о собирании и истории изучения загадок, их функционировании, отражении в них старинных верований и поверий, использовании в обрядах, а также способах представления загаданного объекта. Вступительная статья состоит из 11 разделов. В первом рассмотрена тематика и образы в загадках, отмечается, что объектом загадки является то, с чем человек встречается в повседневной жизни, тематика ограничена сферой видимого и осязаемого, из этой же конкретной среды черпаются и образы, которым уподобляются загаданные объекты. Автор подразделяет загадки на пять тематических полей: 1) природа, 2) человек и части его тела, 3) трудовая

деятельность, 4) материальный быт народа, 5) духовная культура. Внутри каждого тематического круга автор отмечает, какие именно предметы чаще загадываются, чему они уподобляются и с помощью каких образов описываются. В этом разделе подробно освещена специфика каждого тематического круга, характерная именно для болгарских загадок, он даст хорошее представление как об инвентаре загадываемых объектов, так и о семантике замещающих образов.

Во втором разделе рассмотрено отражение в загадках общественной среды, здесь речь идет о способах выбора лексем-заместителей, используемых в образной части загадки при метафорическом описании загаданного объекта. Автор отмечает частое использование в загадках терминов родства для замещения названий объектов, связанных по какому-либо признаку, например, дни и ночи обозначаются как братья и сестры; лоза винограда, гроздь и вино, как мать, ребенок и внук и т. д. По мнению автора, указание родственных связей вносит эмоциональный элемент, «предметы становятся более живыми и более близкими» (с. 27). Нам представляется, что любая анимизация, приписывание предметам свойств и функций живых существ всегда оживляет, и здесь называние терминами родства ничем не отличается от анимизации вообще. Указание субординации (старший — младший, отец — сын, бабушка — мать — дочка) отражает видение этих предметов, включенность этих предметов в картину мира, это явление дополняет анимизацию. Также нам кажется, что здесь находит отражение не эмоциональный момент, а знание о связях предметов окружающего мира.

В третьем разделе рассмотрено отражение в загадках старинных народных верований и представлений. Он представляет собой самостоятельное научное исследование, где собран и интерпретирован большой материал, проанализировано много источников, помогающих вскрыть семантику образов, содержащихся в загадках. Особенный интерес с точки зрения отражения народных взглядов представляют загадки из области природных явлений, в частности связанные с народной астрономией и метеорологией. Во многих загадках отражен взгляд на небо как твердую материю, кору, которая покрывает землю. На основе представления, что небо сделано из того же вещества, что и земля, возникли

обозначения неба, как поля, дуга, поляны, гумна, тока. Особенный интерес в этом плане представляет обозначение неба, как медного тока. В старых греческих и славянских преданиях медный ток представляется как место ворожбы и гаданий, а также место борьбы мифических существ, змей. В новогреческом фольклоре медный ток связывается с мифическим Хароном, мрачным старцем, олицетворением смерти. От этого верования возникло представление, что медный ток сторожит старец. Загадки о ночи, в которой ночь обозначается как черный клубок, связана с народным преданием о том, что бог имел два клубка: один белый, другой черный, когда разматывал белый — наступал день, когда черный — наступала ночь.

Пятый раздел посвящен языковым особенностям болгарских загадок. Язык загадок исследован хуже, поверхностнее, чем отражение в загадках старинных верований и представлений, совершенно не изучено, какие формы имен и глаголов преобладают в загадках, какие типы предложений используются в них, и т. п. Автор понимает под языковыми особенностями только использование собственных имен (Неда, Яна, Рада, Енка, Найда, Мара, Дона Ева, Стойко, Тодор) в качестве лексем-заместителей, а также словообразовательные окказионализмы и условные названия загаданных объектов. Отмечается употребление наряду с именным новообразованием также и глагольного образования от той же основы, при этом получается тавтология. Вторым вопросом, который автор относит к проблемам языка загадки, является рассмотрение особенностей употребления в них числительных. По способам использования числительных загадки подразделяются на два типа: в первом числительные обозначают не точное количество, а множество (так, количество зубов в одной загадке обозначается как сорок верблюдов, а в другой — как двенадцать кобыл), во втором — именно указание конкретного числа релевантно для опознавания скрытого денотата. Нам представляется, что вопрос использования числительных в этом аспекте не лингвистический, а относится к строению текста загадки, приемам описания загаданного денотата, и должен быть рассмотрен в разделе, специально посвященном строению загадки, в котором рассматриваются метафора и метонимия в загадке.

При создании образа в загадках часто

используется сравнение, в том числе отрицательное сравнение. Наиболее любимыми и часто используемыми приемами являются парадокс и антитеза. В большинстве случаев парадокс имеет форму антонимичного параллелизма. Контрастное сопоставление качеств, положений и действий придает загадке, по мнению автора, особую эффектность, часто контрастно соплагаются признаки 'черный' и 'белый'. Часто применяются и другие антонимы: сухой — мокрый, мягкий — твердый, обутий — босой, слуга — госпожа, имеет — не имеет, тоньше — толще, зимой — летом, днем — ночью, внутри — снаружи, сверху — внизу и др. В загадках часто используется прием олицетворения, приписывание предметам черт, качеств и действий, свойственных людям. Этот раздел очень интересен, можно еще упомянуть о приеме негации (объекта ожидания, совершаемых действий при указании наличия орудия этих действий, объектов неотчуждаемой принадлежности при утверждении совершення соответствующих действий и т. п.). Представляло бы большой интерес также изучение возможностей сочетаний разных приемов в пределах текста одной загадки.

В шестом разделе подробно рассмотрен ритмический строй, рифма, алитерация и звукоподражание в загадках. В седьмом разделе освещается связь загадок с другими фольклорными жанрами, указывается на их связь с детскими считалками, пословицами и поговорками, отмечается, что границы между загадками и другими видами фольклорных произведений малых жанров зыбкие, возможен переход загадки в пословицу и наоборот. В восьмом разделе рассматривается история функционирования загадок, их роль и значение в прошлом, связь

с тайным языком, вхождение в обряды, в частности в похоронный и свадебный. Девятый раздел посвящен болгарским обрядам и обычаям с точки зрения использования в них загадок, особенно много внимания уделено свадебным обрядам. В десятом разделе рассматриваются загадки как форма развлечения развития сообразительности и памяти. В одиннадцатом разделе прослежена история собирания и исследования болгарских народных загадок.

Остается сказать о способе подачи загадок в сборнике. Загадки сгруппированы по отгадкам, причем под разными номерами записаны как загадки разной структуры, так и загадки одинаковой структуры, различающиеся только отдельными словами или даже разночтением. Было бы крайне желательно, чтобы загадки одной структуры были сгруппированы вместе и противопоставлены загадкам другой структуры.

Словарь малоизвестных диалектных слов включает далеко не все диалектные слова, используемые в загадках и отсутствующие в двуязычных и толковых словарях, что несколько затрудняет работу со сборником.

Несмотря на некоторые небольшие отмеченные недочеты, опубликованный сборник вносит большой вклад в развитие паремнологии, теорию, методологию и практику собирания загадок.

Волоцкая Э. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стойкова Ст.* Български народни гатанки. София, 1970.
2. *Стоилов Х. П.* Класификация на българските народни гатанки.— В кн.: Сборник за народни умотворения и народопис, кв. XXX. София, 1914, с. 14—146.

Л. Э. КАЛЫНЬ, Л. И. МАСЛЕННИКОВА. Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985, 191 с.

Еще на V Международном съезде славистов одним из рецензентов был отмечен «чрезвычайно парадоксальный факт: с одной стороны, проблема слога остается наименее изученной на славянском материале, с другой — именно в славянском языкознании многочисленны факты истории славянских языков подводятся под так называемый закон открытых

слов, связываются с проблемой структуры слога» 1).

Минувшие два десятилетия, надо признать, не внесли в ситуацию кардинальных изменений. И тем большее значение приобретает монография Л. Э. Калынь и Л. И. Масленниковой. Продолжая целую серию публикаций, посвященных внутри- и межязыковому сопоставлению

славянских диалектов [2—4], данная работа отличается от них предметом (не фенологическая система в целом, а один ее частный аспект), объектом (не записи речи, отвлеченные от ее носителей, а сам процесс порождения речевых единиц) и методом (языковой эксперимент). Бесспорно, все это способствовало появлению одного из самых основательных исследований проблемы славянского слога.

Во Введении (с. 3—33) авторы дают теоретическое обоснование своего подхода к проблеме и используемой методики. Прежде всего они находят оригинальный и плодотворный путь к преодолению «запутанности слоговой проблематики»: в слогостроении звуковой речи выделяются суперсегментный (слогообразование) и сегментный (слогоделение) аспекты. «Слогообразование необходимо присуще звуковой речи, образующейся как волнообразные артикуляционные усилия... Слогоделение же осуществляется лишь при определенных обстоятельствах (например, для повышения разборчивости речи)...» (с. 4). Соответственно в первом аспекте преобладают универсальные фонетические характеристики, во втором — специфические. Основным пафосом книги становится последовательное разграничение названных аспектов.

Рассмотрев с этой целью вопрос о специфической языковой функции слога — сегмента (с. 5—11), авторы приходят к убедительному, при всей кажущейся парадоксальности, выводу о ее отсутствии. Действительно, речь может идти только о таких вторичных явлениях, как использование слогораздела в качестве пограничного сигнала либо наложение слога на кратчайшую семантическую или фенологическую единицу (силлабема, группофонема), когда он, становясь унифицированным, начинает выполнять «не свою» функцию.

Критическое рассмотрение различных методик слогоделения (с. 11—19) обнаруживает в этой сфере **не законы**, учитывающие объективно существующие слоговые границы, **но правила**, разграничивающие слогги «правильные» и «неправильные» относительно априорно выбираемой артикуляционной или акустической модели. Между тем слог — явление принципиально комплексного характера и ни одной из таких концепций исчерпан быть не может.

Таким образом, поиски объективных слоговых границ в связной речи оказываются бесперспективными. Этот вывод

закономерно оставляет единственную возможность изучения слогоделения (с. 20—33) — обращение к сегментации речи самими говорящими в экспериментальной ситуации, создаваемой специальными средствами (просьба произнести слово более внятно, по слогам, в такт с хлопками, в такт с мелодией). При этом наиболее благоприятными оказываются условия диалекта, позволяющие в максимальной степени устранить графические ассоциации, неизбежные для литературного языка (морфемные ассоциации сами становятся предметом изучения — см. ниже).

Для проведенного установочного эксперимента весьма удачно отобраны объекты сопоставления, представляющие различные языковые и социолингвистические типы: севернорусский говор д. Мелешово Тотемского р-на Вологодской обл. (М.), южнорусский д. Дьячи Моршанского р-на Тамбовской обл. (Д.), украинский гущульский с. Яблунца Путивльского р-на Черновицкой обл. (Яб.), польский говор в условиях двуязычия д. Лановичи Самборского р-на Львовской обл. (Л.).

Само исследование (главы первая, вторая и третья, с. 34—159) отличает продуманность постановки задачи и отбора материала, четкость проведения и фиксации — в тексте и 13 таблицах. Последовательно сопоставляется употребление носителями различных диалектов двух-, трех-, четырехчленных консонантных сочетаний (пятичленные отсутствуют в слитном произношении) в начале, середине и конце фонетического слова. Сочетания классифицируются прежде всего по локальному ряду и способу образования первого компонента. Отношение сочетаний к слогоразделу фиксируется только в срединной позиции, где у говорящего есть возможность выбора границы. Затем сопоставляются сочетания: допустимые на границах слога и слова, а также слогораздел и морфемные швы в пределах слова.

В четвертой главе (с. 151—188) анализируются результаты, полученные в ходе исследования. Как и следовало ожидать, результаты эти отнюдь не носят жесткого характера, им присущ значительный разброс. И конечно, наиболее адекватной была бы их статистическая обработка, без которой предлагаемые авторами выводы проигрывают в убедительности и наглядности. А между тем выводы эти чрезвычайно интересны и содержательны.

1. Сопоставление диалектов выявило принципиальные различия в характере слогоделения: в М. преобладают закры-

тые слоги, в Д. и Яб.— открытые, Л. также отдает предпочтение открытым слогам, однако гораздо менее последовательно. Любопытное компромиссное решение — слоговая граница, проходящая через фрикативный или сонорный согласный, который при этом протягивается, делится пополам или даже выделяется в особый сегмент. Это явление, отмеченное во всех диалектах, особенно широко представлено в Л.: *zas/non'ě, na/pom/ne // na/pom/mne*.

2. Ни в одном из диалектов звуковой контур срединного слога не идентичен контуру словесному — тем самым опровергается широко известная и весьма привлекательная (в силу своей четкости) концепция, связанная прежде всего с именем Е. Куриловича, о зависимости слога деления от консонантных сочетаний, допустимых на границах слова. Конец слога всегда проще слова (не допускаются трехчленные сочетания, весьма редки двухчленные). Начало слога сложнее в диалектах Д., Яб. (открытые слоги, слого-раздел проходит обычно перед консонантными сочетаниями), проще в М. (закрытые слоги, сочетания обычно расчленяются слогоразделом), а также — хотя и не столь значительно — в диалекте Л. (обычны оба случая). Морфемное членение, в отличие от словесного, нигде не превалирует над слоговым.

3. Во всех диалектах обнаружены характерные аномалии: Яб., Л., реже Д., вопреки преобладанию открытых слогов, расчленяют сочетания «сонорный + шумный», напротив, М., в целом предпочитающий слоги закрытые, не расчленяет сочетаний «шумный + сонорный» (гипотетическая трактовка: слияние сонорного с последующим гласным в единую слоговую вершину?). Оба факта становятся аргументами в пользу сонорной модели слога Р. И. Аванесова — надо полагать, речь может идти о некотором доминировании в декларированном ранее (с. 5) комплексе слоговых параметров.

Самая модель получает существенную, но не бесспорную модификацию: «большая сонорности» по определению предполагает не только возрастание, но и убывание, а потому «более эксплицитна при делении на закрытые слоги» (с. 182). Идея подкрепляется интересным обобщением различных способов ослабления сонорности в конце слова, но авторы уже убедили нас в необходимости относиться к подобным аналогиям осторожно. Между тем в пользу большей естественности, общности открытого слога говорят как

бесспорные типологические данные, так и изучение детской речи. Наконец, свидетельство «от противного» может дать и анализ авторами способов слоговой сегментации (с. 29—33). В целом для открытых слогов типично (хотя и не обязательно) протягивание гласных, для закрытых — скандирование. Но в диалекте Л., где сосуществуют оба типа слога деления, закрытый слог явно маркирован: второй способ сегментации не заменяет первый, но накладывается на него.

4. Для обоснования сонорной модели и, соответственно, характера слога деления авторы обращаются к понятию «произносительного удобства», варьируемого в зависимости от специфической артикуляционной базы того или иного диалекта. Однако как раз этим фундаментальным понятием недостает той определенности и конкретности, которая отличает научный аппарат книги в целом. Думается, что подлинно объяснительную силу они получают при сопряжении с функциональными факторами.

Примером может послужить так называемый парадокс начальных согласных: у азербайджанских школьников отмечено «стремление под влиянием родного языка опускать гласный начального слога в русских словах, а также неумение произносить такие сочетания согласных в начале русского слова: *птилка*, но *птица*» [5]. Противоречивый характер преобразования слов *бутылка*, *птица* не объясним одними артикуляционными факторами, без учета непротивопоставленности начальных сегментов *СС—*: *CVC—*.

5. Ценнейшие наблюдения делают авторы над изменениями, вносимыми слоговой сегментацией в звуковой состав слога (с. 172—181). Прежде всего, каждый слог приравнивается к ударному, что вызывает чисто артикуляционное усиление слоговых вершин. Так, в Д., где особенно интенсивна качественная редукция гласных, *э* → *ы*, *е* → *и*, *я* → *лы*, *я'* → *л'и*; тогда как «неорганические», гласные, напротив, устраняются: *аццарезла* → *ацар/вы/ла*, *рубя'* → *ру/ба'и*, но *пзлахой* → *пла/хой*. Большой интерес представляют преобразования консонантных сочетаний — в первую очередь в диалектах М., Л., где при наличии чередования с сильной позицией может устраняться позиционная адаптация, восстанавливаясь согласная фонема: *одбой* → *ом/бой*, *оёйва* → *о'/су/ва*, но *суд'ба* → *суд'/ба*.

Наличие подобных явлений приводит к чрезвычайно важному и плодотворному выводу об «уровневой пограничности слога»: «Слог функционально не значим, но выделение слогов имеет последствия на функционально значимом уровне... В языках (диалектах) с неунифицированным типом слога уровневая пограничность слога имеет значение его онтологической характеристики» (с. 188).

Ценность актуального, отчетливо задуманного и последовательно проведенного исследования отнюдь не ограничивается его собственными результатами и выводами. Оно неизбежно ставит новые проблемы, открывает более широкие теоретические горизонты. Так, в контексте современной фонологии, стремящейся к тесному сопряжению функционального (язык) и естественного (речь), еще более значимым представляется тезис о пограничном статусе слога. Можно утверждать, что, будучи естественной и необходимой единицей речепроизводства, слог активно включается в процессы функционирования фонологических единиц и самого их формирования.

В языке с унифицированным слогоделением автономные фонемы просто не могут сформироваться как полноценные единицы, остаются потенциальными, виртуальными, а слог сам становится основной фонологической единицей. И напротив, язык фонемного строя предполагает разнотипные слоги, а также вариативность слогораздела, что и установлено для всех исследованных авторами диалектов (хотя количественные оценки вариативности и отсутствуют).

Думается, именно тесное взаимодействие функциональных и естественных факторов лежит в основе диалектных особенностей слогоделения. Ключом к этому взаимодействию является нейтрализация как синтагматический сигнал парадигматических структур. Тогда преобразования консонантных сочетаний, о которых говорилось выше (в отличие от вокалических преобразований, функционально незначимых), — это вторичный сигнал о наиболее значимых нейтрализациях. Именно на выполнение этой функции нацелено, видимо, большое число закрытых слогов в диалектах М., Л. С другой стороны, под действием фактора удобства снимаются главным образом (но не исключительно!) нейтрализации усложняющие, воплощенные в маркированном оппозице.

Необходимость актуализации консонантных структур может мотивироваться

характером фонологической эволюции соответствующих диалектов. Так, севернорусское наречие (диалект М.) в настоящее время переживает решающую стадию процесса преодоления остатков группофонемного (силлабемного) строя, с чем связано интенсивное становление автономного консонантизма [6]. Наиболее активна мягкостная корреляция, и именно она максимально подвержена воздействию функциональных факторов. Для зубных согласных, образующих центр корреляции, наблюдается даже снятие упрощающей нейтрализации (немаркированный рефлекс), т. е. восстановление фонематической мягкости: *матта* → *мат'/та*. Для губных, занимающих периферийное положение, это уже невозможно: *сватов'йа* → *сва/тов'йа*, но *кровной* → *кров'/ной* (впрочем, в последнем случае следует учесть и чередование мягкой и твердой фонем: *кров'и-кровавой*).

Звонкостная корреляция обнаруживает в целом такой же характер, как периферия мягкостной: *огбой* → *ом/бой*, но *потпал'im'* → *ном/на/а'im'*. Поведение признаков места и способа образования еще менее функционально и более подвержено воздействию фактора удобства: *тр'евос'с'е* → *тр'е/вош'с'е*, но *б'еш-шанк'и* → *б'еш/шанк'и*, *ог водоц'к'е* → *→ ог/во/доц'/к'е* (зубная и губная фонемы не восстанавливаются); *поцсобл'ейут* → *ном/со/ба'ейут*, но *н'емуц'с'е* → *н'е/лмут/с'е* (нефонематическое, чисто артикуляционное восстановление взрывности под влиянием регулярного чередования).

В польском языке (диалект Л.) наиболее активный процесс — трансфонологизация признака мягкости в место и способ образования (*t : t' → t : é* и т. п.), причем фонетическая реализация соответствующих согласных вступает в противоречие с традиционной системой нейтрализаций [7]. И именно место и способ образования восстанавливаются здесь регулярно (иногда даже в пределах слога), в то время как позиционная глухость — звонкость и мягкость — твердость нередко сохраняются либо испытывают чисто артикуляционные преобразования: *nagruscy* → *na/gruś/cy*, *ośseb'e* → *o/tśel'b'e*, *oźźel'no* → *od'/t/źel'/no*, *obval'ilośe* → *→ ob'/p/va/l'i/lo/śe*, *l'ex'k'i* → *l'ex'/k'i*.

Напротив, там, где нет столь радикальных сдвигов в консонантизме, система относительно стабильна (жонорусское наречие, Д., украинский язык, Яб.), преобладают открытые слоги. Надо полагать, это закономерный выбор простей-

шего из множества потенциальных типов слогаodelения, которые могут быть актуализованы в каждой языковой общности при изменении ситуации. Накопление такого разнообразного слогафонда у детей также происходит в естественном порядке «от простого к сложному»: первичные открытые слоги (*за/ва/цкой*, 3,5—4,5 лет) дополняются закрытыми (*за/вац/кой*, 4,5 — 8 лет), а затем и снятием нейтрализаций на морфемных швах (*за/вод/ской*, 9—10 лет) [8].

Разумеется, предложенная интерпретация фактов носит гипотетический характер. Ее верификации или отверженню может способствовать сопоставительное исследование слогаodelения в фонологически однотипных диалектах. Путь же к этому и дальнейшим исследованиям прокладывает новаторская работа Л. Э. Калынь и Л. И. Масленниковой.

Беляев Д. Д., Журавлев В. К.

1. Журавлев В. К. Выступление в дискуссии.— В кн.: Славянская филология. Т. 7. София, 1965, с. 172—173.
2. Калынь Л. Э. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967.
3. Калынь Л. Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка: Фонологическая система. М., 1973.
4. Калынь Л. Э., Масленникова Л. И. Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981.
5. Журавлев В. К. Слог как проблема методики преподавания русского языка.— В кн.: Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР. М., 1979, с. 152.
6. Русская диалектология. М., 1972, с. 115—116.
7. Калынь Л. Э. Выступление в дискуссии.— В кн.: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. 2. М., 1962, с. 304—305.
8. Лепская Н. И., Винарская Е. Н., Богомазов Г. М. Способы слогаodelения слов детьми разных возрастных групп и современные теории слога.— В кн.: Фонология. Фонетика. Интонология. М., 1979, с. 112.

Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. Urednik B. Finka. Knj. I, sv. 1. A — cenina. Zagreb, 1984, 240 s.

Словарь хорватского кайкавского литературного языка

Литературный язык хорватов до эпохи национального Возрождения, т. е. до первой половины XIX в., не представлял собой строгого единства. Фактически он функционировал в нескольких региональных формах, базировавшихся к тому же на достаточно четко различающихся диалектных основах — штокавской (дубровницкой, боснийской, славонской), чакавской и кайкавской. Литературная чакавщина, истоки которой можно видеть в памятниках XII—XIII вв., пережив в конце XV — XVI вв. «золотой век», уже в XVII в. сдает свои позиции, а в XVIII в. используется лишь спорадически, уступив в конечном счете место лидировавшей штокавщине. Кайкавский литературный язык ведет свою историю с XVI в. и, в отличие от чакавщины, позиций своих не сдавал — напротив, приблизительно с конца XVIII и в течение первой половины XIX в. его адепты боролись за право этого языка стать основой общенационального хорватского литературного языка. Исход этой борьбы хорошо известен. В 70-е годы XIX в. на кайкавском появляются последние произведения

«последнего кайкавца» Игнаца Кристьяновича: это был закат более чем трехвековой истории старого кайкавского литературного языка. С появлением в 1900 г. кайкавской поэзии Антуна Густава Матоша кайкавский литературно-языковой процесс возрождается и переживает сейчас бурное развитие. Если кайкавщина старшего периода была достаточно хорошо нормированной и полифункциональной, то литературная кайкавщина XX в. — это поэтический язык с опорой каждого автора прежде всего на свой родной говор.

Появление первого выпуска многотомного академического «Словаря хорватского кайкавского литературного языка» под редакцией Б. Финки (далее — КС) — весьма заметное явление не только в югославистике, но и в славянском языковедении вообще. Чем оно вызвано? Дело в том, что большой академический «Словарь хорватского или сербского языка» (далее — АС), вышедший в Загребе в течение почти ста лет (с 1880 по 1976 г.), включает материал лишь ранее названных штокавских и чакавской литературно-письменных традиций и диалектов.

Одной из причин, побудивших инициатора и первого составителя АС Дж. Даничича отказаться от включения в него кайкавского материала, было, как полагают, высказанное в XIX в. мнение о кайкавщине как о словесном диалекте, на чем настаивал Ф. Миклошич. Хотя после второй мировой войны ограниченный кайкавский материал, эксцерпированный всего из четырех памятников письменности, стали вводить в АС (с конца буквы «П» 12-й книги), литературная кайкавщина оказалась практически обойденной лексикографическими изданиями (подробнее см. КС, с. 7—9, а также [1, 2]).

КС издается на основе картотеки в 800 тыс. карточек, являющейся результатом сплошной обработки 441 кайкавского источника (из них 38 рукописных) XVI—XX вв. Эту трудоемкую работу под руководством Б. Финки провели: В. Барац-Грум, И. Калински, З. Райцер, А. Шоят, В. Зечевич. Лексический материал старого кайкавского литературного языка вошел практически весь. В качестве источников послужили 398 оригинальных и переводных текстов всех жанров старой кайкавской письменности; расписаны кайкавские словари XVII—XVIII вв. Юрая Хабделича, Ивана Белостенаца, Павла Риттера Витезовича, Андри Ямбрешича (и Франьо Сушника), Адама Пагачича и некоторые другие, учебно-грамматические сочинения XVIII—XIX вв. Ивана Витковича, Йожефа Матиевича, Йосипа Джурковечкого, Игнаца Кристьяновича, письма Людевиту Гаю, периодическое издание «Даница», ежегодники-календари XVII—XIX вв. Хронологически КС доведен почти до середины XX в., так как для него расписаны и художественные тексты так называемой «кайкавской модерны», начиная от Матоша, Драгутина Домьянича, Томислава Прпича, Мирослава Крлежи и кончая Франом Галовичем и Иваном Гораном Ковачичем. Что касается послевоенной кайкавской литературы, то она более, чем довоенная, «писана местными говорями и диалектами и из-за этого не включена в источники для КС» (с. 9, заключение составлено только для Ковачича).

Из основных принципов подхода к лексическому представлению материала следует выделить такие: в качестве реестровых слов учитываются также фонетико-орфографические и словообразовательные варианты; вместо оригинальной графики используется филологическое правописание с учетом особенностей кайкав-

ского диалекта; при наличии экавских, икавских и екавских рефлексов ё отсылка дается к экавским формам как наиболее характерным для кайкавских говоров (в этом случае некавские формы иллюстрируются только примерами); указывается лишь язык-источник заимствованного слова, а не язык-посредник; после реестрового слова вслед за грамматической пометой в скобках приводится инвентарь всех отмеченных грамматических форм слова (если оно изменяемо); при наличии большого числа примеров употребления слова составители стремились отобрать те, которые относятся к разным векам и, тем самым, показать жизнь слова во временной протяженности.

Особого внимания заслуживает вопрос об обильной вариантности, пронизывающей все уровни старой печатной кайкавщины. Варьирование слова и его грамматических форм вызывалось разными причинами, среди которых следует назвать влияние на носителей кайкавского литературного языка их собственных говоров, воздействие штокавской и чакавской диалектных и литературных традиций, личное отношение пишущих к иноязычным элементам и приемам их адаптации применительно к родному языку. Поскольку в старый кайкавский период кодификационные руководства не носили строго предписывающего характера, то авторы имели достаточную свободу как в выборе языковых элементов, так и в их построении и использовании. Потому диапазон варьирования слов здесь чрезвычайно велик — от наиболее простого фонетико-орфографического (*afrikanski — afrikañski, adventski — advencki — adventski, azijanski — ažijanski, ametist — ametišť*) до словообразовательного (*arendar — arendaš — arendator, borje — borovje — borovišće, baklonos — baklonosec, akvilejanski/akvilejenski — akvilejski — akvilenski, bahat — bahatast — bahaten*) и варьировании лексико-словообразовательных рядов, как, например, *bitva — borejñe/boreñe — boritva — harc, boļ — boļa — boleznost/bolesnost/boleznost — bolešťivost — beteg* (последние компоненты рядов — заимствования с тем же значением). К этому надо прибавить грамматическое варьирование рода существительных (типа *blud — bluda*), имперфективных глаголов (*balandati — balandivati*) и др. С выходом всех томов КС откроются большие перспективы исследования теоретических аспектов проблемы варьирования в литературных языках донационального периода. Это, в свою очередь,

даст возможность более объективно судить о состоянии норм литературного языка и их практическом использовании в условиях отсутствия единства пации и единства культурно-просветительного процесса, работающих на стабилизацию такого языка.

В этой связи представление всех вариантов в качестве реестровых единиц с указанием отношений между ними, как это сделано в КС, следует в целом считать удачным решением. Однако здесь возникает ряд проблем, требующих, с одной стороны, строго унифицированного подхода, с другой — корректного толкования вариантов. Преодолеть возникающие на этом пути трудности нелегко, не всегда последовательны и решения составителей первого выпуска КС. Так, слово *adventcki* имеет только отсылку к *adventcki*; при слове *adventcki* делается семантическая отсылка к *adventski*, а само оно иллюстрируется примером, в котором присутствует лишь один орфографический вариант (*adventcko vreme*). При возможности двоякого прочтения слов с *s* и *š*, *z* и *ž* это отмечается в скобках сразу после слова; в таком случае возможный, но незарегистрированный вариант в одних случаях все же выносится как реестровое слово с отсылкой (*ametišt, ametist; apoštema, apostema*), в других случаях этого не делается (*areštirati, arestirati; apoštem, apostem*). Возникает и проблема семантического описания вариантных единиц, особенно тогда, когда вариант подчеркнут всего лишь одним контекстом. В этом случае, как представляется, составители словаря впадают в текстовую и семантический буквализм, который позволяет увидеть лишь одну реализованную семему слова-варианта, в результате чего семантически разобщаются явные словообразовательные дубликаты, ср. *administrerati* «*upravljati, administrirati*» и *adminištuvati* «*podjeljivati sakramente*»: толкование в обоих случаях дается на основании единичного контекста.

В АС, как известно, включалась практически вся лексика нарицательная и имена собственные (вплоть до личных имен и фамилий). Составители КС решили не вносить собственные имена и дать их отдельным списком в последнем томе. Такое решение имеет под собой определенную логику, однако оставляет открытым вопрос об оттопонимической (адъективной и субстантивной) лексике, если к ней подходить с точки зрения ее происхождения и учета полноты словообразовательного гнезда. В КС представлены *Venečan* «ве-

нцианец», *Venečanin*, *Venečanka*, *venečanski*, *benečki*, *benedački/benetački* и под., но нет, по указанной причине, *Venetke* «Венеция», при котором будет дана и его этимология. Отрывается в связи с таким подходом этимон от последующих модификаций; например, в КС представлено только нарицательное *babilon-babilonija* «грешное, проклятое место или грешные, проклятые люди» (по библейскому описанию Вавилона). В то же время из собственных имен в алфавит словаря включены названия праздников (*Badnjak, Bartolovo*), которые этимологически ближе стоят к личным именам и топонимам.

У исследователя, далекого от кайкавских каталогов крупнейших библиотек Югославии, досаду вызывает то, что список источников дан не в оригинальной графико-орфографической форме, а в фонологическом написании. Не учтен в этом отношении опыт П. Й. Шафарика, дававшего кайкавские источники в своей «Истории южнославянских литератур» в оригинале [3], и продолжена традиция «графико-орфографического подновления», идущая еще от И. Кукулевича-Сакцинского [4].

КС, несмотря на неизбежно возникающие трудности при решении тех или иных конкретных вопросов представления слова, является фундаментальным произведением современной славянской лексикографии. Изданием академического КС ценность литературной кайкавщины поднята на высоту, которую несомненно заслуживает этот старый литературный язык. Свидетельством этого является также и прошедшая в 1978 г. в Загребе международная научная конференция «Кайкавское наречие», на которой большое место было отведено проблемам кайкавского литературного языка¹. Дуличенко А. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Finka B.* O Rječniku hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika.— Rasprave Instituta za jezik JAZU. Knj. II. Zagreb, s. 193—194.
2. *Finka B.* Rad na povijesnom rječniku hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika.— Jezik, god XII, 1964—1965, s. 62—64.
3. *Safařík P. J.* Geschichte der südslawischen Literatur. B. II. Prag, 1865.
4. *Kukuljevič-Sakcinski I.* Bibliografija hrvatska. Dio prvi. Zagreb, 1860—1863.
5. Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 6. Zagreb, 1982.

¹ Материалы этой конференции напечатаны в [5].

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1986 г.

СТАТЬИ

А н г е л о в Б. (НРБ). Славяне и протоболгары в догосударственный период (V—VI вв.)	№ 5
А н д е р ш Й. Ф. Бесподлежащие структуры в чешском языке в сопоставлении с украинским	№ 5
А н д р ю ш и н Е. Н. К вопросу о формировании общественно-политических взглядов Д. Благоева и его отношении к русскому революционному народничеству (1879—1885 гг.)	№ 6
А ц а р к и н а Т. А. Конструкция с отлагательными существительными как часть периферийного поля залоговности (на материале чешского языка)	№ 5
Б а р а н о в А. И. Русская литература в «Дневниках» Стефана Жеромского	№ 2
Б е н д а К. (ЧССР). Прикладное искусство Великой Моравии	№ 1
В е н д и н а Т. И. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования	№ 6
В о л о ц к а я З. М. Опыт описания структуры и семантики загадок одного тематического поля	№ 4
В о р о б ъ е в а И. Г. Венецианские источники по истории Далмации XV—XVII вв.	№ 4
Г е р д А. С. Морфологические типологии древнеславянских текстов	№ 2
Г о л о в к о А. Б. Проблема политического и военного союза в отношениях Руси и Польши (30-е гг. XI—30-е гг. XII в.)	№ 4
Г р и ш и н а Р. П. К вопросу о формировании государственно-монополистического капитализма в буржуазной Болгарии	№ 3
Г у д к о в В. П. Из истории литературного языка у сербов в освещении Н. А. Попова	№ 2
Д м и т р и е в П. А. О некоторых вопросах истории сербохорватского хорватосербского литературного языка	№ 6
З у б а ч е в с к и й В. А. Борьба между Германией и Польшей за Поморье в ноябре 1918 — январе 1920 года	№ 3
З у е в Ф. Г. Новая редакция Программы КПСС о закономерностях развития мировой социалистической системы и социалистического содружества	№ 2
И в а н о в Вяч. В с. Славянская пора в поэтическом языке и поэзии Хлебникова	№ 3
И л ю ш и н А. А. О метрике силлаботонического стиха	№ 5
И с к о л ь д с к и й А. И. Рабочий класс Югославии в годы социалистической индустриализации	№ 2
К а с а т к и н Н. И. Рабочий контроль в Югославии в первые годы народно-демократической власти	№ 5
К и м И. К. Лагерь «санации» и парламентские выборы в 1938 г. в Польше	№ 6
К о п а ш е в а М. И. Изменения социально-классовой структуры общества в ЧССР в 70-е годы	№ 3
К о п ы с с к и й З. Ю. Белоруссия феодального периода в советской историографии 20-х годов	№ 4
М а й о р о в а О. Н. Сотрудничество ВОКС и ОПСД в области культуры (1950 — 1955)	№ 4
М а р к о в Д. Ф. Некоторые итоги и перспективы исследований Института славяноведения и балканистики АН СССР в свете решений XXVII съезда КПСС	№ 3
М а т в е е в Г. Ф. Некоторые черты развития капитализма в сельском хозяйстве Болгарии в 1878—1912 гг.	№ 2
М е щ е р я к о в С. Н. Жанровое своеобразие романа Б. Петровича «Певец»	№ 6
М у р т у з а л и е в С. И. Из истории борьбы болгарских гайдуков против османского ига в XV—XVI вв.	№ 4
Н е д о р е з о в А. И. Выдающийся деятель Чехословакии, большой друг Советского Союза (К 90-летию со дня рождения К. Готвальда)	№ 6

Немец Б. (ЧССР). Февраль 1948 г. и творческое применение КПЧ ленинской теории социалистической революции	№ 4
Николаева Т. М. Славянские частицы и некоторые проблемы типологии	№ 1
Овакимян А. А. Типологическое сходство в формировании армянской и сербской культур в эпоху национального возрождения	№ 6
Охрименко П. П., Охрименко О. П. Традиции и отзвуки «Слова о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской литературах	№ 1
Паримкулов Ш. Д. Культурно-просветительная работа Союза польских патриотов в республиках Средней Азии и Казахстане	№ 1
Попов Г. Н., Страшнюк С. Ю. Советско-болгарское сотрудничество в развитии кинематографии (1971—1985)	№ 6
Прокопова И. И. Великий Октябрь и социальные завоевания польского рабочего класса (1919—1921 гг.)	№ 5
Прохорова С. М. Изучение диалектного синтаксиса славянских языков методом лингвистической географии	№ 3
Пушкаш А. И. Строительство социализма в Венгрии. Разгром контрреволюционного путча в 1956 году	№ 6
Рогов А. И. Юрий Крижанич и русский раскол	№ 6
Романкова Н. В. Формальные признаки авторского стиля Климента Охридского и Житие Константина Кирилла	№ 2
Ронин В. К. Славяне в латинской литературе VII — начала XII в	№ 3
Рыжова М. И. Периодизация русско-словенских литературных связей и некоторые особенности их развития	№ 1
Сokolовская О. В. Английская и французская дипломатия и вовлечение Греции в Антанту в 1916 г.	№ 2
Степанова Л. И. Подготовка кадров болгарской интеллигенции в России (50-е — 70-е годы XIX в.)	№ 4
Страхова О. Б. К вопросу о греческой филологической традиции в восточнославянской книжной среде (Страничка из истории церковнославянского языка конца XVII — начала XVIII века)	№ 4
Фалькович С. М. Укрепление российско-польского революционного союза в огне революции 1905 — 1907 гг.	№ 1
Флоря Б. Н. К вопросу о датировке «Успения Кирилла»	№ 6
Цигенгайт Г. (ГДР.) Теоретические аспекты изучения германо-славянских культурных отношений в период Просвещения и романтизма в контексте процессов внутриевропейской рецепции	№ 3
Щербakov Ю. Н. Советские исследования в период между XXVI и XXVII съездами КПСС о развитии социалистического сотрудничества	№ 1
Яхич Дж. А. (СФРЮ). О лингвистическом изучении боснийско-герцеговинских говоров	№ 2

СООБЩЕНИЯ

Калашникова Н. Ю. К вопросу о деятельности некоторых англо-американских центров по изучению новейшей истории Румынии	№ 3
--	-----

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Венедиктов Г. К. Ю. Венелин и А. Пушкин	№ 3
Горяинов А. Н., Кишкин Л. С. Книжное собрание М. П. и Н. М. Петровских	№ 5
Кишкин Л. С. Художник Ян Ромбауэр (Русский период творчества).	№ 4
Копашева М. И. Научная деятельность Александра Харитоновича Клеванского	№ 5
Николаев С. И. Произведения М. К. Сарбевского в России	№ 2
Юрченко Т. Г. «Славянская эклога» Федора Глинки	№ 4

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Боброва С. П. И. Н. Бороздин как историк-славист	№ 1
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Беляев Д. Д., Журавлев В. К. Калынь Л. Э., Масленникова Л. И. Опыт изучения слога в славянских диалектах	№ 6
Бочкарева М. Н. Д. В. Степовик. Українска графіка XVII—XVIII століть. Еволюція образної системи	№ 1
Васнецов О. В. Документы борьбы за мир и безопасность народов	№ 4
Володка З. С. Ст. Стойкова. Български народни гатанки	№ 6
Герштова Я. (ЧССР). Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. Разыскания, исследования, сообщения	№ 2
Грабощ У. (ГДР). Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas	№ 3
Тришина Р. П. Д. Сирков, Н. Горненски, С. Петрова, Г. Баталски. Народът против фашизма. 1939—1945. Исторически очерк за антифашистката борба на българския народ по време на Втората световна война	№ 2

Дзедзелевский И. А. Полесекій этнолінгвістическіі сборнік. Матэрыялы і ісследаванія	№ 5
Дмитриев М. В. Запаско Я. П., Ісаевич Я. Д. Памятки кніжковага містэцтва. Каталог стародруків, виданых на Украіні. Кн. 1, 2	№ 3
Дуличенко А. Д. Rječnik hrvatskoga kaikavskoga književnog jezika. Urednik V. Finka. Knj. I, sv. 1. A — cenina	№ 6
Дьяков В. А., Мильников А. С. М. Kudělka. O pojetí slavistiky. Vývoj představ o jejím předmětu a podstatě	№ 5
Иванов Ю. Ф. Из истории университетского славяноведения в СССР	№ 2
Кабакова Г. И. Новые румынские исследования по фольклору	№ 2
Калиганов И. И. Ценное исследование о болгарском искусстве	№ 5
Липатов А. В. Zdzisław Libera. Poezja polska 1800—1830	№ 5
Маковецкая Т. Ф. Спомени за обявяване на независимостта на България 1908	№ 4
Мандрик И. А. E. Palotás. Az Osztrák-Magyar Monarchia balkáni politikája a berlini kongresszus után. 1878—1881	№ 3
Мельцер Д. Б., Чернявский Г. И. Кимон Георгиев. Избранные произведения	№ 1
Мельцер Д. Б. Н. И. Туривненко. Сотрудничество общественных организаций СССР и Болгарии	№ 5
Митряева С. И. В. В. Марьяна. Крестьянство в революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 1
Муртузалиев С. И. Ц. Славчева. Историческата българистика в чужбина. 1944—1980. Библиографски справочник	№ 3
Мильников А. С. Концепция национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 6
Нещименко Г. Olga Martinová. Problematika neologismu v současné spisovné češtině	№ 3
Носов С. Н. Кочелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840—1850-е годы)	№ 4
Осипова М. А. Słownik języka polskiego	№ 4
Полинская М. С. L. Dező. Studies in Syntactic Typology and Contrastive grammar. L. Dező. Typological Studies in Old Serbo-Croatian Syntax	№ 3
Риер Я. Г. R. Snažil. Změny sídlištní sítě a jejich příčiny v 10.—19 století.—Uherskohradištsko	№ 6
Романенко С. А. Интересное исследование по истории Воеводины	№ 1
Смирнов Л. Н. Soták M. Kapitoly zo slovensko-ruských jazykových kontaktov	№ 1
Смирнов С. В. Историографические исследования по славяноведению и балканистике	№ 4
Супрун А. Е. Reinhold Olesch. Thesaurus linguae dravaenopolabicae. T. I—III	№ 4
Титова Л. Н. V. Macura. Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ	№ 5
Хелимский Е. А. Новый славистический журнал в Финляндии	№ 2
Чепелевская Т. Ф. Bernik. Tipologija Sankarjeve proze	№ 6
Шинкарев И. И. М. И. Семиряга. Борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистского гнета	№ 5

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. И. М. Научный симпозиум «Революционно-демократическое движение в странах Восточной Европы второй половины XIX в. и его роль в развитии интернациональных связей» (30 октября — 2 ноября 1985 г.; Львов)	№ 5
Агапкина Т. А. Рабочее совещание по «Этнолингвистическому словарю славянских древностей»	№ 3
Воробьева Е. XVI заседание Комиссии историков СССР и ЧССР	№ 4
Данилова А. Международный симпозиум по типологии культур	№ 1
Досталь М. Ю. Третьи Чтения памяти В. Д. Королюка	№ 4
И. К. Собрание международной комиссии по славяноведению	№ 2
Иванов С. А. Конференция молодых ученых по проблемам этногенеза, ранней этнической истории и культуры славян	№ 2
К. И. Научные чтения, посвященные 75-летию С. Б. Бернштейна	№ 5
Никulina М. В. Чтения в честь столетия А. М. Селищева	№ 5
Норман Б. Ю. IV симпозиум по белорусско-болгарским языковым параллелям	№ 3
Т. М. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения Л. Б. Валева	№ 3
Татаренко А. На межвузовском семинаре сорабистов	№ 2
Усачева В. Международный симпозиум «Сопоставительное изучение славянского словообразования»	№ 1
Чепелевская Т. XXI семинар словенского языка, литературы и культуры	№ 5

CONTENTS

Vedorezov A. I. The Prominent Statesman of Czechoslovakie and Genuine Friend of the Soviet Union (To the 90-th Anniversary of Klement Gottwald). *Pushkash A. I.* The Socialist Construction in Hungary. Crushing of the Counter-Revolutionary Putsch in Autumn of 1956. *Popov G. N., Strashnyuk S. Yu.* Soviet-Bulgarian Co-operation in the Development of Cinematography. *Kim I. K.* The «Sanacja» and the 1938 Parliamentary Election in Poland. *Andryushin E. N.* To the Formation of D. Blagojev's Social-Political Views and His Attitude to Russian Revolutionary narodnichestvo (1879—1885). *Rogov A. I.* Yurii Križanić and Russian Schism. *Florya B. N.* To the Dating of «Cyril's Assumption». *Meshcheriakov S. N.* Genre-Originality of B. Petrovič's Novel «The Singer». *Ovčimian A. A.* Typological Likeness of Formation of Armenian and Serbian Cultures at the Epoch of National Renaissance. *Dmitrijev P. A.* About Some Questions of the History Serbo-Croatian/Croato-Serbian Literary Language. *Vendina T. I.* On Some Aspects of Comparative Research in Slavic Names Word-Building 3

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

Mylnikov A. S. Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. *Rijer Ya. G.* R. Snažil. Změny sídlištní sítě a jejich příčiny v 10.—19. století.— Uherskohradištsko. *Chepelevskaya T. F.* Bernik. Tipologija Sankarjeve proze. *Volotskaya Z. M.* Ст. Стойкова. Български народни гаташки. *Belyajev D. D., Zhuravlev V. K.* Калнынь Л. Э., Масленикова Л. И. Опыт изучения слога в славянских диалектах. *Dulichenko A. D.* Rječnik hrvatskoga kaikavskoga književnog jezika. Urednik B. Finka. Knj. 1, sv. 1. A — cenina. 108

Index of Articles Published in 1986 125

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.08.86	Подписано к печати 11.10.86	А-10663	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Усл. кр.-отт. 13,3 тыс.	Уч.-изд. л. 12,7
	Тираж 1152 экз.	Зак. 2846	Бум. л. 4,0

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсоенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В ОРДНИКА 34/38-40
ТОЛСТОМУ И
70891

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891

*В магазинах «Академкнига»
имеются в продаже:*

**Ильина Г. Я. РАЗВИТИЕ ЮГОСЛАВСКОГО РОМАНА В 20—30-е ГОДЫ
XX ВЕКА. 1985. 288 с. 1 р. 90 к.**

В монографии рассматриваются пути развития романа народов Югославии в 20—30-е годы, анализируются художественные особенности произведений А. Цесарца, М. Крлежи и других выдающихся писателей. Специальное внимание уделено проблемам формирования социалистического реализма в югославской литературе, а также типологии югославского романа.

Книга представляет интерес для филологов.

**Липатов А. В. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛЬСКОГО РОМАНА И ЕВРО-
ПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, ВОЗРОЖДЕНИЕ, БАРОК-
КО. 1977. 300 с. 1 р. 20 к.**

В книге рассматривается становление жанровых разновидностей романа и сопутствующих этому явлению теоретических воззрений от Средневековья до Барокко. Особое внимание уделяется сюжетосложению, стилю, особенностям национальной культуры. Специальные разделы посвящены проблемам теории и методики исследования древних литератур.

Издание рассчитано на филологов.

**Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов
магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:**

252030 Киев, ул. Пирогова, 4;

197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7;

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12;

630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22.